

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Эйне Крэбтри

Вор

Архетип — 1

Оригинальное название: Aine Crabtree «The Thief» 2013

Эйне Крэбтри «Вор» 2017

Перевод: Наталья Стренина

Редактор: Анастасия Антонова

Русификация обложки: Ксения Левченко

Переведено специально для группы: https://vk.com/e_books_vk

Любое копирование без ссылки

на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Однажды две девушки из противоположных уголков Земли сталкиваются в обманчиво сонном городке на самом юге. Их невероятная дружба становится катализатором, который поможет распутать самые охраняемые тайны Хэйвенвуда и навсегда изменит их жизни.

Джул Грэм не знала чего ожидать, когда ее, после внезапного исчезновения отца, отправили жить к бабушке, но, определенно, не частную школу, в которой полно иностранных учеников, и на заднем дворе которой находится волшебное зеркало. Ее новая лучшая подруга – белокурая девушка, разговаривающая по-японски, а все взрослые, включая бабушку Джул, обращаются с ней словно с бомбой замедленного действия.

Кроме того, она становится предметом интереса ее новых одноклассников, которые кажутся не вполне нормальными. Что же скрывает Хэйвенвуд?

Глава 1

Джул

Однажды одна девочка была на пути к дому своей бабушки.

Когда я впервые увидела дом, мне показалось, будто он знает что-то. Что-то, чего не знаю я, и чего он мне не скажет. Движение жалюзи можно было бы принять за подмигивание. Старая колода немного просела, изогнувшись кривоватой улыбкой. На газоне свежеекрашенного двора находилось много вещей и растений, в основном, клевер, но было и несколько цветущих трав, названия которых я не знала. Я не очень-то разбираюсь в южных растениях. Три дня назад я даже не знала, что у меня есть семья в Хэйвенвуде, штат Алабама.

Я вытащила один чемодан из такси. Держу пари, что этот старый дом в

викторианском стиле видел и лучшие дни. Лес надвигался на дом с двух сторон, словно пытаясь захватить земли. Древнее сельскохозяйственное оборудование выступало из травы наподобие надгробных плит. Я бы никогда не смогла угадать, для чего эти тонкие, ржавые, металлические устройства когда-то использовались. Как по мне, они больше похожи на устройства для пыток, чем на плуги или уборочные машины.

Пожилая женщина вышла из парадной двери и нерешительно спустилась с крыльца. Это, как я понимаю, моя бабушка. Сердце колотилось в груди. Я не знала, что у меня есть какая-либо семья, помимо папы. Он никогда ни о ком не упоминал. Но, когда он исчез, детский центр в Нью-Йорке раскопал информацию о том, что мама моего отца до сих пор живет в Алабаме. Видимо, здесь он вырос.

Я знала, что он не всегда был профессором университета, но и это было не то, что я могла ожидать.

Ее морщинистое лицо имело суровые черты. На ней было полинявшее хлопковое платье с узором геометрических форм, которое, вероятно, висело в шкафу с 80-х годов. Ее седые кудри были уложены шапкой на голове.

— Беа Грэм, — сказали мне люди из детского центра прежде, чем посадили на самолет. — Твою бабушку зовут Беа Грэм.

Мне захотелось куда-нибудь спрятаться. Она не могла внезапно захотеть заботиться о подростке. Кто на Земле захотел бы? Я ведь шумная, неряшливая, подвижная...

Она нахмурилась, даже не взглянув на меня, прошла по дорожке к таксисту и расплатилась с ним за проезд. Она посмотрела на меня лишь после того, как все мои сумки были выгружены, а машина уехала.

— Джульетта, — произнесла она.

Я сглотнула.

— Да, мэ.м.

Я не люблю, когда меня называют полным именем, но я не стала ее поправлять.

Она смотрела на меня едва ли больше половины секунды, а потом взялась за сумки.

— Давай занесем твои вещи в дом, — сказала она, начав катить один из чемоданов на колесиках по тротуару.

С замиранием сердца я последовала за ней с оставшимися двумя сумками. Я определенно ей не понравилась. Почему? Я вторглась в ее жизнь, пусть и не нарочно. Но мне некуда было идти.

Интерьер дома был такой, что казалось, я пребываю в музее. Чисто, но всё, что здесь находилось, чуть ли не разваливалось на части. Мебель, должно быть, когда-то была великолепна, но время превратило ее в изношенное и выцветшее старье. На стенах висели черно-белые фотографии в рамках. Ковры покрывали деревянные полы. Старые цветочные обои завислись около плинтусов.

— Прямо кухня, — сказала Беа, указывая на коридор, который проходил по центру дома. — Твоя комната наверху.

Мы затащили мои вещи на второй этаж, где затхлый воздух чувствовался даже сильнее, чем на первом этаже. Летающие пушинки пыли были особо заметны в лучах солнца, светящего в окна. В коридоре было несколько дверей по обе стороны лестничной площадки. Она привела меня к правой, открыла дверь в чистую, но практически пустую комнату. Здесь была только самая необходимая мебель: комод, книжная полка, старая кровать с балдахином, полинявший ковер, маленькая лампа — и это всё. На стенах ничего нет, шкаф открыт и пуст, и даже книжная полка пуста. Тонкое одеяло и простыни были сложены на краю кровати. Небольшой электрический вентилятор стоял на полу,

незначительно перемещая воздух. Но даже с ним в комнате было весьма душно. Мне представилось, что на юге так всё время.

— Я всегда хотела сдавать некоторые из этих комнат, — объясняла Беа. — Этот дом слишком большой для меня. Но до сих пор никто не останавливался здесь. Надеюсь, всё хорошо.

— Да, спасибо, — пробормотала я.

— Кондиционер не достаёт до этой комнаты, так что я принесла вентилятор для тебя. Там, — она указала на вторую дверь в комнате, — ванная. Она соединена с другой комнатой. В ней находятся полотенца, и некоторые необходимые тебе вещи. Она посмотрела на меня, неловко рассматривающую комнату. Моя спальня в Нью-Йорке не была больше этой, но там у меня было много своих вещей: собственное мягкое стеганое ватное одеяло, плакаты на стенах, гирлянда, мерцающая разноцветными огнями по всему потолку. Здесь же не было ничего, кроме пустых выбеленных стен, скрипящего под ногами деревянного пола и мягкого жужжания вентилятора.

— Хорошо, — сказала Беа, перед тем как уйти. — Я пойду, закончу готовить ужин. Надеюсь, ты любишь свиные отбивные.

Она была маленькой женщиной, но лестница скрипела ужасно громко, когда она спускалась. Можно и не надеяться на то, чтобы тихо передвигаться по дому.

Я положила чемодан на кровать и дрожащими руками начала распаковываться.

Беа не хотела находиться рядом со мной. Это было вполне объяснимо. Было глупо, считать, что может быть по-другому. Я прочла слишком много книг с добрыми староватыми бабушками, которые кормили внуков пирогами, вязали уродливые свитера на каждое Рождество и покупали куклы. Не то, чтобы я на самом деле хотела куклу, или какую-то из этих вещей...но в этом же и смысл. Чтобы кто-то не чаял в тебе души. Я

вытерла глаза рукавом. Это же глупо. Я уже взрослая для подобного. Я открыла один из ящичков, чтобы запихнуть туда носки. Что-то застучало. Я протянула руку и достала кожаный дневник.

«Это не мое», — была первая моя мысль.

Посмотрела на дверь. Я уже открыла дневник, когда взглянула на него.

Страницы пожелтели от старости, но еще не распадались в руках. Хорошая бумага. Обложка была старая и потертая, но страницы внутри были пустыми. Я просмотрела листы. Кто на Земле позволил бы сделать из кожи такую книгу, чтобы оставить ее страницы чистыми? Может, что-то застряло, подумала я и потрусила книгу, но из нее ничего не выпало.

— Джульетта, — услышала я, как зовет меня Беа, — ужин.

Ощущая испуг и вину, я положила журнал обратно в ящик и спустилась вниз.

Мне еще никогда так не хотелось не есть. Мой желудок скрутился в узел, когда я вошла в кухню в задней части дома. В комнате находился уголок для завтраков, а также широкое окно, выходящее на задний двор. Двор ограждался ровной линией деревьев. Как же аккуратно они были посажены! Я увидела на некоторых из них плоды. Фруктовый сад? Беа посмотрела на меня, стоящую в дверном проеме, и махнула рукой в сторону простого деревянного стола в уголке для завтрака.

— Проходи, садись, — сказала она

Стул громко заскрипел, когда я на него опустилась. Я чувствовала себя бесполезной, ожидая пока она положит еду на тарелку и подаст мне. Я привыкла обслуживать себя сама. Дома я всегда готовила сама. Мой папа в основном ел на ходу. Он мог прихватить что-то по дороге с университета, оставить мне половину, и исчезнуть в

своем кабинете на всю ночь. Я никогда не знала, над чем он работает. Не раз я набиралась храбрости спросить, но он ограничивался ответами: «исследование» или «не твое дело».

Он едва говорил мне что-то, лишь тогда, когда я оказывалась у него на пути.

Полиция расспрашивала меня, когда я сообщила о его исчезновении, не вел ли он себя странно в последнее время? Изменилось ли что-то в его поведении? Стал ли он более скрытным? Раздраженным? Я знала, что это может помочь следствию, если дать им за что зацепиться. Но правда была такова, что мой отец всегда был скрытным и раздражительным. Вел ли он себя когда-то по-другому? Я не знала. Возможно, знает Беа. Или, возможно, он научился этому у нее.

Появившаяся передо мной тарелка вывела меня из раздумий. Беа сидела молча по другую сторону стола с точно такой же тарелкой, как у меня. На них было наложено пюре, политое коричневым соусом, зеленая фасоль и свиная отбивная. Теплый, вкусный аромат должен был бы вызвать у меня чувство голода, но мои внутренности содрогнулись даже при мысли о еде. С другой стороны, не считая арахиса, которым я перекусила в самолете, в моем рту не было ни крошки уже целые сутки, и, к тому же, это покажется грубым, если я хотя бы что-нибудь не попробую. Я потянулась за своей вилкой. Беа кашлянула в упреке, я отпрянула от столового серебра.

— Сперва, мы читаем молитву, юная леди, — сказала она. — Склони голову.

Я повиновалась и, пока она благословляла еду, удивлялась про себя, действительно ли это мать моего отца. Насколько я знаю, он никогда не ступал на порог ни одной церкви. Хотелось бы узнать, смогу ли я привыкнуть к такой долгой паузе перед едой и к этой небольшой речи.

— Благослови эту пищу, чтобы она подкрепила наши тела, аминь, — закончила она и подняла голову.

Она взяла свои столовые принадлежности, так что я решила, что сейчас можно начать есть.

Мы съели наш ужин в тишине. Ну, я говорю «мы». Я провела большую часть времени, лепя скульптуры из пюре, перебирая зеленые бобы и избегая отбивную. У меня всегда была проблема с тем, чтобы съесть что-то, что когда-то имело лицо. В конце концов, Беа заметила, что я не ем.

— Что-то не так? — спросила она.

Я пробурчала ответ.

— И что ты сказала?

— Я... я не очень-то голодна, — пробормотала я.

— Не трать в пустую хорошую еду, — ответила она. — Я не знаю, к какой легкой закуске ты привыкла в городе, но у меня ее нет. Мы едим три раза в день. И если ты проснешься от голода в середине ночи, не ищи ничего съестного.

— Не буду, — сказала я, желая исчезнуть.

Мне просто хочется спрятаться куда-нибудь, пока не вернется папа. Он должен.

Он просто обязан вернуться.

Нахмурившись при виде моей нетронутой тарелки, она прокомментировала:

— Расточительство, — после чего принялась доедать свой ужин.

Потом она встала и извинилась, сказав, что ей нужно позвонить.

Я смотрела в широкое окно, сфокусировав взгляд на том месте, где верхушки деревьев встречались с небом. Фруктовые деревья не были такими высокими, как те, что росли в лесу по обе стороны от дома. Небо только сейчас начало приобретать оттенок заката. Мне еще нужно будет приспособиться к разнице во времени.

Что я здесь делаю? Кто мог похитить профессора антропологии? Иногда он был

склонен к тому, чтобы остаться в университете, ночуя на диване в своем кабинете, так что если бы не погром в квартире, то мне потребовалось бы некоторое время, чтобы понять, что что-то не так. Но, несмотря на хаос в квартире, не было никаких следов взлома. Из-за этого полиция не рассматривала случившееся исключительно как похищение, они упомянули, что существует вероятность того, что он сбежал.

Даже если и так, даже если бы он оставил меня, не сказав ничего, не оставив записки, определенно, у него была веская причина для этого. Должно было случиться что-то ужасное. Что-то, связанное с его исследованием, я уверена. Он бы не бросил меня, если бы не вмешалось что-то экстраординарное. Но как я могу узнать, что же это было? Может быть, в квартире остался ключ к разгадке, но я не была в состоянии найти его, до того, как меня отправили сюда. Как я могу помочь ему через полстраны? Как я смогу вернуться домой?

Мой взгляд вернулся к столу. Если я ничего не ем, то хотя бы могу помочь с посудой. Но я не имею ни малейшего понятия, что делать с тарелками. Положить их в посудомоечную машину? Помыть вручную? Оставить на столе? Я отправилась на поиски женщины, которая являлась моей бабушкой.

Проходя мимо комнаты, заполненной красивыми, нежными чашками и блюдами, я услышала ее голос в передней части дома. Я хотела спросить у нее, что делать.

Я подошла к передней гостиной и увидела ее расхаживающей по комнате с телефоном в руке.

— Ты не можешь ожидать, что я справлюсь с этим в одиночку, — говорила она.

— Ты видел ее?

Я остановилась и сделала шаг назад, чтобы меня не было видно из гостиной.

Подслушивание вряд ли поможет мне понравиться ей. Но я словно приклеилась к месту.

— Если бы ты ее видела, ты бы так не говорила, — скромно сказала она. —

Клянусь, это именно эта девчонка. Ты уверена, что она...?

Молчание.

— Ну, я считаю, это верно, как и то, что ты можешь это получить. Да... знаешь, то, что я сказала. Я беру свои слова обратно. Она должна уйти. Мне следует...?

Все мышцы в моей груди замерли, словно камень.

— Ба...бабушка? — говорю я, как будто просто шла наверх.

Она повернулась, и на секунду мне показалось, что в ее глазах мелькнул и тут же исчез страх.

— Жди ее завтра, — резко говорит она в телефон и вешает трубку.

Потом она обращается ко мне:

— Да, Джульетта, что такое?

Я должна уйти. Завтра. Моя голова закружилась. Для чего я здесь?

— Эм... тарелки... должна ли...?

— Оставь. Я позабочусь об этом, — говорит она.

Я должна уйти.

— Если... если ты не против, — говорю я, — я хотела бы пойти в свою комнату.

Я знаю, сейчас рано. Просто я очень устала.

— Хорошо, обживайся и отдыхай.

Она выглядит так, как будто решает, сказать ли что-то еще или не стоит.

— Спокойной ночи, — сказала она и быстрым шагом направилась на кухню.

Я проследила за ней безучастным взглядом и поднялась по лестнице. Одна нога за другой. Солнце, наконец, садилось, отбрасывая тени в коридоре. Половицы скрипели под ногами, и каждый фильм ужасов, когда-либо просмотренный мною, прокручивался в

голове. Мой отец действительно вырос здесь? Он питал в лучшем случае презрение, в худшем — отвращение к маленьким городкам и сельской местности.

«Если ты не можешь справиться с городом, ты не заслуживаешь страны» — это его слова.

Этот дом, по крайней мере, в три раза больше нашей квартиры, и дополнительное неизведанное пространство нервировало меня. Я знала, что не смогу уснуть, хотя бы не взглянув на другие комнаты. В конце концов... вполне вероятно, это мой единственный шанс.

Сначала, я пошла в комнату, которая соединена с моей. Здесь не было шкафа, только большой комод и туалетный столик с небольшим овальным зеркалом. Осмотр прилегающей ванной комнаты показал, что тут давно никто не бывал. Я пересекла лестничную площадку. На этой стороне было две двери, в точности такие же, как и на другой. Я открыла первую. В комнате была мебель очень похожая на мою, воздух же был более затхлый из-за отсутствия вентилятора. Шкаф был открытым и пустым. Пустота утешила меня. Я закрыла дверь и подошла ко второй. Ручка не поворачивалась. Я нажала сильнее, но ручка не сдвинулась с места. Я посмотрела вверх. Буквы над дверью грубые, как будто вырезанные ручным ножом, были именем. Саймон. Имя моего отца. Я отпустила ручку и отступила. Пол скрипнул под ногами. Птицы громко щебетали снаружи. Пораженная, я помчалась к себе в комнату, закрыв обе двери: в коридор и в ванную. Я села на кровать, подобрала колени. Насекомые клекотали снаружи. Я вспомнила широкие, желтые глаза, которые увидела в Нью-Йорке. Я была в истерике, лепеча о монстрах, когда пришла полиция. Они уверяли меня, что то, что я видела, было кошкой. Но у кошек не такие зубы, как те... Я прижалась лбом к коленям, пытаюсь не вспоминать это.

Пять минут спустя постучались в мою дверь. Должно быть, она слышала, как я бежала.

— Джульетта? — спросила Беа. — Ты в порядке?

— Д...да, — ответила я.

Она открыла дверь, и я поняла, что выгляжу не в порядке, сидя в такой позе на матрасе. Ее взгляд смягчился.

— Это старый дом, — сказала она. — Ты услышишь скрип, но это всего лишь доски.

Комната моего отца закрыта изнутри.

— Что это за жуки? — спросила я не то, что хотелось бы. — Они такие громкие...

— Сверчки, — ответила она. — И цикады. Абсолютно безвредны. Они живут в лесу. Боюсь, я ничего не могу с ними поделать. Если привыкнешь к ним, они будут действовать на тебя успокаивающе.

Я сглотнула.

— Я думаю... — я не была уверена, что что-то настолько громкое, может быть успокаивающим. Движение под окнами нашей квартиры в Нью-Йорке постоянно будило меня.

Она взглянула на меня так, словно решаясь на что-то.

— Давай, вставай, — сказала она, двигая стопку постельного белья. — Помоги мне надеть пододеяльник.

Я послушно взялась за концы пододеяльника, когда она мне их дала, и вскоре тонкое, выцветшее одеяло было на месте.

— Я сомневаюсь, что тебе будет холодно, — сказала Беа. — Но дополнительное

одеяло находится в туалетном столике в соседней комнате. Я должна сказать тебе, — она выглядела оживленной, — завтра ты идешь в школу.

Мои глаза расширились. Завтра. Я не ослышалась? Не слишком ли быстро?

— Завтра понедельник, в конце концов. Я полагаю, чем раньше ты вникнешь в нормальную жизнь, тем лучше. Это не государственная школа. Она частная, и имеет некоторые... требования для поступающих.

Я не могла и предположить, что она имеет в виду, но я и не уверена, что хотела бы это знать.

Все, что угодно, чтобы держать меня подальше от себя, я полагаю. Но, по крайней мере, меня не полностью выгнали из дома.

— Мне очень жаль, — выпалила я.

Она посмотрела на меня с любопытством.

— За всё это, — сказала я. — За то, что так внезапно здесь оказалась.

Она выглядела удивленной моим извинением.

— Не беспокойся об этом, — ответила она. — Ты не выбирала это.

Она не сказала, что я ей не в тягость. Я опустила голову. Беа встала, выглядя так, словно ей неудобно.

— Спокойной ночи, Джульетта, — сказала она, закрывая за собой дверь.

Во всем, что случилось, была одна вещь, которая еще больше сбивала меня с толку

— она не сказала ни слова о моем отце. Ни одного за все время.

Я полезла в ящик комода и достала пустой дневник. Я осмотрела обложку

внимательнее, на этот раз, ища всякого рода знаки. На ней было лишь несколько случайных царапин, но внутри, почти у корешка был отпечаток имени, утонувшем в коже.

Кира.

У меня перехватило дыхание. Эта вещь принадлежала моей матери — я держала в руках что-то ее! Что он делал в этом доме в задней части пустого комода? Может быть, это было то, что она оставила позади, то, что не имело значения. В конце концов, дневник был пуст. Большим пальцем я погладила страницы. Может, это бессмысленно?

Но, что если это не так?

Я легла на кровать, прижимая дневник к груди и прислушиваясь к насекомым, которые клекотали колыбельную.

Глава 2

Камилла

Однажды девушка с ее опекуном покинули безопасность дома, чтобы найти свою дорогу в большом мире.

— Это свалка.

— Этому месту просто нужен ремонт.

— Нет, это свалка, — Камилла посмотрела на Габриэля. — Люди никогда не будут здесь есть.

Она говорит по-японски, он — по-английски. Именно так они разговаривают многие годы.

— Будут, как только я закончу здесь, — абсолютно уверенно сказал он.

Он никогда не был неуверенным в том, что делал, почему в этот раз все должно быть по-другому?

Они стояли перед небольшим каменным зданием, вид которого был еще печальнее, чем тот, в котором его уличили. Сорняки росли из трещин на стоянке. Окна были грязными. Вывеска на фасаде рухнула. Им сказали, о прошлогоднем торнадо. Способ кончины здания не был так уж и важен для Камиллы — факт оставался фактом — это

бесполезно. Габриэль же каким-то чудом превратил это в преимущество.

— Торнадо прошло прямо перед этим местом, но ничего кроме вывески не упало,

— говорил он. — Твердое, как скала. И в любом случае, я бы заменил вывеску.

— Нужно заменить всё здание, — ответила Камилла. — Это церковь, Габриэль. Ты не можешь просто начать подавать круассаны и кофе в церкви.

— Вот почему мы реконструируем это здание, детка, — ответил он, улыбаясь и щурясь от солнца, пытаясь рассмотреть дорогу. — Видишь все эти машины? Это место имеет идеальное расположение. Там заполненная автостоянка бизнес-центра всего лишь в миле* вниз по дороге. А за углом школьная. Ты действительно не имеешь ни малейшего понятия, как Хэйвенвуд вырос за последние несколько лет, — упрекнул он.

— Большой или маленький, скидка на твой страх и риск, — торжественно произнесла Камилла.

— Ну, спасибо, Печенье Удачи.

Камилла вздохнула и откинула длинные вьющиеся волосы цвета золота от лица.

Солнце отразилось в большом железном браслете, который облегал большую часть ее левого запястья. Это место изнемогало от зноя, не смотря на то, что уже стоял ноябрь.

Погоде в южной части США не было равных. Уровень влажности делал воздух плотным.

Она оставила ее любимую толстовку в машине. Да, внезапно у них появилась машина. Он является ее опекуном уже шесть лет, и у них никогда не было машины. Так же, как она никогда не была за пределами Токио, и не ходила в настоящую школу. Насколько ей известно, Габриэль никогда не открыл бы кафе, несмотря на его притязание о знании про них все. Токио в Алабаму? Seriously?

— Почему мы здесь? — в отчаянии спросила она, уже в миллионный раз за сегодня.

— Для контроля за вандализмом, — ответил он.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Спроси меня позже, — произнес Габриэль.

Она скрестила руки на груди.

— Сейчас уже позже?

— Нет, — с непоколебимо хорошим настроением ответил он. — Ну же, давай посмотрим, как много строительная бригада успела сделать внутри.

— Ты в хорошем настроении, — прокомментировала она угрюмо.

— Я люблю этот город, — ответил он, направляясь к входной двери.

«Город», по мнению Камиллы, едва ли мог зваться таковым.

Габриэль утверждал, что Хэйвенвуд довольно большой, но после того, как их самолет совершил посадку, они проехали утешительный свет эстакады и оказались на извилистой двухполосной дороге. Дороги, удаляющиеся от шоссе, изгибались и извивались, пересекая засаженные поля и недавно построенные подразделения. Деревья были везде. Хотя она видела и небольшие горы на горизонте, участок шоссе с церковью/кафе располагался на равнине, гораздо большей, чем Камилла привыкла видеть. Камилла привыкла. Она никогда не была окружена таким количеством деревьев на такой концентрированной территории. И среди таких высоких, устоявшихся, напозающих со всех сторон... нависающих над дорогой... она чувствовала клаустрофобию. Если говорить о доме, в Токио, деревья в Японии были красивыми и тонкими, распланировано размещенные в садах и парках в связи с ценностью и ограниченностью пространства. Деревья были главным украшением — произведением искусства. Здесь же чувствовалось, что деревья — законные владельцы земли, армия, которая восстанавливается так же быстро, как ее сокращают.

Хотя листья уже начали опадать, желто-красное полотно все еще мелькало перед глазами. Камилла сравнивала листья с синяками. Цвета напоминали ей о безнадежной битве с приходящей зимой — грустной, но в то же время смелой, а потому и красивой. Хотя, учитывая жару, которая стояла в ноябре, было достаточно сложно представить здесь зиму.

Камилла не обращала внимания на здания с тщательно разработанным дизайном и упорядоченной архитектурой. Ей сейчас так не хватало утешительной суеты плотного мегаполиса. Еще один фактор к списку вещей, который вызывал отчуждение.

Странность была в том, что впервые в жизни, она не выглядела чужой. Ее родители были шотландцами; ее золотые вьющиеся волосы и зеленые глаза не так уж и распространены в Японии, где она родилась. Там она была объектом любопытства, несмотря на то, что вела она себя как настоящая японка. В отличие от Габриэля...

Никто, кто встречал их, не спрашивал, действительно ли Габриэль ее отец. И так было очевидно, что нет. Ему было около тридцати, но выглядел он моложе своих лет.

Несмотря на его безукоризненный английский, он был определенно японцем: не очень высок, с раскосыми любознательными глазами и прямыми черными волосами, которые будь бы на дюйм длиннее, можно было бы собрать в хвост. И хоть он и выглядел как японец, но не скрывал свою неприязнь к стране, на протяжении всех тех шести лет, когда был опекуном. Он отрекся от суши материка, раздражался по поводу языка (его японский был таким же проблемным, как и ее английский) и ненавидел еду.

— В Японии вся еда на вкус как морская вода, — часто говорил он.

Он никогда не рассказывал Камилле откуда родом, но, видя его отношение к английскому, она была почти уверена, что он американец. В конце концов, об этом городе он уже прожужжал ей все уши.

Габриэль открыл входную дверь, и Камилла зашла в здание вслед за ним. Они оставили дверь открытой, чтобы хоть так сюда попадал воздух — центральная вентиляция еще не была восстановлена. Незавершенное строительство было везде. Фасад дома все еще выглядел как небольшое святилище храма с колоннами и витражами, но скамьи уже наконец-таки убрали. Козлы и листы гипсокартона всё еще находились здесь, но в конечном итоге, появятся столы и стулья, а также ковры, застилающие каменный пол. Тут много пространства, на потолке специальная ниша, в которую встроены софиты из цветного стекла. На первом этаже будет прилавок и, собственно, кафе. На втором — их комнаты. Первоначально они служили комнатами для священника, так что не нуждались в большом обновлении. За исключением, водопровода, который нужно проводить повторно. И крыши, которую нужно починить. И порванных ковров. Видимо, под двумя отвратительными зелеными коврами должен быть отполированный деревянный пол. А также тут были груды старого хлама, от которого еще предстояло очистить шкафы. Да-а. Не так уж и много обновлений.

Но внизу, в святилище, то есть в столовой, строительные работы шли куда лучше, полагала она.

Габриэль был в восторге.

— Вот здесь будем готовить чай и кофе, — он указал, где именно. — Вид будет лучше, когда придут столешницы. Прилавок и кассу поставим здесь. Нужно еще подождать, пока установят стекло. Тут будет полно еды, которую ты не хочешь есть.

Камилла поморщилась.

— Всё, что ты собираешься делать, будет покрыто шоколадом, или карамелью, или же вообще изначально сделано из сахара.

— Это пекарня, детка.

— Можно печь вещи без сахара, знаешь ли.

— Например?

— Например, пирог с карри, — это слоеный пирог с мясной начинкой. — Или чука-человек.

— Китайские свиные булочки? Это далекий юг, Камилла. Никто не будет это есть.

— Откуда ты знаешь? — вызывающе спросила она. — И «далекий юг», —

последние слова она произнесла на английском, акцентировав на них внимание. — Что бы это еще значило?

— Это то, где мы находимся. Это регион, который охватывает несколько штатов в южно-восточной части США. А это означает две вещи. В общем-то, это означает кучу всяких вещей, но я озаботился только двумя: во-первых, тут готовят лучшую в мире еду.

Это родина хороших и честных людей, которые понимают, что масло — это хорошо, бекон

— еще лучше, и нет никакого смысла в чае, если он не состоит на девяносто процентов из

сахара. Во-вторых, здесь никто не знает, что такое пирог с карри и даже, если ты

уговоришь кого-то попробовать его, тебе вежливо улыбнутся, из-за хороших южных манер

скажут, что он хорош, но никогда не закажут его снова.

— Я не знала об этом, — весело прозвучал женский голос в другой части церкви.

— Это кажется немного самонадеянным, так говорить.

Габриэль повернулся, и улыбка осветила его лицо.

— Шарлотта!

Шарлотта

была

женщиной

лет

тридцати,

среднего

роста,

средней

привлекательности и с неприлично длинными рыжими волосами, собранными в косу, конец которой качался возле ее талии. Она светилась энтузиазмом, так же как и Габриэль. Она поприветствовала его дружескими объятьями.

— Мне всё было интересно, когда же ты сюда вернешься, — воскликнула она. — И я всё не верила, что кто-то купил старую епископальную церковь, но, знаешь, теперь я не так уж и удивлена.

— Буду считать это комплиментом, — ответил он.

— Мистер Кацуро, — произнесла другая женщина, переступая порог. — Я была бы рада приветствовать вас в Хэйвенвуде, но мне сказали, что это не первое ваше пребывание здесь.

По правде говоря, в ее голосе не прозвучало ни капли радушия. Она ступала осторожно, как будто ожидая, что здание вот-вот завалится. Она резко отличалась от Шарлотты — низкая японка, одетая в слишком нарядные юбку и блузку. Ее прямые короткие волосы доходили до щек, а выражение лица было лишено эмоциональности.

Габриэль же улыбнулся ей и пожал руку.

— Меня связывает столько воспоминаний с этим местом, — сказал он. — Кроме того, Хэйвенвудская школа на первое время подойдет Камилле. Какая вы из сестер Унимо?

— Вы позволяете себе слишком много, — ответила она. Ее акцент был незначительным, словно она была носителем языка, но Камилла смогла его уловить. — Вы не должны забывать, что я являюсь директором школы.

— Значит, Рин, — легкомысленно сказал Габриэль. — Рад наконец-то встретиться с вами. Можете себе представить, я уже наслышан обо всей вашей семье. Это же ваша сестра недавно получила Нобелевскую премию за изобретение в генетике?

— Это широко известный факт, — кисло ответила Рин Унимо. — Вы же являетесь известной личностью. Но сейчас не место и не время для историй, мистер Кацуро.

— Пожалуйста, зовите меня Габриэль.

— Хм... — она взглянула на Камиллу. — Я так понимаю, эту девчонку я принимаю в школу.

Камилла оцетинилась.

— Девчонку? — сказала она на английском.

— Надеюсь, ей хватит знаний, которые ожидают от нее высокие школьные стандарты, — говорила Рин, словно не услышав слов Камиллы. — Правильно ли меня проинформировали, что она никогда не ходила в обычную школу?

Габриэль все еще улыбался.

— Из многочисленных писем, которые я получал последние два года, я уверен, что Хэйвенвуд примет Камиллу в любое время, при любых обстоятельствах.

— С более сильным руководством приходят более строгие правила, — ответила

Рин. — В свое время Таррант Смит был хорошим директором, но Хэйвенвуд перерос его.

Взгляд Габриэля переместился с Рин на Шарлотту, которая отстраненно рассматривала стену.

— Я понимаю. Да, Камилла никогда не была в школе, но я уверен, что ее образование на уровне даже стандартов Унимо.

Рин нахмурилась, как будто его непоколебимое спокойствие разочаровывало ее.

— Ради целесообразности ей следует начать посещать школу в понедельник — по

испытательному сроку.

У Камиллы возникли проблемы с некоторыми словами на английском, которые они никогда раньше не использовали в разговоре, и слово «испытательный» ввело ее в тупик.

— Она даже не успела переступить порог, а уже находится на испытательном сроке? — рассмеялся Габриэль. — Она ничего не сделала.

— Точно, — холодно ответила Рин. — Все наши студенты должны проявить себя. Обычные дети должны принадлежать другому месту.

Габриэль задумался, вновь взглянув на Шарлотту.

— Это ваша школа, — пожал он плечами.

— Я рада, что мы поняли друг друга, — сказала Рин. — Ничего другого я и не ожидала.

Габриэль обнял Камиллу за плечи.

— Самое важное — это образование Камиллы.

В этот момент снаружи раздались звуки — металлический скрежет, а затем низкий свист.

Ее глаза сузились. Остальные не были способны услышать этот звук, но она точно знала, что это было. Она молча подошла к входной двери.

Рин пробормотала:

— Как грубо.

Но Камилла не обратила на женщину ни малейшего внимания, словно бросая вызов. Как и этот идиот.

Она повернула за угол здания и столкнулась лицом к лицу с парнем не намного старше ее, который держал в руке баллончик с краской. Он встретил ее хмурый взгляд и выдал ей зубастую улыбку.

— О, тут кто-то был? Плохи дела, — неискренне сказал он.

Он должен был заметить машины на стоянке. Наверное, он даже слышал голоса внутри. Камилла слышала их стоя здесь — сейчас Габриэль пытался найти общий язык с Рин. Камилла взглянула на серую кирпичную стену, на которой рисовал парень какое-то лицо с острыми зубами. Она перевела взгляд на него. Темные зубчатые волосы, лицо всё в пирсинге. Шрам от кончика носа по всей щеке. Она знала этот тип парней. Такие, как он, часто встречаются по всему Токио.

Она посмотрела на другую сторону улицы и дома за ее пределами. Должно быть, он оттуда.

— Убирайся! — потребовала она на английском.

Он фыркнул, не впечатленный.

— Я еще не закончил, — усмехнулся он.

Он снова встряхнул баллончик.

Камилла разразилась бранью.

— Я сказала, убирайся, — уже громче отрезала она.

Его глаза бросали вызов.

— И что ты будешь делать, Златовласка? — он подошел ближе, грозно взирая на нее с высоты своего роста, пытаясь напугать. — Вы, иностранные дети, приходите в наш город, ведете себя, как пожелаете, а потом убегаете плакаться к мамочке и...

Камилла толкнула его, и он оступился, улыбаясь.

— Камилла, — прозвучал голос Габриэля. — Хватит.

Ее пульс ускорился. Она почувствовала, что ее вены на левом предплечье упираются в железный браслет. Никто не мог говорить про ее родителей в подобном тоне и думать, что это сойдет ему с рук.

Она оглянулась. Взрослые вышли из здания. Габриэль бегло посмотрел на сцену, развернувшуюся перед ними. Рин рассматривала Камиллу с неодобрением. Шарлотта была ошеломлена.

— Уоррен Хайд! — воскликнула Шарлотта. — Как ты мог?

Он пожал плечами.

— Это место заброшено уже довольно давно. Я думал, тут никого нет.

Лжец!

— Здесь машины и вполне видно, что ведутся строительные работы, — яростно говорила Камилла Габриэлю на японском.

Он просто положил руку ей на плечо, универсальный знак, указывающий на то, что ей нужно успокоиться.

— Даже если это и правда, — говорила Шарлотта парню, — мы все еще не ходим по округе, разрисовывая дома.

— Нет, — согласилась Рин. — Но также мы не набрасываемся на остальных учеников в общественных местах, — ее глаза остановились на Камилле. — Вы даже не перешли порог школы, мисс Тиг, и уже прибегаете к насилию. Да, я бы сказала, что ваш испытательный срок более чем оправдан. Идемте, мистер Хайд, я провожу вас. Мистер Кацуро, мы продолжим наш разговор позже.

— Надеюсь на это, — спокойно ответил Габриэль.

Бросив ухмылку Камилле, парень последовал за Рин к ее машине.

Шарлотта облегченно вздохнула, когда они уехали:

— Мне очень жаль. Иногда он просто невозможен.

— И когда же Рин Унимо взяла все дела в свои руки? — спросил Габриэль, наблюдая за тем, как машина выезжает с парковки.

— В течение лета, — ответила Шарлотта. — Я знаю, она кажется резкой, но у нас никогда не было такого спокойного года, как этот.

— И она разработала некоторые проекты, которым вы все очень рады.

Шарлотта слегка покраснела.

— Что?

— У тебя мел на рукаве рубашки. Ты превратилась в рассеянного профессора.

— Я учитель химии в средней школе, а не профессор, — упрекнула она. — Она увеличила мне бюджет, если ты это имел в виду под проектами. У меня появилась возможность собрать набор получше по химии для детей, — она улыбнулась Камилле. — Тебе повезло, я запланировала парочку действительно классных вещей. Если мы не подпалим что-нибудь до Рождества, я буду удивлена.

Габриэль вздохнул, рассматривая новые граффити.

— Почему у меня такое чувство, что ты единственная, кто рад нас здесь видеть?

— Рин просто очень осторожный человек, — великодушно произнесла Шарлотта.

— А Хайд... тут ничего личного. Он, кажется, считает, что должен проверить каждого нового студента.

— И Тэйлор?

Ее улыбка исчезла.

— А что с ним?

— Ах, — видя ответ на свой вопрос в ее реакции, произнес он. — Тем не менее, не всё так плохо.

— Не сдавайтесь, ладно, — сказал Шарлотта. — На днях он подойдет к тебе.

— Ты говоришь, что...

— Будет лучше, если ты перестанешь провоцировать его, — увещевала она.

Он улыбнулся.

— Мне нравится думать об этом, как о том, что я учу его заводиться.

— Скорее свиньи полетят, чем научится заводиться Джон Тэйлор, — сухо ответила Шарлотта.

— Может, это мне стоит посоветовать тебе не сдаваться, — ответил Габриэль.

Она засмеялась.

— Давай будем реалистами. Ну, мне пора возвращаться. Похоже, мы завтра встретимся с тобой в классе, Камилла.

Девушка пожала плечами.

— Она рада, — солгал Габриэль.

Шарлотта рассмеялась.

— Бьюсь об заклад, я смогу ее обрадовать. Увидимся.

Камилла и Габриэль вернулись в душное, незаконченное кафе. Он корпел над списками и схемами на неокрашенном прилавке. Она прислонилась к колонне, мечтая о том, чтобы тут был стул.

— Я не хочу ходить в школу с этими людьми, — сказала Камилла, радуясь, что наконец-то можно говорить на японском, как нормальный человек.

— О, ведь не всё так плохо, — отозвался Габриэль. — Шарлотта очаровательна.

Разве ты не слышала? Она позволит воспламенять разные вещи на уроках химии.

— Мне не нравится Унимо, — проворчала она.

— Ты ей тоже не нравишься, — весело согласился он. — Но, если быть честным, в этом есть моя вина. Всегда есть кто-то, кто стремится уничтожить нас, и лучше привыкнуть к этому сейчас. Кстати... напомни мне то правило.

Камилла вздохнула. Если бы ей давали пять центов каждый раз, когда она

повторяет эти глупые правила.

— Держаться подальше от баров. Не подходить к модным ресторанам. Не подходить к лесу. И никогда...

— Никогда-никогда.

— Ничего не курить.

— Никогда. Если ты видишь человека в дорогом костюме? — подсказал Габриэль.

— Не смотреть ему в глаза, и немедленно найти тебя.

— Если ты видишь человека с зелеными волосами?

— Притвориться, что я его не вижу, и немедленно найти тебя.

— Если ты видишь женщину, одетую в кожу?

— Бежать к черту.

— Моя девочка.

— Это действительно странные правила, Габриэль.

— Мы живем в странные времена, детка. Я повторяю тебе всё это для твоей же безопасности. Теперь можешь пойти распаковывать вещи или остаться послушать серенаду об инвентарных списках.

Камилла поморщилась.

Наверху Камилла рассмотрела новое пространство, критически оценивая то, на что подписал их жизни Габриэль. Ее комната была маленькой и тесной, хотя от этого ей было даже комфортно. Здесь было окно, открытое лишь на несколько сантиметров, чтобы проветрить комнату, с видом на лес. У нее не было кровати, только фuton** на полу, но она как раз таки предпочитает его. Остальное пространство занимал большой комод, оставшийся от прежних владельцев в комплекте со стулом и большим позолоченным зеркалом, отчаянно нуждающимся в полировке. Камилла наклонилась, рассматривая

рамку. Кто знает, из какого металла, сделана рамка под всей этой паутиной? Она дотронулась рукой до металла.

В зеркале она увидела тень, скользящую позади нее. Она вздрогнула и обернулась, но там никого не было. Она прижала правую руку к браслету на левой, пытаясь унять учащенное дыхание. Тут ничего не могло быть, говорила она себе. Это всего лишь старое грязное стекло. Внизу Габриэль включил музыку.

Камилла вернулась к зеркалу. Овальной формы, оно тянулось с обеих сторон комода. Он был огромен — даже отдельные его части были больше ее пяти футов одного дюйма. Она провела рукой по раме зеркала, большой палец отслеживал притупленный временем узор. Был шанс, что под всей этой патиной находился цветочный узор. Она посмотрела поближе на выцветшее стекло. Камилла вспомнила про две вещи сразу: Алиса в Зазеркалье и Призрак Оперы. Подобное сравнение ее не успокоило.

— Вниз, детка, — едва слышала Камилла позади себя.

В зеркале мелькнула тень.

Камилла снова повернулась, широко раскрыв глаза и сжимая браслет. Она была одна в комнате.

Она, должно быть, подняла шум, потому что Габриэль просунул голову в дверной проем.

— Всё в порядке здесь? Всё по вкусу? — его голос был веселым, но лицо не выражало никаких эмоций.

Он вошел внутрь, оглянув комнату.

— Я думаю, в моей комнате что-то обитает, — медленно произнесла Камилла, почувствовав себя глупо, как только слова были произнесены.

— Сомневаюсь... — пренебрежительно сказал он, закрывая окно. — Не

существует такого понятия, как призраки. Но даже если бы и были, они бы не появлялись при дневном свете.

Тогда почему он закрыл окно?

— Ты сказал, что это самое безопасное место, но я должна кое-что спросить, — сказала она. — Что-то следовало за нами или оно уже было здесь?

— Спроси меня позже, — был его ответ.

Прим. Переводчика:

*1 миля = 1,6 км

** Футон

Глава 3

Мак

Однажды был мальчик, который не знал страха.

Привет. Мое имя Мак Дюпри. Мак — это сокращенно от Макалистер, да я и сам словно укороченный по отношению ко всему. Мои особые черты характера включают в себя любовь к онлайн-играм, малопонятным забавным пустякам и, определенно, личный магнетизм. Существует одна единственная проблема — кажется, я притягиваю неприятности. Бывают дни, когда всё идет так, как того желаете вы. Но потом наступают дни, которые начинаются с того, что вы спотыкаетесь на парковке. Именно так я и хотел начать неделю. Мои колени пронзила острая боль. Маленькие кусочки асфальта врезались в ладони. Видимо, я выбрал неправильный день, чтобы одеть шорты. Моему лучшему другу Дастину повезло больше с джинсами. Однако, похоже, он порвал свой пиджак.

Нас окружает хрипкий смех. Хайд смеется громче всех. Он взял один из деревянных мечей из класса кендо и с силой ударил по нашим ногам, когда мы проходили

мимо его грузовика. Он снова опирается на капот, опуская меч на плечи.

— Забыл завязать шнурки, карлик? — гогочет он.

— Ага, это действительно трудно найти шнурки на шлепанцах, — ответил я, поднимаясь на ноги.

Я на целый фут ниже его и на три года младше и я получаю более высокие оценки, что делает меня его мишенью.

Хайд не такой уж и огромный парень, честно говоря, Дастин выше его. Но телосложение у Дастина такое, словно он сделан из палок и швабр, в то время как Хайд избивает людей в классе карате и кендо последние два года. Хайд обычно одевается в различные комбинации разрезанной, порванной и паленой кожи или джинсов, и имеет пирсинг на губе, одной брови, и в ушах, но его характерной особенностью является шрам, который тянется от переносицы по щеке. Ходит много слухов о том, как он его получил, но никто не знает наверняка.

— Может, вам нужно смотреть, куда вы идете, — насмехается Хайд.

Его шрам извивается.

— Может, тебе стоит прятаться среди машин и прогуливающих по парковке людей, как трус, — огрызаюсь я. — Ой, подожди, ты же именно это и делал. Вот дела. Он спрыгивает с капота автомобиля, размахивая деревянным мечом. Я остаюсь на месте, пренебрегая им. Дастин, который еще не поднялся, съезживается.

— Тут встреча, о которой я и не подозревал, — звучит знакомый презрительный голос. — Разойдитесь и заходите внутрь, ребята.

Небольшая часть толпы поражена появлением учителем английского — мистера Тэйлора. Тэйлор выглядит как какой-нибудь профессор — в своей рубашке с воротником и очках в проволочной оправе, но у него такой способ успокаивать, что хочется просто

исчезнуть. Содовая перестанет шипеть, если он скажет ей успокоиться.

Зрители заходят в школу, не желая вызвать его гнев. Хайд кисло смотрит на то, как

Тэйлор рассматривает нас. Есть только три человека, которые могут повлиять на Хайда, и

Тэйлор один из них.

— Если вы хотели подраться, то оставьте это на потом, — огрызается он. — Это

работа Икедо справляться со всем этим мачо-дерьмом, не моя.

Он выхватывает деревянный меч из рук Хайда.

— Поймаю тебя с одним из них вне зала, оставлю после уроков.

— Да, сэр, — рычит Хайд, удаляясь со сцены, на прощанье свирепо взглянув на

нас.

Тэйлор хмурит брови, смотря на Дастина.

— Сколько еще ты собираешься сидеть на земле, Хэрон?

Дастин вскарабкивается на ноги, бросая робкий взгляд из-под завесы темных волос.

Тэйлор смотрит на то место, куда он упал. Несколько пушистых перьев уносит

ветром.

— Моя куртка порвалась... — бормочет Дастин.

— И ты носишь меховую куртку, когда на улице восемьдесят градусов*... оба

идите внутрь. Дюпри, зайди к миссис Миллер за бинтами, прежде чем заявиться в класс,

— приказывает он, проходя мимо нас. — Если истечешь кровью на моем этаже, вытри

пол.

Мы оба задерживаем дыхание, пока он не скрывается за дверью.

— Не всё так плохо, — говорю я, когда он уже за пределами слышимости.

— Должно быть, он уже выпил свой кофе, — соглашается Дастин. — Нам повезло.

Я встряхнул свои шорты и поморщился, чувствуя жалящую боль в коленке.

Большая ссадина, но крови нет. Вероятно, я буду в порядке. Я подхватываю свою сумку, и осторожно иду.

Я никогда не побеждал в драках с Хайдом. Я не собираюсь лгать. Конечно, это довольно глупо с моей стороны стоять недалеко от него, когда мы забираем наши книги из шкафчиков. Но когда Хайд, будучи абсолютно задницей, стоит передо мной всё, о чем я могу думать это то, как я хочу ударить его в лицо. Может быть, даже кактусом. Я улыбаюсь этому мысленному образу.

Наша школа не такая как остальные. Технически, это частная школа, и она любит похвастаться тем, что тут много учеников со всех уголков мира, но всё же большая часть учеников — местные. Люди, руководящие этим местом, определенно не отсюда. Я слышал, как-то моя мама сказала, что большую часть финансирования Хэйвенвуд получает от некой японской компании. Это странно, но я не намерен жаловаться. Честно говоря, это место довольно хорошее, а в кафетерии широкий выбор. Учителя тоже довольно неплохи, даже вечно ворчливый Тэйлор. Единственное на что я жалуясь, так это студенты.

— Ну вот, опять, — стону я, нарезая круги вокруг шкафчиков. — Комиксы, которые я оставил здесь в пятницу пропали.

Дастин вздыхает, бессловесно говоря мне: «я же говорил».

— И конфеты? Ой, да ладно. Я умираю с голоду. Мне не следовало пропускать завтрак.

Наши шкафчики грабили несколько раз с начала учебного года. Очевидных следов взлома нет. И еще у нас проблема с тем, чтобы вычислить виновника. У нас слишком длинный список.

Кроме Хайда тут еще много младше, — и старшеклассников, которым нравится

доставать меньших учеников. Я же подхожу по двум пунктам, так как пропустил год, закончив его раньше. Несмотря на рост, поведение Дастина так и кричит: «Я легкая мишень». Так что, мы обречены на этом фронте.

Есть еще одна проблема — так называемая, местная знать, так же известная как группа моей старшей сестры Хейли. Она бродит со своей лучшей подругой и двумя богатыми парнями, воображая, что они высшие существа. Хейли держится как можно дальше от своего брата-ботаника. Ей нравится описывать пространство вокруг меня и Дастина, как «свободная от девушек зона».

Это кое о чем мне напомнило.

— Вот дерьмо!

— Ты только что вспомнил, какой сегодня день, да? — спрашивает Дастин.

— Она здесь? Ты ее видел?

— Откуда мне знать, — вздыхает он. — Я даже не знаю, как выглядит эта твоя воображаемая особа.

— Она не воображаемая. И ты никогда не видел никого как она. Фух.

— Ну, если ты так говоришь, — отвечает Дастин.

Видите, у меня проблема. Я весь такой крутой и всё такое, но у меня никогда....

Никогда не было девушки. Я имею в виду, были некоторые сдвиги тут и там. Однажды в шестом классе я поцеловал девчонку на спор. Но я никогда не чувствовал ничего подобно, как те прилагательные, существительные и глаголы, которые используют люди, чтобы описать любовь. Но...

Ну, вы знаете.

Пожилая миссис Грэм — стереотип старушек, она живет в старом жутком доме, которая попеременно нагружает тебя, то конфетами, то пирогами, просит не разговаривать

громко в библиотеке и чистить зубы три раза в день. Я стрижу ее газон, с тех пор как стал достаточно взрослым, чтобы справиться с газонокосилкой. Но, если остальные бабушки бесконечно болтают о своих внуках, начиная с их дня рождения, то она впервые упомянула о Джульетте только несколько дней назад.

Но это не говорит о том, что я не знал о ее существовании. Моя семья живет в Хэйвенвуде всю мою жизнь, и город не настолько большой, чтобы не знать даже самую маленькую сплетню. Я помню, когда мы были маленькими, мы с Хейли пробрались под лестницу, чтобы подслушать разговор за ужином взрослых, куда нас не пустили. Там-то я впервые и услышал, что у сына Беа есть дочь нашего возраста.

Они говорили о ней, словно о какой-то тайне: я только слышал, как ее упоминали невзначай, но только тогда, когда рядом не было миссис Беа. Иногда они называли ее «дочь Саймона», иногда — «дочь Кирь», но лишь на прошлой неделе я услышал ее имя, когда миссис Беа разговаривала по телефону, в то время как я помогал ей двигать мебель. Она стала цветом беленой стены на втором этаже, пока слушала то, что ей говорили. Я волновался, что она может потерять сознание или что-то типа того, но она продолжала вставлять слова между разговором: «да», «нет», «вы уверены?». Наконец, она положила трубку, и подошла к старинному стулу, вокруг которого образовалось облако пыли, когда она на него села.

— Джульетта приезжает, — сказала она таким голосом, как будто кто-то умер. Я думаю, она забыла, что я был там, потому что, когда она, наконец, посмотрела на меня, то удивилась и попросила уйти. И я не в состоянии думать ни о чем другом с тех пор. Ну, за исключением того времени, когда на нас напали на стоянке. Но вы должны согласиться, это отвлекает.

— Она не может быть очень высокой, да? Я имею в виду, посмотри на ее бабушку.

Женщина такая маленькая. Она не будет высокой. Верно?

— Конечно, — говорит Дастин.

Я вижу, что ему уже давно всё равно, но я продолжаю говорить.

Это болезнь.

— Но твоя мама маленькая, — я хмурюсь, смотря сам с собой, — но ты похож на небоскреб.

Он пожимает плечами.

— Но она не может быть слишком высокой, да?

— Сорок семь, — говорит он, надежно закрывая свой шкафчик.

— Ноги? Рост?

— Раз, как ты упомянул ее за последние двадцать четыре часа, — говорит Дастин.

— Это не поможет определить высокая она или низкая. Да и в любом случае, это не имеет значения.

Я нахмурился, смотря на шкафчик, из которого исчез шоколад. Кому-то надо заплатить за это.

— Конечно, это имеет значение, — говорю я, закрывая шкафчик, и следуя по коридору за Дастином. — Девушки не любят парней, которые ниже их.

— Никогда не слышал, чтобы ты говорил что-то такое.

— Так же как ты никогда не использовал сарказм.

Дастин вздыхает. Его длинная челка скрывает половину выражения его лица, но язык тела все еще понятен.

— Ты всегда шутишь по поводу своего роста.

— Потому что это ве-се-ло, — я растягиваю слово. — И я могу сделать из этого шутку, пока этого не сделал кто-то еще. И это не помогает — всё время стоять рядом с

ЭмпайрСтэйтБилдингом, — я указываю на него.

— Ладно, хватит. Ты уверен, что она пойдет в нашу школу? Она может пойти в государственную. Ты больше, чем обычно вылезает из кожи по этому поводу, хотя ни разу не видел эту девчонку.

— Это огромная загадка, — обороняюще говорю я. — Я имею в виду, что никто не говорит про нее, несмотря на то, что это было суровым испытанием, когда ее родители сбежали. У старой миссис Грэм нет ни единой ее фотографии, и БАМ, ее отец исчезает, и появляется она. Был ли ее отец высоким? Ты знаешь?

Если он закатывает глаза, значит, ничего не знает. Его волосы полностью закрывают лицо.

— Не имею ни малейшего понятия, — спокойно говорит он. — Но, думаю, она или твоего роста или где-то на полфута выше.

— Почему ты так говоришь? — я открываю рот. — Это слишком высоко! Она подумает, что я карлик!

— Ну, ты можешь сам это выяснить. Вон, две девчонки, которых я никогда раньше не видел.

— Что? Две?

Я смотрю за угол фойе, туда же куда и Дастин. Он не шутил, две незнакомых мне девушки стоят в толпе. Одна — невысокая блондинка с неприветливым взглядом. Вторая — богиня. Ее кожа цвета молочного шоколада, волосы мерцают почти черным, и гладкие, тонкие черты лица. Она оглядывается вокруг с чувством контролируемого ужаса и поджимает губы. Нелетающий ангел заблудился в лесу. Я должен помочь ей. В моей жизни нет никакой другой цели.

Мои ноги начинают идти вперед. Но прежде, чем я успеваю зайти за угол, рука с

большими толстыми пальцами впивается в моё плечо, и я спиной ударяюсь в шкафчики. Я смотрю вверх на Чэйза Армстронга, который старше меня на год и размером с медведя.

Его имя ему соответствует.

— Ты смеялся с моего шкафчика, карлик, — грохочет он.

— Не в последнее время, — огрызаюсь я, раздраженный, что за его спиной мне не видна Причина Моего Существования.

— Это смешно. Ты забавный. Настолько забавный, что я, пожалуй, выбью это из твоей шкуры. Надеюсь, содовая того стоила.

— Содовая? — протестую я. — Какая содовая? Понятия не имею, о чем ты говоришь!

— Та, которую ты стащил с моего шкафчика, придурок. Она была там вчера вечером, а сейчас ее нет.

— Я что похож на человека, который будет громить шкафчик того, кто может угробить меня до смерти?

— Он не разгромлен. Замок выковыряли или что-то в этом роде, — говорит он, прищуривая глаза. — Дело ботанов.

— Наши шкафчики тоже были взломаны вчера, — говорит Дастин, съеживаясь, когда взгляд Чэйза перемещается на него. — Мы этого не делали.

Он смотрит на нас с подозрением.

— Если не вы, то кто?

— Ниндзя, — отвечаю я, желая отделаться от этого разговора.

— Ниндзя? — повторяет Чэйз.

Дастин кашляет.

— Да, наша территория принадлежит ниндзя, — говорит он. — Это часть заговора

с участием иностранных инвесторов, и он только сейчас начинает влиять на учеников.

Это один из первых манифестов. Похоже, ты был выбран, так же как и мы. Ты один из нас,

— торжественно говорит он, хлопая Чэйза по плечу.

— Ну, всё, я уже достаточно наслушался уроков, — рычит он, смахивая руку

Дастина. — Держитесь подальше от моего шкафчика, — свирепствуя, он идет вниз по коридору, размахивая руками.

— Хорошая попытка, — говорю я Дастину.

Он вздыхает.

— Ниндзя? Seriously? Ты пытался получить по лицу, чтобы показать своей мнимой подруге свои мужественные шрамы?

— Говорю в последний раз — она не воображаемая! Она...ох!

Я быстро поворачиваюсь, ища девушку своей мечты, но директор Унимо перехватила ее и потащила в свой кабинет.

Возможность упущена. Но ведь будут и другие. Я отбросил свои непослушные светлые волосы с глаз. Шестерни в моей голове начали крутиться.

— Не знаю, о чем ты думаешь, но это плохой план, — предупреждает Дастин.

— Тогда иди в класс без меня, — говорю я. — Потому что я считаю, это великолепный план.

*80 градусов (по Фаренгейту) — 26,6 градусов по Цельсию.

Глава 4

Джул

Ранее этим утром

Восходящее солнце отражалось на капоте древнего Кадиллака Беа, когда она везла

меня в школу. Привод был тихим, но двигатель грохотал, а задняя крышка звенела время от времени. Меня игнорировали, но я, наверное, будучи не в себе, надеясь на хоть какое-то подобие разговора.

Впереди маячил первый школьный день, безумно тяжелый, как по мне. Ну, не первый день в школьном году — учеба уже шла полным ходом. Но это будет мой первый день посещения. Преображение было словом сегодняшнего дня, у меня был шанс стать кем-то другим — новое место — это всегда возможность произвести хорошее первое впечатление. Пытаться казаться лучше, чем я есть, будет настоящей мукой.

Прошлой ночью я часами примеряла раз по двенадцать всю одежду, которая у меня была, отчаянно надеясь, что подойдя в следующий раз к шкафу, найду в нем что-то удивительное и волшебное, что подготовит меня к предстоящему школьному дню. Это заняло у меня столько времени, что в результате я проспала, и у меня не было достаточно времени, чтобы собраться. Я ограничилась блузкой и бриджами, и собрала волосы в свободный хвост. Преображение не состоялось.

— В обед в школе может быть большая перемена, ты сможешь вернуться, — наконец, заговорила Беа, прерывая затянувшееся молчание. — Это не так уж и далеко. По вторникам и пятницам я работаю в библиотеке. Она находится прямо, если идти через лес. А вот и школа, слева. Кто-то хорошо потратился на нее.

Она не лгала. Сначала вдали двухполосной дороги, по бокам окруженной деревьями с самого дома, ничего не было видно, но как только машина повернула за угол, школа внезапно предстала перед нами. Гигантское здание из серого камня выглядело весьма нетипично для глубокого юга. Сочетание камня и кирпича делали здание приземленным, а однообразные серые тона придавали престижа. Вьющиеся лозы и ухоженные кустарники отлично вписывались в общую атмосферу, навевая мне мысли о

Восточном побережье и Лиге Плюща. Не было похоже на то, что здание было построено несколько лет назад, но кто-то весьма хорошо благоустроивал участок. Мне пришлось напомнить себе, что хоть не в поле зрения, но не дальше трех миль назад находился «умирающий» торговый центр с отделом видео, двумя барбекю и сервисом по обналичиванию чеков. Потребовалось менее десяти минут, чтобы доехать, и в основном дорога пролегла вдоль леса. Почувствовав мое отвращение, Беа сказала, что есть и другая дорога, но, вероятнее всего, она займет намного больше времени.

Беа припарковала свой древний Кадиллак на стоянке, и я снова начала нервничать.

Внезапное чувства страха всё усугубило. Кое-как я вышла из машины и уставилась на трехэтажное здание, вскидывая на левое плечо сумку. Три этажа — это ничто для Нью-Йорка, но я была очень, очень далеко от дома, и по сравнению с остальным городом, школа выглядела как замок.

— Я заберу тебя в три, — сказала Беа, заводя мотор.

— Ты не проводишь меня внутрь? — спросила я, пытаюсь унять панику в голосе.

— Это не начальная школа, — ответила она. — Главный офис сразу возле двери, там тебе всё объяснят, — с этими словами она уехала.

Я проглотила ее отказ и подошла к зданию, чувствуя себя подавленной, и сожалея, что не попыталась найти чего-нибудь на завтрак. В животе летали бабочки. Я застенчиво вцепилась в ремень сумки. Она могла упасть с плеча, будучи пустой. Всё, что в ней было — это ноутбук и чистый дневник мамы. Я просто не смогла оставить его.

Некоторые старшеклассники неторопливо шли с парковки в здание школы, засовывая ключи в карманы, вероятно, от их собственных машин. Я почувствовала укол зависти и напомнила себе о собственном виде транспорта.

Привет, я Джул Грэм. Что это? Ах, да, это мой шофер — ненавидящая меня старая

леди. Мои руки вспотели, так что я незаметно вытерла их об бріджи, перед тем как открыть дверь.

Интерьер был более скромный, чем вид школы снаружи. Коридор хорошо освещен, чистый и шумный. Ученики находились везде: проходили по огромному атриуму, внизу по здоровенному коридору... видимо, там были шкафчики. Я немного заколебалась в атриуме, так как ученики роились вокруг меня и на лестницах, которые были по обе стороны от входа. Я покрепче ухватила сумку, рассматривая указатели на стенах. Мой страх усилился.

О Боже, думаю, я уже потерялась. Я не знаю куда идти. Я не получу расписание. Я не найду нужный класс. Я отстану. Собственно, я уже отстала от всех на три месяца! Я буду выглядеть идиоткой!

— Леди, — прозвучал гладкий женский голос, — вы выглядите так, будто ищите определенное направление.

Я обернулась и увидела женщину азиатской наружности, одетую в костюм.

Идеально ухоженные ногти впивались в блокнот, который она держала. Волосы длиной до подбородка были идеально прямыми.

— Камилла Тиг, я вижу, хотя бы до двери вы дошли без инцидентов, — сказала она, протягивая руку девушке, которую я до этого не заметила.

Она так небрежно опиралась на край лестницы, что казалось, она принадлежит этому месту. Она была низенькой и бледной, с длинными непослушными светлыми локонами. Она осторожно посмотрела на протянутую руку, но всё же пожала ее. Она тоже новенькая? Каким-то чудесным образом я не одна?

— А ты, должно быть, Джульетта Грэм, — сказала женщина, обращаясь ко мне.

— Да, мэм, — я пожала ее протянутую руку.

— Я директор Хэйвенвудской школы, — она наклонила голову. — Рин Унимо. Для вас мисс Унимо.

Ученики столпились вокруг нас, словно река, наткнувшаяся на валун.

— Мы рады, что вы, наконец-то, присоединились к нам, — ее узкая улыбка была странной, но я всё же улыбнулась в ответ.

— Возможно, вы не знаете, — говорила мисс Унимо, — но мы поддерживали связь с вашим отцом, — взгляд на меня, — и с вашим опекуном, — взгляда на Камиллу, — несколько лет. Нам жаль, мисс Грэм, что вы оказались у нас в таких обстоятельствах, но мы всё равно вам рады.

Я не знала, как реагировать. Поэтому беспокойно ответила:

— Спасибо.

— Идемте в мой кабинет, нам есть о чем поговорить, — сказала она, и в ее речи на секунду мелькнул иностранный акцент.

Она направилась в конец атриума. Камилла шла следом за ней, хотя и недоверчиво нахмурившись. Я отправилась следом, но прежде, чем зайти, напоследок взглянула на высокий атриум, который сейчас, не наполненный учениками, выглядел значительно лучше. Вот почему я увидела его, стоящим возле дверей.

У него были любознательные миндалевые глаза и чернильно-черные волосы. Он стоял в атриуме и, клянусь, солнечные лучи, пробивающиеся через входную дверь, струились вокруг него, делая его силуэт золотым. Все остальные отчаянно мчались черт-знает-куда, а он просто стоял в центре, обрамленный солнцем, наблюдая за чем-то на втором этаже со сдерживаемой довольной улыбкой.

Он был самой уверенностью. Он был самым спокойствием.

Его взгляд скользнул через весь зал и остановился на мне. Уголки его рта

приподнялись. Эта улыбка достойна Моны Лизы. Улыбка, которая всё знает и ничего не дарит.

Может, моё сердце и не пропустило удар, но я, определенно, перестала дышать.

Остановилось ли время? Должно быть. Или так, или оно утекало слишком медленно.

— Грэм, — услышала я и подскочила, заходя в кабинет мисс Унимо.

Она выжидательно смотрела на меня со своего стола. Камилла уже сидела на одном из двух стульев напротив него. И как же долго я смотрела...?

— Эм... извините. Школа очень... ээ... красивая, — сказала я.

— Да, это так, — спокойно ответила она. — Проходите, садитесь.

Я бросила последний взгляд в атриум, но он уже ушел. Моё сердце учащенно

забилось. Я закрыла за собой дверь и села возле Камиллы. Я попыталась сосредоточиться на происходящем. Эта девушка в такой же ситуации, как и я. Возможно, ей нужен друг, так же как и мне. Не грубо ли надеяться на это?

Я обвела кабинет взглядом. Он выглядел успокаивающим и старым. Встроенные стеллажи и ее стол были из стекла. Дипломы аккуратно висели на стенах. Орхидея с невероятно маленькими оранжевыми цветами разместилась в углу над столом. Одна рамка за спиной директора со старой бумагой под стеклом на удивление была пуста.

Я попыталась незаметно посмотреть на новенькую, Камиллу. Она была одета в большую красную толстовку и потертые джинсы. На плече узорчатая сумка. Но что действительно бросалось во внимание, так это огромный браслет на ее левой руке — браслет, это еще легко сказано, потому как он охватывал руку от запястья до локтя. Это даже не смотрелось симпатично. Матово-серый металл, возможно, железо, смотрелся необычно. Она слегка сгорбилась на своем стуле, выглядя так, как будто желала быть подальше отсюда.

— Хорошо, давайте начнем. Позвольте сперва сказать, что Хэйвенвудская школа не для всех, — заявила мисс Унимо. — Мы гордимся уникальными талантами наших студентов и ожидаем совершенства. В свою очередь, мы можем предложить вам первоклассное образование и всё, что необходимо для достижения величия. Благодаря репутации, в нашу школу поступает много заявлений со всей страны, и со всего мира. Вы окажетесь в неоднородной среде, так что вы должны уважать культурные различия среди одноклассников. Это относится и к учителям — некоторые из них, как вы будете говорить «местные», некоторые же родом из чужих краев, в том числе и я. Я настаиваю, чтобы вы проявляли уважение к своим учителям в зависимости от их позиции, а не от того, что вы считаете их местными.

Был ли это окольный путь, чтобы сказать: не забывайте, в мое полномочие входит многое?

Мисс Унимо придвинула к нам две одинаковые папки. Она сидела прямо и чопорно в своем кресле.

— Здесь информация для вас, — объяснила она. — Она содержит карту школы, номер вашего шкафчика и ваше расписание, за исключением факультативов. Вы увидите, что здесь все немного не так как в школах, в которые вы ходили, — ее взгляд остановился на Камилле, — или не ходили. Так как у нас не так уж много студентов, чем в большинстве школ, это позволяет обеспечивать более активное участие в учебном процессе. Соответственно, вы можете встречаться с некоторыми учителями несколько раз за день. Они преподают во всех классах, так что, переходя в старший класс, вы будете поддерживать и улучшать взаимоотношения, которые построите уже сейчас. Первый урок, который вы сегодня посетите, ведет ваш классный руководитель. Этот учитель несет за вас ответственность в первую очередь. Ваш руководитель мистер Тэйлор, преподаватель английской литературы. После этого урока вы и ваш остальной класс будете проходить цикл учебной программы для десятого класса: химия, алгебра и история Америки. Во второй половине дня факультативы. Что касается этого... — она подвинулась на своем кресле, сложила руки на столе, и поочередно посмотрела на нас. — Эти предметы называются факультативными, но, честно говоря, каждый студент обязан взять как минимум один, и мы пытаемся назначить их на основе сильных сторон студента. Мы верим, что таким образом помогаем нашим студентам развивать свой потенциал. Это подводит нас к вам, мисс Грэм, — говорила она.

Я выпрямилась.

— Мэм?

— Какое у вас хобби?

Я моргнула, опешив.

— М-моё хобби?

— Что вы делаете в свободное время? — ее глаза сузились.

— Эм... думаю... Я много читаю, — ответила я.

Мне действительно больше не было что делать. Я убиралась в квартире и читала. У меня не было карманных денег, так что все книги я брала в общественной библиотеке.

— Что на счет ваших друзей? Как вы проводите время с ними?

Я сглотнула, чувствуя, как краснеют щеки.

— Ну, я... у меня никогда...

Не было друзей. Мой отец никогда не отпускал меня в спортивные клубы или куда бы то ни было. И, давайте посмотрим правде в лицо, я никогда не была сверкающей личностью. Люди никогда не подходили ко мне и не пытались подружиться. Но если бы и подходили, я уверена, что мое заикание отгоняло бы их сию же секунду.

— Понимаю, — ответила мисс Унимо, видимо, проницательно читая между строк.

Она сделала небольшую заметку у себя в блокноте, сказав: — Возможно, мы вернемся к этой теме позже, когда вы освоитесь.

Закончив со мной, она сосредоточилась на Камилле с еще большей холодностью.

— Мисс Тиг, как я понимаю, несмотря на отсутствие формального обучения, вы все же получили определенную подготовку в боевых искусствах.

— Кэндо, — ответила она.

Её акцент показался мне странным.

Мисс Унимо улыбнулась, но ее улыбка не показалась мне доброжелательной.

— Необычно для девушки как вы, научиться искусству японского фехтования.

Хоть в чем-то мистер Кацура подготовил вас. У нас есть факультатив, который прекрасно вам подойдет. Вы сможете продолжить тренироваться в кэндо и карате с мистером Икеда. Погодите, она умеет драться на мечях? Я смотрю на эту девушку со страхом.

— Что касается определения вашего уровня знаний... — она быстро на нас взглянула. — Боюсь, что для этого у нас нет времени. Тиг, вернись ко мне в кабинет в конце дня, мы завершим ваше распределение. Мне также следует упомянуть о том, что, — она снова сделала заметку в своем блокноте, — основные занятия вы будете проводить в одном классе, в то время как на факультативах вы будете встречаться со студентами всех классов. Так что вы можете оказаться в разных ситуациях со... старшими студентами.

Я не была уверена, но было такое ощущение, что она намекала на Камиллу. Ее лицо оставалось беспристрастным, она лишь слегка склонила голову в сторону мисс Унимо.

— Берите ваши документы и можете идти, — сказала она, взмахнув рукой в сторону двери.

Я поднялась, чувствуя легкое головокружение. Было ли это вызвано таким объемом информации? Я чувствовала себя еще запутанней, чем прежде. Я выскочила в пустой холл, вслед за Камиллой. Она осмотрелась, нисколько не разделяя мою нервозность. Видя ее стоицизм, я начала паниковать еще больше, что резко дисгармонировало. Может, она знает, что делать. Только я об этом подумала, как она открыла папку и нахмурилась, рассматривая ее содержание. Мне следует заговорить с ней. Может, мне следует задать вопрос.

— Ты...эм... ты понимаешь что-то в этом? — спросила я.

Она одарила меня жестким взглядом, и я съежилась.

— Понимаю, — ответила она со странным, очень заметным акцентом.

Короткие, обрезанные гласные и неправильное ударение в словах. С какой части

Земли она?

— Ох, — я смягчилась, — да, конечно. Я просто не совсем понимаю...эм... что нам следует сейчас делать.

Она бросила на меня быстрый взгляд и вернулась к рассматриванию папки, которую она держала. Она меня игнорировала. Это было словно пощечина.

Паника, которая охватила меня утром, вернулась в полной силе. Я открыла свою папку, листы из которой слегка подрагивали из-за моих дрожащих пальцев. Там была карта, но линии плавали у меня перед глазами. Слова сливались. Ни одно из них не имело смысла. Краем глаза я заметила, что Камилла повернула свою папку боком и вверх ногами. Я просто хотела пойти домой. Конечно, там тоже никто не желал меня видеть, но я, по крайней мере, знала бы, где нахожусь.

Кто-то прочистил горло.

— Ты...кгхм... я хотел сказать «привет», — прозвучал голос за моей спиной.

Я повернулась, посмотреть на говорящего, опустив взгляд где-то на шесть дюймов.

Мальчик с лохматыми светлыми волосами жизнерадостно смотрел на меня. Честно говоря, он не выглядел достаточно взрослым, чтобы быть в средней школе.

— Ты выглядишь потерянной. Я имею в виду, новичком. В общем... привет. Я

Мак.

Я моргнула. Откуда он взялся?

— Хм... привет. Я Джул, — сказала я. — И да, я новенькая.

— Информация в этих папках весьма бесполезная, — говорил он. Легкий южный акцент смягчал его речь. — К счастью для вас, я знаю это место как свои пять пальцев. Я родился здесь. Ну, не в школе, я имею в виду, в городе. Очевидно.

Я слабо улыбнулась. Это уже было лучше.

— Так ты знаешь, что у тебя сейчас? Урок с классным? — спросил он.

Я посмотрела на Камиллу. Она с пустым выражением пожала плечами.

— Классный руководитель, — я напрягла память. — Думаю... она говорила о Тейлоре.

Его лицо просияло.

— Потрясающе. Ты в моем классе.

— О, хорошо, — ответила я.

Я не разделяла его восторг, но было приятно для разнообразия поговорить с кем-то.

— Ты действительно в десятом классе? — выпалила я и сразу же об этом пожалела.

Его лицо на мгновение вытянулось, но тут же приобрело прежнее выражение.

— Перескочил класс, — кратко объяснил он. — Пойдемте, английский наверху.

Вам понравится, Тэйлор перенял все очарование мокрых кошек. Не говорите ему, что я сказал это.

— Ага, хорошо.

Я пошла за ним, потом обернулась к Камилле.

— Ты идешь?

Она посмотрела на меня, на свою папку, немного раздраженно захлопнула ее, и последовала за нами.

Мак повел нас вверх по лестнице на второй этаж с видом на атриум. Я подумала о парне, которого видела раньше. Он смотрел на что-то на втором этаже. Я слегка покраснела, взглянув на то место, где он стоял.

Если бы он нашел меня сейчас, блуждающей по залам...

Хотя, давайте будем реалистами. Я слишком взволнована, чтобы вымолвить хоть

слово, ни говоря уже о чем-то умном.

— Сюда, — сказал Мак, ведя нас по коридору к двери с табличкой 2-Б. — Нашел новых студентов, — толкнув дверь, объявил он.

Я остро осознала тот факт, что более десятка глаз уставились на меня. Мой пульс бешено забился. Превращение, превращение, превращение, — словно мантру повторяла я в голове.

Учитель остановился на середине слова, стоя у доски с кусочком мела в руке. Он был худым и оторванным от жизни, но красивым, хотя на его лице застыло измученное выражение, когда он повернулся к нам.

Его глаза расширились от удивления, когда он увидел меня. Похоже на реакцию Беа, когда я прервала ее разговор по телефону — он напуган.

Мак тоже удивился реакции мистера Тэйлора.

— Видите? — подсказал он. — Джул Грэм и... кгхм, — он посмотрел на Камиллу.

— Знаешь, я только что понял, что прослушал твое имя.

Она закатила глаза.

Казалось, мистер Тэйлор уже оправился, но мне все равно не нравились те взгляды, которые он на меня бросал. Как будто я могла привести к концу света при малейшей же провокации.

— Грэм, — пробормотал он. — Да, конечно. Садись. В конце.

В конце класса? Я прижала к себе сумку и пошла по проходу.

Был ли это способ сказать, что он хотел, чтобы я находилась как можно дальше от него? И такая реакция на меня становится тенденцией тут? Что я сделала? Я

проскользнула на стул, убежденная, что бабочки в моем животе мутировали в паразитов нервной системы. По крайней мере, я все еще нормально дышала. Небольшое блаженство.

Тэйлор повернулся и поправил очки, сфокусировав взгляд на Маке.

— И под каким предлогом ты бродил в холе, Дюпре? Какое же оправдание ты приготовил для своей игры в белого рыцаря?

Приглушенное хихиканье раздалось ото всех студентов в классе. Краска подкралась к шее Мака.

— Эм...это...

— Просто садись на место, — тяжело вздохнул Тэйлор. — У меня нет на это времени.

Мак покорно скользнул за переднюю парту за высоким парнем с темными волосами, закрывающими его глаза, который сунул ему записку, когда Тэйлор повернулся к Камилле.

Она все еще стояла в дверях, с перекинутой на плечо сумкой, руки засунуты в передние карманы худи. Она встретила его испытующий взгляд с вежливым выражением.

Его глаза сузились.

— Значит, ты — Тиг, — сказал он с отвращением.

Она пожала плечами.

— Ты разговариваешь? — спросил Тэйлор.

— Иногда.

— Чей у тебя акцент?

— Мой.

Кто-то хихикнул, но грозный взгляд Тэйлор заставил всех замолчать.

— Люблю умных студентов, — сказал он. — Они садятся впереди, чтобы я мог не сводить с них глаз, — он указал на пустую парту.

Это был первый намек на дискомфорт, который я заметила, когда она села за

первую парту, металлический браслет звякнул, столкнувшись с пластмассой. Ей, что, не нравится сидеть впереди?

— Хорошо, если больше ни один студент не собирается к нам присоединиться посреди семестра и урока, — мистер Тэйлор взял толстый весь в отметилах от липких пальцев блокнот, взглянул в него, и бросил на деревянный стол. — Нет, эти были единственные, так что сейчас мы можем действительно что-то сделать.

Посреди семестра или нет, но это было несправедливо. Я же не делала этого нарочно. Но мои щеки все-таки покраснели. Я не могла видеть лицо Камиллы через всю комнату, но я поняла, что она левша, по тому, как она несколько неуклюже разместилась, чтобы делать заметки, за столом для пишущих правой рукой. Я наклонилась, чтобы достать свой блокнот и карандаш из сумки и попыталась использовать эту возможность, чтобы рассмотреть своих одноклассников. Уже на беглый взгляд было понятно, что красивые ученики разместились в заднем левом углу, подальше от входа. Там была блондинка с осанкой и внешним видом модели, еще одна девушка, хоть и не блондинка, но соответствующая первой, и два парня, сидящих напротив задней стенки. У одного из них были растрепанные темные волосы, которые придавали ему вид только проснувшегося; он уставился в окно, подперев рукой подбородок и выглядя скучающим до слез. Четвертым был он. Парень с атриума вертел в пальцах карандаш, по-видимому, придавая куда больше внимания, чем остальные трое вместе взятые, тому, что мистер Тэйлор говорил о социальных нормах Елизаветской Англии, которые привели к созданию «Сна в Летнюю Ночь». Я продолжала рыться в своей сумке, используя это как предлог, для того, чтобы тайком всех рассмотреть. Возможно, мое первое впечатление было ошибочным. Он определенно выглядел гораздо проще, чем остальные трое. Когда я посмотрела на него отдельно, он ничем не выделялся, за исключением того, что был азиатом.

Его взгляд встретился с моим, и он подмигнул.

Я выпрямилась в мгновение ока. Мои руки были на редкость спокойными, когда я открывала тетрадь, ища в ней чистую страницу, чтобы делать пометки, но мой мозг бесконечно повторял: что это было? Что это было? Что это было?

Простой? О нет. Определенно, нет. Не могу поверить, что это приходило мне в голову. Время от времени я продолжала бросать быстрые взгляды назад в его миндалевые глаза, когда на короткое мгновение, они остановились на моих, и мое сердце сжалось.

Вот дерьмо.

Не думаю, что я слышала что-то из лекции, но, видимо, моя рука жила отдельно от мозга, так как когда прозвенел звонок у меня было три полных страницы писанины про Деметрия и Гермию — я проигнорировала то, что написала — Ромео и Джульетта? Как я могла пропустить упоминание о моей тезке? Вздохнув, я забросила сумку на плечо.

Ко мне подошел Мак с возвышающимся за его спиной другом. В этот раз у него хватило такта выглядеть робким.

— Прости, вероятно, это не было лучшим знакомством.

— Ну что же, — сказала я. — Полагаю, я выжила.

Парень издал какой-то положительный звук. Я испуганно взглянула на мистера Тэйлора, но он сосредоточил свой взгляд на Камилле, собирающей вещи, словно она украдет что-то, как только он отвернется. Похоже, здешние учителя ее не очень-то любят...

— Следующая у нас химия с мисс Миллер, — объяснял Мак, чем снова обратил мое внимание на себя. — Она хорошая, — вполголоса добавил он. — Лаборатория находится в подвале. Если хочешь, мы покажем тебе. Ах да, это Дастин, — он представил своего друга, высокого долговязого парня с темно коричневой кожей и слишком длинной

челкой. От него исходили волны неловкости.

Тонкая рука вцепилась в мою. Я удивленно посмотрела на девушку, подошедшую ко мне; это была модель-блондинка с соответствующей ей подругой на буксире.

— Позволь мне спасти тебя от смущения, — сказала она, круговым движением пальца в воздухе, обведя Мака и Дастина. — Это зона свободная от девушек. Пойдем, я покажу тебе, где класс химии.

И она вытащила меня быстрее, чем я успела сказать хоть слово. Когда мы проходили мимо Камиллы, она слегка приподняла брови, отметив изменения в моем сопровождении.

Модель умело прокладывала нам путь сквозь толпу учеников. Казалось, некоторые сами убирались с ее пути.

— Извини за моего младшего брата, — сказала она мелодичным голосом.

Ее подруга по другую сторону от меня добавила:

— Он как щенок, который никак не вырастет, чтобы перестать им быть.

У нее был акцент, которой мне не удалось определить — возможно, французский?

— Он видит новых людей и прямо вцепляется в них, — сказала Модель.

А не ты ли вцепилась в мою руку? Подумала я, но никогда бы такого не сказала.

Красивые люди никогда не разговаривали со мной. И уж точно никогда не пытались привлечь мое внимание. Это, пожалуй, самый странный день в моей жизни.

— Мак твой брат? — спросила я. Полагаю, сходства все же были. Волнистые светлые волосы. Похожие черты носа.

— Слишком поздно, чтобы это отрицать, — вздохнула она резко. — Я Хейли, кстати. Хейли Дюпре. Это Эмити Клермонт, — она представила свою подругу по другую сторону от меня. — Ты определенно произвела впечатление на Тэйлора. Вы знакомы?

У меня была проблема с тем, чтобы одновременно поддерживать разговор и спускаться по лестнице. Но молчать было бы плохо.

— Хм... я никогда раньше его не видела.

— Интересно, — сказала она. — Я прослушала твоё имя, когда ты входила.

Джулия, да?

— Джул, — поправила я. — Грэм.

— Грэм, — задумчиво повторила она, словно ожидая еще каких-то слов от меня. —

Ты же не родственница Беа Грэм?

Я не могла избавиться от ощущения, что этот диалог был прорепетирован.

— Эм...да. Она моя бабушка.

— Точно. Думаю, я что-то слышала о том, что ты приезжаешь сюда, — сказала она.

— Это правда, что твоего отца похитили? Это так ужасно, и так не похоже на то, что могло случиться в реальной жизни.

Воздух стал прохладнее, когда мы вышли на лестничную площадку. Это должно быть подвал. Хотя коридор был таким же длинным, как и наверху, в нем имелась лишь горстка дверей. Классы тут должны быть довольно большими. Хейли и Эмити повели меня вниз по коридору. Несколько студентов плелись позади нас.

— Это не...эм... я не... полиция продолжает расследование.

— Хм, — разочаровано протянула она. — Тут было так много сплетен обо всей этой ситуации, я просто хотела узнать реальную историю. Я знаю старую мисс Грэм всю свою жизнь, а она довольно-таки уединенная особа. Я имею в виду, она живет всего лишь вниз по дороге, но единственный человек, с которым она разговаривает — Мак, когда он стрижет газон, или когда приходит в библиотеку. И честно говоря, кто сейчас ходит в библиотеки?

Я постоянно хожу в библиотеку. Много дней чувствовалось, будто только это место реально.

— Ну, вот он, — сказала она, наконец-то, выпуская мою руку и указывая на дверь с табличкой Б-2.

Внутри женщина в белом халате с длинными вьющимися рыжими волосами, заплетенными в косу, склонилась над столом с экспериментационными материалами, тщательно их отмеряя. Дверь в кабинет с ингредиентами была открыта. Заметив нас, она чуть не уронила стакан, который держала в руке.

Еще один взрослый пришел в шок при виде меня.

— Кира? — выдохнула она.

— Эм... Джул, — ответила я. — Джул Грэм.

С нервным смешком она приложила руку к груди.

— О! О да, конечно! Я должна была знать, извини. Мне сказали, что ты приезжаешь. Ты, наверное, часто слышишь это, но ты точная копия своей матери. Это жутко.

Я моргнула. Моей...

— Я не знала, — пробормотала я.

Никто не упоминал о моей матери. Никто никогда о ней не упоминал. Папа приходил в ярость, если кто-то хоть близко подбирался к этой теме.

— Я ходила в старшую школу с ней. Саймон и Джон тоже, — объясняла мисс

Миллер с ярко выраженным южным акцентом. — В последний раз, когда я видела ее, она была примерно твоего возраста, так что можешь себе представить, это как увидеть призрака. Хотя теперь я вижу разницу. Что-то в глазах. И ты выше, я думаю. Хейли, сделай милость, раздай инструкции, — она протянула ей стопку бумаг.

Реакция Хейли на просьбу сопровождалась ее надменным выражением лица. Но она справилась с собой и даже выдавила улыбку.

— Конечно, — ответила она, начиная разлаживать лабораторные таблицы.

— Спасибо. Ох, да, я Шарлотта Миллер. Это химия, — сказала она, широким жестом обводя комнату. — Я также преподаю в театре. Как прошло утро? Не слишком плохо, я надеюсь?

— Она получила от Тэйлора, — раздался знакомый голос.

Я повернулась, Мак и Дастин вошли в класс. Его энтузиазм умерился со временем.

Мисс Миллер фыркнула, обхватывая себя одной рукой за талию.

— Я же говорила ему не приставать к новым студентам.

— Думаю, он был просто немного... удивлен, вот и все, — сказала я.

— Хм, это больше похоже на правду. Они с Кирой никогда не ладили. Ах, а вот и Камилла, — сказала она, улыбнувшись, когда иностранная девушка зашла в класс.

Я никогда не видела, чтобы кто-то выглядел одновременно потерянным и спокойным, но Камилле это удавалось. Когда она увидела мисс Миллер, казалось, она поняла, что попала в нужное место.

— Надеюсь, вы не против, я считаю, что новички должны держаться вместе, так что я посажу вас за один стол, — мисс Миллер указала на стол позади. — Вон там, как раз напротив Хейли. Подойдет?

— Да, конечно, — ответила я.

Камилла пожала плечами.

— Идите, обосновывайтесь, — говорила мисс Миллер. — Мы еще ждем несколько опаздывающих.

Камилла и я отправились в конец комнаты. Наш стол был в середине трех рядов из

парт на двоих. Хейли и Эмити уже сидели на своих местах рядом с нами. Парта Мака и Дастина, очевидно, была впереди. Хейли повернула свой стул ко мне, видимо, еще не закончив свой допрос. Она полностью игнорировала Камиллу; иностранная девушка сторбилась над блокнотом, бесцельно строча что-то в углу станицы.

— Значит, ты из Нью-Йорка, — говорила Хейли. — Ты должна знать, где находятся хорошие магазины.

— Не совсем, — призналась я.

— Ох, — она слегка нахмурилась. — Как насчет интересных мест. Ты должно быть много где побывала.

Я покачала головой.

— Ты живешь в Нью-Йорке, и не знаешь хороших мест? — воскликнула она. —

Но разве не в этом суть? — она подозрительно посмотрела на меня. — Ты же не одна из тех, кто целыми днями сидит в квартире, играя в видеоигры.

— Нет...

Без компьютера или игровой консоли это трудновато.

— Хм, — нараспев произнесла она, будто я проваливала какой-то тест.

Она подняла глаза, и ее лицо сразу же посветлело.

— Кей, ты нашел?

Это был Он. Вошли парень с атриума и скучающий парень с чересчур стильной прической. Мое лицо вспыхнуло, и я резко заинтересовалась инструкцией к эксперименту, лежащей на нашем столе.

— Нашел что? — спросил он.

Они сели за стол позади Хейли и Эмити. Девушки повернулись, чтобы оказаться лицом к лицу с ними.

— Кееей, ты же сказал, что сможешь найти мой браслет, — застенчиво нажимала Хейли.

Его зовут Кей. Мое сердце неуклюже пошатнулось.

— А, это, — бесцеремонно сказал он. — Совсем забыл. Я захотел кофе, так что зашел в учительскую комнату отдыха.

— Если они тебя когда-нибудь поймают, то выгонят, — увещевала Хейли. — Но я, правда, беспокоюсь за браслет.

— Что если его кто-то украл? — добавила Эмити.

— Рис, заставь его помочь нам найти браслет, — обратилась Хейли ко второму парню.

— Я не могу его заставить сделать что-то, ты же знаешь, — категорично сказал он, заполняя листы.

— Я уверен, он желает, уметь это, — сказал Кей.

— Мир был бы более тихим и менее раздражительным местом, — проворчал Рис.

Он писал ответы? Мы же даже еще не начали эксперимент...

— Хорошо, думаю, все здесь, давайте начнем, — сказала мисс Миллер, закрывая дверь. — Дамы, будьте любезны, лицом ко мне.

Хейли и Эмити неохотно повернули свои стулья.

— Мальчики, положите ручки. Я вижу, что вы делаете заметки.

Мак и Дастин выпрямились.

— Жак, дай мне свой телефон. Получишь его назад после занятий.

Она протянула руку. Парень с обесцвеченными волосами поплелся через всю комнату, с кислым выражением лица протянул ей свой изящный телефон, и вернулся на свое место, бормоча что-то, как я поняла, на французском.

— Так-то лучше. Сегодня мы протестируем рН различных веществ, — говорила

мисс Миллер. — Я уже измерила твердые ингредиенты, которые вы будете использовать, и через минуту принесу жидкости. Не играйте с материалами — я вижу тебя, Брендон.

Мальчик на одной из передних парт сел прямо, пытаясь принять невинный вид.

— Вы все должны обратить должное внимание на сегодняшнюю тему, так как на следующей неделе этот материал встретится вам в тесте в том или ином виде. Сперва, давайте пройдемся по основам. Кто помнит, что означает рН?

Она проводила уроки в виде интерактивных мини-лекций, охватывая материал, как я поняла, который все остальные уже прочли. Не имея учебника и в помине, я последовала примеру Камиллы, начав машинально рисовать в тетради. Хотя, не думаю, что цветы, которые я бы нарисовала, могли иметь зубы. Я пыталась не пялиться, но она рисовала какие-то странные вещи, хотя и весьма хорошо.

Но потом мисс Миллер объявила, что пора начать эксперимент, и я пошла собирать пробирки с жидкостями со стеллажей. Я учила всё это еще в прошлом году, но мы никогда не проводили эксперименты. Меня даже втянуло в это — осторожно измерить, просеять порошок в жидкость, взять индикаторную бумагу, подождать изменения в цвете, и отметить их в таблице. Это было успокаивающим. Измеримым. Предсказуемым. Я улыбнулась, взглянув на свой лабораторный лист, с чувством выполненного дела. Один последний экземпляр для тестирования. Я взяла последнюю полоску индикаторной бумаги и склонилась над трубкой, держа в руке тарелку, на которой мы сушили бумагу.

— Ты очень хороша в этом, — сказал спокойный голос за моим плечом.

Это был Он.

Мои нервы взорвались. Я уронила тарелку, и она разлетелась осколками по полу.

Моя рука рефлексивно качнулась, когда я отходила от разбитого стекла. Я опрокинула

мензурку, и ее содержимое разлилось по всему столу.

— Нан-да? — воскликнула Камилла, вскакивая, когда жидкость пропитывала ее листы.

Моё лицо пылало. Мисс Миллер схватила совок и метлу, стоящие в углу.

— Извините, — лепетала я. — Я вздрогнула и... Я не... Я-я ...

— Аварии случаются, — с понимающей улыбкой сказала мисс Миллер. — Я уже научилась ожидать их. Кей иди за свой стол и сосредоточься на своей собственной работе, пожалуйста.

Он выглядел слегка удивленным.

— Мне было скучно, — сказал он, возвращаясь за свой стол.

Краем глаза я заметила, какие свирепые взгляды бросает Хейли в мою сторону.

Похоже, я официально потеряла ее симпатию. Когда урок закончился, она схватила Кея за руку, и все четверо покинули класс.

Вот так всё было.

Камилла всё еще собирала свои вещи. Если мы будем сидеть вместе до конца года, то нужно попытаться сгладить острые углы.

— Я, гм, я, правда, сожалею за, ты знаешь, за то, что все вещи намочились, — начала я.

Она пожала плечами.

— Особенно графики.

Ее щеки покраснели.

— Ничего страшного. Я сделаю еще.

И снова я поразилась ее необычному акценту.

— Так, гм, откуда ты? — выпалила я.

— Токио.

Я рассмеялась.

— Нет, серьезно. Откуда ты? Я никак не могу определить твой акцент.

На ее лбу появились складки.

— Токио.

Я разинула рот.

— Что? Ты серьезно? Не то, чтобы ты не оттуда, гм... выглядишь как серьезный человек.

Она фыркнула; я подумала, что это смех.

— Я серьезно.

Я потонула за секунду. Думаю, я была плоха. Уехать за полстраны — это не то, что за полмира.

— Должно быть, у тебя что-то вроде культурного шока.

Она подумала и кивнула.

Может, я права, в конце концов. Может, она на самом деле как я.

Воодушевленная, я продолжила:

— Я определенно не эксперт в этой сфере...или в школе... или в чем либо еще...

Но, если тебе понадобится помочь с чем угодно...

— Я не нуждаюсь в помощи, — отрезала она, подняла сумку и зашагала к выходу.

— Ох, тогда, хорошо, — сказала я пустому стулу.

Глава 5

Камилла

Они хотели, чтобы она осталась после уроков. Камилла не была в восторге от этого.

Ее не волновало, что нужно пройти тестирование, тем более что она вовсе не хотела быть

принятой в школу. Если она напишет это тестирование достаточно плохо, отошлют ли тогда ее домой? А если просто выбросит результаты? Сильно ли разозлится Габриэль, если ее отправят обратно в Японию? Может быть, оно того стоит. Он мог бы просто открыть кафе здесь. Ведь никто из этих людей его не ненавидит.

Другие студенты уже ушли. Милая неловкая девушка. Парни, которые хотели быть рядом с неловкой девушкой. Один стильный парень, который ее игнорировал. У нее нет времени на них. Все эти социальные танцы казались бессмысленными. И ее уже тошнило от всего этого английского. Учителя — все, за исключением Шарлотты, тут Габриэль был прав — ненавидели ее. В целом, этот день не был одним из лучших.

Они заперли ее в кабинете Рен Унимо. Ожидая прихода директора, она упала на стул, сложив руки на груди. Она не должна была огрызаться на Джул. Это было грубо. Девушка определенно пыталась быть милой и любезной. Чувствуя вину, Камилла избегала Джул весь остаток дня. По правде говоря, Джул казалась действительно хорошей и дружелюбной. Но ей не нужен никто другой. Она и Габриэль справятся со всем, чем потребуется. Она действительно не хотела нести ответственность за причинение боли кому-то такому невинному как Джул. Она по-прежнему не знала, что заставило их уехать из дома.

Дверь открылась, но это был не директор. Зашел парень, который глазел на Джул в кабинете химии, его бровь поползла вверх, когда он заметил Камиллу.

Кей? Кай? Что-то забывающееся.

— Уже направили в кабинет директора, — произнес он. — Это, наверное, новый рекорд. Какое там у тебя имя? Ромашковый* чай?

Камилла не удостоила его ответом, она отвернулась, чтобы осмотреть стену позади стола Унимо. В одной из рамок висел чистый лист пергамента, и она пыталась разгадать

его значение.

— Ах да, ты же издалека, — сказал он. — Не можешь даже понять шутку. Я Кей.

Уверен, ты умирала от любопытства. Сакамото. Не обращай на меня внимания, я пришел только забрать кое-что.

Он обошел вокруг стола и открыл ящик. Пошарил минуту в документах, потом закрыл его и открыл следующий ящик.

Камилла нахмурилась. Разрешалось ли ему тут находиться? Не похоже, что он знает кабинет директора достаточно хорошо. Больше похоже на то, что он обыскивает стол директора, а не выполняет поручение. Но о том, чтобы сказать что-то не может быть и речи. У нее не было подходящих слов. Разве что...

Его имя было японским. Может, он говорит по-японски? Всё стало бы гораздо проще, если бы ей было с кем поговорить. Она никогда не думала, что ей настолько сильно будет не хватать обычных разговоров.

— Тебе действительно разрешили здесь находиться? — спросила она по-японски.

— Хм? — он оторвался от ящиков.

— Твои действия подозрительны, — говорила она. — Объяснись.

Его губы незначительно изогнулись:

— Извини. Я не говорю по-китайски.

Такая надежда была разрушена.

— Японский, — отрезала она.

— Ах, да, — сказал он легкомысленно. — Ну, на нем я тоже не говорю. Я, конечно, знаю несколько слов типа каратэ...ниндзя... камикадзе и всё в таком роде.

Он произнес их все неправильно. Он действительно был американцем.

— Камикадзе, — произнесла Камила, позволив раздражению просочиться в

голосе.

Он пожал плечами.

— Здесь нет никакой разницы. Различия, наподобие этого, тебе следует просто выучить. Извини, что разочаровываю. Не хочешь повторить то, что сказала на английском?

— он слегка наклонил голову, словно птица.

Она начинала думать, что Кей Сакамото не тот тип людей, с которыми она желает говорить на любом из языков.

— Нет, — ответила она ему, опустив взгляд в пол.

— Не стесняйся, — сказал он. — Стеснение никогда не помогает.

— Я не стесняюсь, — проворчала она. — Ты мне не нравишься.

Он притворно обиделся.

— Не понимаю как такое возможно. Я всем нравлюсь. Ты никогда не будешь здесь одиночкой, если получишь парочку социальных навыков. Ладно, я покажу тебе. Шаг первый — бессмысленный разговор. Ты выбираешь что-то в другом человеке и заставляешь его говорить об этом. Люди любят говорить про себя. Притворись, что ты заинтересована, и люди уже будут считать тебя лучшим другом. Как-то так.

Он сел в кресло Унимо, видимо, забыв о поручении. Что он все еще делает здесь?

Ему нужно было уйти. Она просто хотела побыть одна.

— Мне нравится эта металлическая... штука, — отметил он, указывая на железный браслет на ее руке. — Где ты ее взяла?

Камилла посмотрела на него с опаской. Это не его дело. Бессмысленный разговор или нет, но он ухватился за ту тему, о которой она говорить не желала. Габриэль обманул ее, надев браслет ей на руку годы назад, и он до сих пор не снимался. Она простила его за это, но кусок металла все еще раздражал. Одно только упоминание о браслете вызвало

желание расцарапать его. Она носила его всегда, и даже если он не сделал ничего плохого, порой ей хотелось расцарапать кожу под ним.

Кей Сакамото наклонился вперед, сцепив пальцы; он словно принадлежал этому месту.

— Семейная реликвия? — подсказал он. — eBay? Нашла в мусорном контейнере?

О, знаю, это подарок от бывшего бойфренда.

Камилла нахмурилась. Может, он не пытается выудить информацию о браслете.

Может, он, в самом деле, просто идиот. Американцы всегда были такими.

— Нет? — продолжал он, не смущаясь. — погоди секунду, ты не выглядишь как тип, который нравится парням. Бывшей девушки?

Браслет чувствовался более жестким и тугим, чем больше он говорил о нем. Ее рот сформировал мрачную линию неодобрения.

— Опять нет? Я думаю, такой взгляд может отпугнуть кого угодно. Похоже на главу мафии. О, ты украла его у какой-то шайки? Это своего рода сокровище японской мафии?

С нее было достаточно. Браслет впивался в ее запястье, и ее правая рука рефлекторно скручивалась.

— Пошел вон, — сказала она.

— Сразу только после того, как мы начали узнавать друг друга? — возразил он. —

Нет, я хочу услышать историю о том, как ты ворвалась в штаб-квартиру мафии и украла их ценную металлическую вещь

Она начала раздражаться.

— Я этого не делала.

— Но тогда должно быть другое объяснение, — невинно произнес Кей.

— Ты идиот, — отрезала она, слыша, как стучит кровь в ушах.

— Это объяснение не имеет никакого смысла.

Она прорычала:

— Уходи.

Камилла услышала приближающиеся шаги. Она не думала, что предпочтет общество Унимо кому-то еще, Сакамото ее неправильно понял.

— Это твоя лучшая остроумная реплика? Давай, ты можешь сказать что-то лучше, чем это, — говорил он.

Щелкнул замок, открылась дверь. Рин Унимо приподняла бровь, увидев представшую перед ней сцену. Сакамото встал со стула и отошел от стола.

— И? — спросила Унимо.

— Где вы только берете этих людей? — спросил он. — Она не может говорить. Это безнадежно. Вероятно.

Одарив Камиллу ухмылкой, он направился к двери.

Он проверял ее? Уловка для оценки ее английского?

Унимо преградила ему дорогу.

— Извините, суперважные подростковые планы, нужно идти, — сказал он директору.

Она протянула руку, не сдвинувшись с места. Он пожал плечами, вытащил из кармана ключ и вручил ей. Он пытался украсть что-то с ее стола? Унимо посторонилась, позволив Сакамото выйти. Закрыв дверь, она села в кресло; ее жестокая поза резко контрастировала с ее видом еще несколько секунд назад.

— Ты не любишь мисс Грэм, — сказала она. — Во многих отношениях. Сколько лет ты уже под опекой мистера Кацуро?

Камилла облизала губы. Почему она спрашивает об этом?

— Шесть.

— Шесть лет? И все это время вы были в Японии? Не похоже на него. Я не уверена, что он когда-либо проводил столько времени подряд...хоть с кем-то.

Камилла не помнила, каково значение слова «подряд», но казалось, что упоминать его сейчас весьма неуместно. Она могла примерно догадаться, что оно означает.

— Я предполагаю, что, будучи под его опекой так долго, ты пришла к пониманию некоторых истин, в которых остальные люди остаются неосведомленными. Смею предположить, что из-за этого ты не доверяешь мне, человеку.

Глаза Камиллы сузились.

— Не по этому.

— Забывчивые намного гибче, — прокомментировала она. — Мисс Грэм, например, может иметь светлое будущее с нами. Все что мы просим — это немного послушания и немного лояльности.

— Я с Габриэлем, — заявила Камилла.

— Сейчас, кажется, что Габриэль желает, чтобы ты была с нами, — она выплюнула его имя. — Так. Назови мне дни недели, — ее бровь поднялась в вызове.

— Что? А? Прямо сейчас? Э-э. Понедельник, вторник... — Камилла напряглась. — Четверг...

Ее губы скривились в отвращении:

— Изумительный английский, — постановила мисс Унимо. — Если ты не справишься с разговорным английским до конца семестра, ты будешь отчислена. И мне всё равно кто твой опекун; у нас есть стандарты, которым нужно соответствовать. Кроме того, ты будешь говорить и исключительно на английском в кампусе.

Она дала Камилле лист бумаги.

Камилла смотрела на нее с ужасом.

— Погружение — лучший учитель, — сказала она сухо. — Исполни, или я отошлю тебя в общественную школу, и тогда все усилия твоего дорогого наставника будут потрачены в пустую. Такая школа не имеет ни малейшего представления о том, что делать с кем-то, как ты.

— Кем-то как я?

— Конечно, это очевидно, — сказала Унимо. — Мы единственные, кто квалифицируется по воспитанию монстров.

Камилла резко встала, стул заскрежетал по полу.

— Не будь столь драматична, — отметила она, впечатленная, — или я запишу тебя еще и в театр.

Габриэль ждал ее у школы, бездельничая в синем юнкере. В основном, синем — одна дверь была белой. Его было легко найти, даже если бы он был не единственным, кто ждал возле школы. Несколько машин стояло за школой на парковке — Камила предположила, что они принадлежат учителям, которые задержались в школе.

Она скользнула на переднее сиденье, позволяя сумке упасть на пол, и одним плавным движением закрыла дверь. Ей даже не хотелось смотреть на него сейчас.

— Я никогда не забирал детей со школы после их первого дня, — сказал он в своем обычном тоне. — Думаю, предполагается, что ты расскажешь мне всё о своем дне. Скажи мне, что у тебя появилось много друзей, симпатичный парень пригласил на свидание, и идиот-учитель английского задал тебе слишком много домашней работы.

По крайней мере, теперь она могла говорить на своем языке.

— Я не вернусь туда, — категорически заявила она на японском.

Он вздохнул, переключая передачу.

— Нет, смотри, это не так работает. Скажи, что ты торговала едой с остальными ребятами в кафетерии.

— Мне что, семь? И кого заботит еда в кафетерии?

— Меня. Если они не кормят вас должным образом, я направлю жалобу в школьный совет. погоди, я теперь должен присоединиться к ассоциации родителей-учителей? В Хэйвенвуде есть эта ассоциация? — размышлял он.

— Ты меня игнорируешь, — кипятилась Камилла.

— Я тебя отвлекаю. В этом есть разница.

— В любом случае, ты меня не слушаешь. Я не хочу иметь ничего общего с другими студентами. Они или совсем не обращают на меня внимания, или являются орудием в руках директора. Овцы и волки.

Реакцию Габриэля отрезвила ее метафора. Свет впереди изменился на желтый, потом на красный. Машина замедлилась и остановилась на перекрестке.

— Она назвала меня монстром, — сказала Камилла.

Габриэль медленно вдохнул, и провел рукой по своим прекрасным, черным как смола, волосам, не отводя взгляда от светофора.

— Черт. Уже?

— Она хочет, чтобы я ушла.

— О-о, нет, малыш. Ни в малейшей степени. Скорее наоборот. Она знает, что ее семья сделает с ней, если она позволит нам уйти. Она может нас не любить, но ни в коем случае она не хочет от нас избавиться, — он замолчал на мгновение, а потом усмешка медленно появилась на его лице. Эта улыбка означала, что они сделают что-то опасное, что-то необычное, она почти улыбнулась этому также, как и он. Он не был достаточно обидчивым человеком, чтобы оставаться сердитым.

— Ты знаешь, что бы сводило ее с ума? — спросил он, когда загорелся зеленый свет, и автомобиль постепенно набирал скорость.

— Нет, — ответила Камилла, пытаясь сохранить мрачный вид.

Его взгляд метнулся к ней, прежде чем вернуться на дорогу; его глаза блестели.

— Если ты будешь вести себя хорошо.

— Будь серьезным.

— Это то, что она ненавидит, — сказал он решительно. — Идея власти Рин Унимо в том, что она думает, что она и ее студенты-питомцы лучше, чем кто-либо. Я немного... печально известен... в их круге. И ты ассоциируешься с этим. Если ты действительно хочешь достать ее... следуй правилам и уничтожь их этим путем.

— Мы уничтожим их?

— Метафорически.

— Это не так интересно.

— Да ладно, это не может быть так плохо.

— Она назвала меня монстром. Один из ее «питомцев» пытался допросить меня о браслете. Моя тетрадь вся промокла. Они заставили меня взять дополнительный класс английского, они не позволяют говорить мне на японском, — сказала она, а потом добавила:

— И никто не говорил со мной.

Последнее было ложью, поняла она, когда уже сказала это. Джул пыталась.

Несколько раз. Она нахмурилась, вспоминая.

— Это больше похоже на правду. Первый день школьных вещей. Теперь я должен сказать что-то вроде того, что завтра будет лучше и, возможно, тебе следует поговорить с другими людьми, если никто из них не заводит разговор первым, и мы можем исправить ситуацию с твоей тетрадью феном. Погоди, у нас же есть фен? Честно говоря,

дополнительный английский звучит как хорошая часть.

— Почему?

— Потому что я знаю твоего учителя английского, — сказал он, отвлекаясь на въезд на парковку кафе и замечая две машины там.

— Кто это? — спросила Камилла.

— Я надеялся, ты мне скажешь, — ответил он, тихо останавливая машину.

Он опустил окна и выключил двигатель.

— Ты их слышишь?

Она сосредоточилась. Она слышала жужжание осы возле заднего сиденья в машине. Как остывает двигатель. Шум ветра на парковке. Камилла закрыла глаза. Выделяющееся тепло от черепицы. Мотоцикл в двух милях отсюда. Два человека, спорящих о чем-то внутри церкви-кафе. Ее чувства были необычно притуплены. Она должна была отчетливо слышать их на таком расстоянии, но вместо этого ей пришлось напрячься, чтобы различить разговор. Голоса были незнакомыми, но она могла услышать их.

— Тебе нет необходимости находиться здесь, — говорил мужчина.

— Ты собираешься заставить его убежать, а я не позволю тебе сделать этого снова,

— отвечала женщина.

— Ты думаешь, что я что-то сделал в прошлый раз? Ты обманываешь себя.

— Это Тэйлор и Миллер, — пробормотала Камилла.

Она почти могла почувствовать их запах, несмотря на резкий запах выхлопных газов, которыми пронизана стоянка, и аромат срезанного дерева и свежей краски, который просачивался из входной двери. Тэйлор пах старыми книгами, кофе и железом. Миллер пахла как апельсины и ацетон.

— Ты бы сделал всё, чтобы избавиться от него, Джон. В сотый раз, я не дура.

— И в тысячный раз, Шарлотта, я польщен, что ты считаешь, у меня есть влияние на эту ходячую катастрофу, — отрезал Тэйлор. — Габриэль ушел, потому что он покончил с нами, и тут нет других причин. Не ты, не я, не Саймон и не Кира. Ему стало скучно, поэтому он ушел.

— Они, ах, они... — комментировала Камилла, — они спорят. Про тебя. Тэйлор сказал, ты...ходячая катастрофа.

— С его точки зрения, я уверен так и есть, — холодно сказал Габриэль. — Я догадывался, что это они тут, просто хотел убедиться.

— Я не слышу их очень хорошо, — призналась Камилла. — Может что-то мешает?

— Хм, — протянул он. — Назови это побочным эффектом этого города. Я просто не был уверен, насколько сильно это на тебя повлияет. Ладно, давай не будем заставлять их ждать.

Он вышел из машины, громко хлопнув дверью. Камилла услышала, что разговор внутри прекратился. Она взяла сумку и тоже вылезла из машины.

— Они собираются попросить тебя уйти, — тихо сказал Габриэль, когда они шли к двери. — Ты можешь протестовать, если хочешь, но сделай это. В любом случае у тебя должно получиться услышать всё из своей комнаты, если тебе есть до этого дело.

— Зачем мне это нужно? — проворчала Камилла, и он погладил ее по голове.

Под их ногами хрустел гравий, когда они подходили к двери. Габриэль открыл ее, и убедительно изобразил удивление.

— Я удивился, кто устроил мне засаду на моем же месте, но, думаю, я должен был это ожидать, — сказал он.

— Никто не устраивал на тебя засаду, — ответила Шарлотта.

Тэйлор выглядел кисло. Он считал, что Габриэль и Камилла с ее язвительностью записали на свой счет такие слова как «заклятый враг» и «неизбежная расплата»

— Я ценю это, Шарлотта, но Джон и я оба взрослые. Думаю, мы можем быть вежливыми.

— Да, ну, а я нет, — заявила она. — Камилла, мне очень жаль, что я прошу тебя об этом, но не могла бы ты подняться наверх? Это очень старые, очень скучные взрослые вещи.

Это была ложь, жалкая ложь. Камилла заметила, Шарлотта Миллер была слаба на обман.

— Всё в порядке, детка, это не займет много времени, — бесцеремонно сказал Габриэль.

— Всё равно, — пробормотала она на английском.

Камилла поднялась по ступеням, чувствуя превосходство. Она и Габриэль могли перехитрить любого. Она закрыла дверь в свою комнату со слышимым щелканьем, но она не была внутри. С ее ухудшенным слухом она не будет рисковать, она не пропустит этого ни за что.

Камилла стояла в коридоре, ожидая, когда разговор просочится вверх по лестнице.

Закрыв глаза, она предалась слуху.

Она услышала гневное дыхание. Разочарование. Тэйлор.

— Если ты хотел поговорить со мной наедине, — говорил Габриэль, — тебе следовало сделать это, когда Шарлотта не смогла бы так легко за тобой последовать.

— Как ты посмел сюда вернуться? — кипел Тэйлор.

— Как я посмел? — слегка подражая ему, сказа Габриэль. — Какой драматический поворот фразы. Как я посмел. Звучит, как Шекспир. Но я не уверен, что мы на таком же

уровне.

— Мы уже прошли этот уровень, старик.

Старик? Камилла нахмурилась. Они ведь выглядели одинакового возраста.

— Продолжай обвинять меня во всём, что тебе нравится, мне все равно, — спокойно произнес Габриэль. — Причина, по которой я здесь, не имеет с вами ничего общего. Не имела раньше, и не имеет сейчас.

— И я предполагаю, что ты тут лишь из-за хорошей школьной системы, теперь, когда ты стал ответственным родителем, — огрызнулся Тэйлор. — Что же ты делаешь с этой бедной девушкой? Рин Унимо съест ее живьем. Так вот почему ты привез ее сюда? Тебе с ней стало скучно, и ты решил, что пришло время избавиться от нее?

В венах Камиллы бешено стучала кровь. Она хотела перепрыгнуть через лестницу и ударить Тэйлора в лицо. Габриэль бы никогда не сделал этого. Тэйлор ничего не знает.

— Она должна выходить в мир временами, — сказал Габриэль. — Может быть, я и ждал слишком долго, но я эгоист в этом плане. Ты хочешь напасть на меня Тэйлор? Почему ты всё еще здесь? Мне помнится, ты кричал, что уйдешь из Хэйвенвуда при первой же возможности.

Молчание. Камилла предполагала, что Тэйлор был ошеломлен внезапным поворотом.

— Это не твое дело, — медленно произнес учитель английского.

— Что Унимо пообещала тебе? — спросил Габриэль. — Что могло удержать тебя здесь?

— Габриэль, пожалуйста, — вмешалась Шарлотта, — достаточно.

Снова тишина. Камилла представляла, как Тэйлор свирепо смотрит на ее опекуна.

Она предполагала выражение лица Габриэля — невыносимо шутливое и невозмутимое.

— Ты хочешь знать, что я пережил, — хладнокровно говорил Габриэль. — Ты пришел спросить, каково это было, несмотря на то, что ты мог предположить, что я не скажу. Если бы я был скрытен, ты бы оправдал свои подозрения во мне. У меня плохие новости для тебя, Тэйлор. Времена изменились и мои планы весьма просты. Я хочу, чтобы Камилла закончила среднюю школу, выросла и делала всё то, что пожелает, пока не будет достаточно взрослой. Таков план. Камилла собирается выжить среди вас, что бы ни случилось. Сейчас это означает ходить в школу и справиться со всем тем, что ты или Рин Унимо подсунете ей. Эта девушка может пережить богов, если сосредоточится на этом. Глаза Камиллы расширились. Что он имел в виду? Пережить богов?

— Ты действительно собираешься убеждать меня в том, что все это для нее. И ты предполагаешь, я в это поверю.

— Я не скажу, что ожидаю, что ты согласишься, но да.

Вина причиняла острую боль Камилле. Она была эгоистична. Она не понимала, что все проблемы, на которые Габриэль пошел, из-за нее.

— Прекрасно, — сказал Тэйлор. — Тогда у меня всего один вопрос. Где меч?

— Хм?

— Не играй со мной в дурака, — закричал Тэйлор. — Меч моего отца исчез в ту же ночь, что и ты. Что ты сделал с ним?

Габриэль вздохнул.

— Есть вещи, которые действительно всего лишь совпадение. Я не имею ничего общего с ним.

И снова молчание.

— Ты можешь осесть здесь, — смиренно сказал Тэйлор. — И я не могу остановить тебя. Но не ожидай, что тебя будут приветствовать с открытыми объятьями.

Все до сих пор помнят ярмарку.

— О, она все еще проводится каждый год? — пренебрежительно спросил

Габриэль.

Послышалась возня обуви по плитке.

— Джон, не надо, — закричала Шарлотта.

Камилла рискнула выглянуть за угол. Шарлотта стояла между ними, положив руки на плечи Тэйлора, удерживая его на расстоянии.

— Пора уходить, — сказала она ему.

Тэйлор смотрел на Габриэля, который лишь пожал плечами.

— Сейчас.

— Разве ты не хочешь спросить его кое о чем, Шарлотта? — с горечью произнес

Тэйлор, хотя и отступил на пару шагов.

— Нет, не хочу, — твердо ответила она.

— Ты уверена? Ты не задумывалась о том, почему Саймон пропал без вести за день до того, как он вернулся с документами о зачислении его подопечной, — Тэйлор обвиняюще указал на Габриэля. — Или это тоже была случайность?

Габриэль молчал.

Саймон? Кто такой Саймон?

Тэйлор вскинул руки.

— Хорошо не отвечай. Отрицай это. Отрицай всё. Я уверен, ужасные вещи — это всего лишь случайность, и то, что ты всегда с ними рядом — просто совпадения. Ты можешь улыбаться и лгать всем вокруг себя, старик, но тебе не обмануть меня.

Он выбежал из передней двери, и Камила нырнула обратно к стене. Как только за ним закрылась дверь, в воздухе словно изменилось давление. Слух Камила улучшился

сразу же. Звук того, как Шарлотта поправляла рубашку, был отчетливо слышен.

— Между прочим, — заговорила учитель химии, — я не думаю, что ты связан с Саймоном. Я уверена, он в порядке, где бы он ни был.

— Ты не думаешь, что он был похищен, как они говорят?

Медленное дыхание. Камилла могла уловить движение ее мышц. Качает головой, вероятно.

— Не Саймон.

— Это будет означать, что он отказался от своей дочери. Интересно, что могло заставить его сделать это?

— Кто может сказать? — тихо заметила Шарлотта. Её голос звучал печально.

— Совпадение или нет, сроки подозрительны. Инстинкты Джона не плохи, — признал Габриэль.

— Думаешь, кто-то пытается подставить тебя? — спросила Шарлотта.

— Возможно. Но это кажется слишком простым, — сухо заметил он. — Я больше озабочен тем, во что Саймон был вовлечен последние десять лет или около того. Мне следует держать счета подальше от него. Без Джона или Киры, чтобы утихомирить его, я боюсь, что отсутствие осторожности с его стороны приведет к проблемам для всех нас. Он почти также эгоистичен, как и я.

Камилла услышала намек на улыбку в его голосе.

— Не возражаешь, если я спрошу тебя кое о чем?

— Гм, конечно.

Она могла слышать, как на лице Шарлотты появился румянец. Да, ее слух определенно вернулся в норму. И ее учитель химии была полностью поглощена ее опекуном. Вульгарно.

Габриэль сделал паузу, как будто собирался спросить о чем-то, но передумал и переключился на другое.

— В школе не происходило ничего необычного на прошлой неделе?

Шарлотта рассмеялась.

— Ты имеешь ввиду, более необычного, чем обычно. Вовсе нет. У нас произошла серия краж из шкафчиков, но мы скоро всё выясним. Так или иначе, скорее всего это Хайд, — вздохнула она. — Уверена, парень — причина проблем.

— Хорошо.

Зашелестели бумаги. Должно быть, Габриэль вернулся к своему инвентарному списку.

— Что ты на самом деле собирался спросить у меня? — спросила Шарлотта.

— Нет, это глупо, не волнуйся об этом.

Он говорил подобным образом только для того, чтобы привлечь внимание, и его обаяние определенно действовало на нее.

— Здесь нет глупых вопросов. Я учитель, я уже слышала практически всё, — дразнила она.

— Я собирался спросить, было ли слышно что-то от Саймона в последнее время.

Как я и сказал, глупый вопрос. Конечно же, ты не слышала от него ничего.

— Нет, конечно, нет, — она нервно засмеялась.

Она была разочарованна его вопросом. И еще она лгала. Камилла опешила. Что на самом деле здесь происходит?

— Если бы я знал, где он находится, я бы чувствовал себя лучше, — сказал

Габриэль. — Полагаю, в данный момент всё зависит от Нью-Йоркской полиции.

— Думаю, да, — неловко сказала Шарлотта. — Ну, я лучше пойду. Мне нужно

закончить план уроков до завтра, и кошка порвет мои шторы, если я не появлюсь вскоре.

Жду с нетерпением, когда это место будет закончено — будет здорово иметь место недалеко от школы, куда можно пойти попить чай. У тебя же будет хороший чай?

— Обещаю.

— Для тебя же лучше, — сказал она. — Почему Бенволио?

— Хм?

— Название кафе. Почему ты выбрал Бенволио? Это немного странно.

— Да? Мне просто нравится, как это звучит.

Шарлотта покачала головой.

— Спокойной ночи.

И она ушла, дверь качнулась ей вслед. Камилла спустилась.

— У меня плохие новости, — сказал Габриэль, отбрасывая инвентарные листы. —

Это будет тяжелее, чем я думал.

— Почему? Из-за того, что мисс Миллер солгала тебе? — спросила Камилла.

— Ты тоже заметила? Моя девочка. Мне нужно, чтобы ты помогла держать счета подальше от нее. Она знает что-то о Саймоне Грэме, а мне нужно как можно скорее узнать, где он.

— Грэм? Как Джул Грэм?

— Да это его дочь. Держи счета и от нее подальше. Сомневаюсь, что Саймон свяжется с ней, но случаются странные вещи.

— Что Тэйлор говорил на счет меча?

Габриэль отмахнулся от вопроса.

— Их старинная семейная реликвия. У меня нет никакого меча. Он обвинил бы меня и в эпидемии гриппа, будь у него такая возможность. Чрезвычайно полезный

мальчик, хотя... хорошо, технически, сейчас он мужчина, — он поднял глаза на нее. Он прищурился, думая о чем-то. — На какие дополнительные занятия, ты говорила, они записали тебя?

Она протянула ему папку, содержащую ее расписание.

— Что плохого в этом парне, Саймоне?

Камилле хотелось узнать.

— Самые опасные люди на Земле — идиоты, которые думают, что они гении.

Саймон один из таких, за исключением того, что у него есть талант, что делает его еще опаснее. Оглядываясь назад, мне следовало иметь с ним дело годы назад, но в это время...

— он покачал головой. — Но добраться до дна проблемы Грэм — это *numero uno***

— Я думала, ты сказал, что мы здесь только ради моего образования, — сказала

Камилла, скрестив руки.

— Я солгал. Немного. Чем быстрее мы найдем Саймона Грэма, тем безопаснее будет для тебя. В то же время, что ты скажешь на счет того, чтобы унижить этих Хэйвенвудских снобов?

Он начал листать бумаги.

— Я не покажу себя утрашающе завтра на английском, — пробубнила Камилла.

— Хорошо, Рин Унимо подписала тебя на это, — перебирая бумаги, пока не вытащил зеленый лист. — Но она также записала тебя на кендо. Готова надрать кому-нибудь задницу? — усмехнулся он.

Камилла улыбнулась в ответ.

Это было единственной вещью, которую она делала хорошо...

Прим. переводчика:

* Ромашка в переводе на английский — Chamomile, что созвучно с именем Camille.

****numero uno** (итал.) — номер один

Глава 6

Мак

Во время обеда на следующий день Дастин выражал своё неодобрение использованной вчера тактики. Мы поставили наши подносы с едой за наш обычный стол.

Другие, как правило, не сидят с нами. Потому что мы круты, или типа того.

— Просто, чтобы всё прояснить — твой гениальный план состоялся в том, чтобы устроить на нее засаду возле кабинета Унимо, и ты опоздал, провожая ее до класса английского, чтобы Тэйлор смог тебя публично высмеять.

— Не смотря на то, что твой сарказм смешной, он бесполезный. Мой план состоял в том, чтобы по-джентельменски предложить помощь дезориентированной новой студентке.

— А потом, чтобы тебя высмеяли перед ней.

Я вздохнул, садясь.

— Знаешь, насмешки — это, своего рода, ежедневная вещь для меня, так что я подумал, почему бы и нет?

Я бросил взгляд направо, где одна за столом сидела Джул, сиротливо помешивая ложкой овощной суп.

— Мы должны сесть за ее стол, — говорю я вполголоса. — Видишь, как печально она выглядит?

Дастин бросил взгляд вверх комикса, который он уже успел открыть. У него была плохая привычка — читать во время ланча, забывая о еде.

— Я далек от того, чтобы стоять на пути у молодой любви, но думаю, это плохая идея. Я имею в виду, что чувствую что-то плохое, исходящее от нее, и все...

— Она сидит там, в полном одиночестве, — воскликнул Мак так тихо как мог. —

Это как трагедия!

— И всё же...

Шлеп. Чаша пудинга переворачивается на мою голову. Смех вспыхивает за несколькими столиками. Хайд скользнул на лавку рядом со мной, положив руку мне на плечи.

— Как тут мой любимый гном? Я нашел тебе шляпу.

Ох, как я люблю, что все классы обедают вместе. Это так уютно.

Я оттолкнул его. От него исходил запах сигарет и старого белья. Теперь я чувствую, что мне нужен душ, не только из-за пудинга у меня в волосах.

— Спасибо, это было как раз то, чего не хватало в моей жизни, — процедил я сквозь зубы.

— Не за что, маленький приятель, — ответил он, нахлобучивая чашу на мою голову еще раз. — Не забудь выпить свое молоко, чтобы ты смог вырасти большим и сильным. Ты же помнишь, какой сегодня день, не так ли? — гогочет он, возвращаясь за свой стол с другими старшими, и давая пять по кругу.

Я убираю чашу и вытираю салфетками волосы.

— Моя точка зрения такова, — говорит Дастин, протягивая мне свои салфетки, — я не думаю, что дружба с нами улучшит ее ситуацию. Экспонат А, — кивает он на мои волосы.

Возможно, он и прав. По крайней мере, сегодня. Сегодня вторник, а по вторникам и четвергам Хайд в особо поднятом настроении, потому что в эти дни он получает полную свободу в избивание людей на кендо. Как вы могли догадаться, это не самый любимый мой урок. Я бы лучше притворился не таким крошечным на карате в другие дни недели.

На кендо, я все еще притворяюсь, что я не такой уж и маленький, но с мечом. Какого черта я должен делать с мечом, когда я не могу дотянуться. Мое единственное утешение в том, что Дастин так же плох в этом, как и я, так что, по крайней мере, я не единственный выгляжу, как идиот. Мы справляемся лучше, как команда идиотов.

Дело в том, что карате и кендо, как и остальные «внешкольные» уроки, это не когда ты находишься среди своих одноклассников или хотя бы одноклассников. Ты среди тех, кто подписался на это — или кого подписали, независимо от их желания. В случае карате и кендо единственные люди из моего класса — я, Дастин, Жак Оливьер и Брендон Андервуд. Жак из Канады и говорит на французском так же легко, как и на английском, и ему нравится делать так, чтобы все это знали. Он хирургически привязан к своему мобильному и думает, что он лучше, потому как общается со старшими. Брендон намного спокойнее. Он в значительной степени постоянно прикреплен к бедру своей девушки Кенны, которая также в нашем классе. Когда они не расходятся, они мирятся. Опять же, каждому своё. В любом случае, к счастью, мы избавлены от фанатичной компании Хейли, но вместо этого у нас есть Хайд. Я всё еще не решил, стоит ли оно того.

Я ударился об дверь моего шкафчика, когда трое старшеклассников прошли мимо, задев меня локтями и смеясь. Я выпрямился как солдат в своей белой форме, с ненавистью смотря, как они выходят из раздевалки.

Как по маслу. Если кендо — это мой наименее любимый предмет, то для этих ребят всё наоборот. Они получают полную свободу нападать на людей с долбаным мечом. Да, конечно, это тупой деревянный меч, но он оставляет синяки.

Что еще хуже, Хайд — лучший студент сенсея Икедо. Некоторые могут задеть его, если повезёт, но он все еще остается непобедимым. Как-то раз старшеклассник Поджио почти сделал его, но потом Хайд чуть не сломал ему запястье. Теперь Поджио сидит в

стороне с рукой на перевязи, а Хайд снова пытается подставить подножку Дастину, пока не смотрит сенсей Икедо.

Я смиренно вздохнул, выходя из раздевалки. Сегодня вторник, так что мне нужно просто пережить его. Но сегодняшний день будет более... интересным, чем я ожидал. У нас новый студент.

Сенсей Икедо вводит Камиллу в курс дела, тогда как остальная часть класса оценивает ее. Общее единодушие выглядит как: «Спорим, я смогу взять ее», начиная от она-такая-маленькая, заканчивая вы-не-захотите-этого-знать непристойностями. Она весьма худая, и это заметно, когда она одета в форму, вместо мешковатого свитера, и она не выглядит выше меня. Золотые локоны в стороне, хотя, она выглядит как-то... правильно... в своей форме. Может быть, это её поза. Я не помню, чтобы она стояла так прямо до этого, или выглядела настолько официально.

Сенсей Икедо любит начинать занятия с показательного состязания. В основном, это состоит в том, что Хайд избивает бедного олуха перед аудиторией. Я скрестил пальцы рук, чтобы это был не я, и еще несколько пальцев на ноге, чтобы это не был Дастин. Но Икедо определено имел в виду что-то другое.

— Сегодняшний показательный бой будет между, — его взгляд скользит по толпе, губы свернуты трубочкой, — Хайд и Тиг.

Хайд смеется, поднимает свой деревянный меч на плечо и толкает Брендона и Дастина, чтобы выйти вперед. Камилла прошла по краю группы и остановилась напротив него, положив руку на идентичный практический меч на талии.

— Все остальные сядьте, — сказал Икедо, в голосе которого прозвучало веселье.

Поскольку остальная часть класса села на свои места, разместив мечи перед собой на матах, он сделал шаг назад, чтобы прислониться к стене. Двое выглядели полностью не

соответствующе — Хайд высокий и жилистый с темными шипастыми волосами и металлическим сверканием на каждой части лица, и Камилла маленькая, золотая, за исключением того странного железного браслета на ее левой руке. Можно подумать, что она должна бы снять эту штуку для чего-то, как это.

Хайд держал деревянный меч в вытянутой руке, направляя его на Камиллу.

— Это твое единственное предупреждение, — насмехался он над ней. — Я люблю бороться с новичками и мне плевать на то, что ты девушка.

Камилла лишь наклонила голову, а затем сделала идеальный японский поклон.

Хайд лишь снова засмеялся, разразившись хриплым гоготом. Я взглянул на Дастина. Она в беде.

Когда Камилла выпрямилась, Икедо произнес:

— Начали.

Первый выпад Хайда был вспышкой силы. Камилла даже не подставила свой меч.

Она уклонилась и нырнула. Хайд ударил мимо нее. Он поднимает голову и выпрямляется, как только повернулся.

— Хитрая, — комментирует он и поворачивается к ней с криком.

Я вздрогнул. Если он свяжется с ней, она определенно получит какую-нибудь травму, как Поджио, деревянный это меч или нет. Но Камилла еще даже не отскакивает. Она только кружится на том месте, где стоит. Он переступает, компенсируя отсутствие взаимодействия. Ее нога ловит его лодыжку. Она перехватывает ногу из-под него. Хайд падает на маты, ворча от боли, но тут же вскакивает на ноги.

— Какого черта ты вытворяешь? — огрызается он, указывая на нее мечом.

— Тоже, что и ты, похоже, — говорит Жак.

В классе раздаются несколько смешков. Лицо Хайда пылает.

— Используй свой долбаный меч, — рычит он на нее.

— Когда он мне понадобится, — скучающим голосом отвечает Камилла.

Он надвигается на нее в третий раз, неистовее, чем раньше. В мгновение ока, Камилла изворачивается и выскакивает за его спиной. Она ударяет ногой в спину, когда он проходит мимо. Хайд спотыкается, теряет баланс и падает навзничь. Весь класс начинает смеяться.

— Успокойтесь, успокойтесь, — Икедо вскидывает руки и делает шаг вперед, чтобы стать возле Камиллы. — Думаю, для одного дня этого достаточно.

— Что? Сенсей! — протестует Хайд, потирая нос. — Ну же! Она не использовала меч. Это же не класс каратэ.

— Нет, не он, — говорит Икедо тем же веселым голосом. — Так что надейся, что я не попрошу ее бороться с тобой завтра.

Вот тогда я и заметил ее черный пояс. Святое дерьмо. У нее черный пояс. Как же я это пропустил?

Икедо заговорил с Камиллой на японском, она отвечала бегло, счастливо, они даже посмеялись над чем-то, и у меня такое чувство, что над Хайдом. У него, по-видимому,

тоже, так как краска залила его шею. Икедо и Камилла продолжали болтать, и стало ясно, что он нашел себе нового фаворита.

Внезапное

чувство

восхищения

иностранной

девушкой

окрасилось

обеспокоенностью, когда я заметил, как на нее смотрит Хайд. Когда она спокойно клала меч у дальней стены, я видел в его глазах смертоносный блеск. Я взглянул на Дастина, и могу сказать, что он также это видел. Я был прав, в конце концов. Наша новая одноклассница понятия не имеет, во что она влезла.

Я и Дастин догнали ее на выходе.

— Это было удивительно, особенно, без меча, — говорю я ей, когда мы шли рядом.

— Ари... спасибо, — говорит она, исправляя себя.

— Ты, ну, ты, возможно, не заметила, но, думаю, ты обозлила Хайда.

Камилла презрительно взглянула на меня.

— Я заметила.

— Нет, я имею в виду, что ты новичок, и можешь не знать, что он тот вид врагов, которых не хочется иметь.

Камилла мягко фыркнула.

— Я буду в порядке.

— Он попытается подраться с тобой снова, — говорит Дастин.

— И не в классе, — добавляю я.

— Не проблема, — отвечает она.

На мой взгляд, день должен содержать только определенное количество разочарований. Вселенная, видимо, со мной не согласна. Когда мы вернулись к нашим шкафчикам, шкафчик Дастина был пуст. Я почти видел его душу, вылетающую из его ушей, когда он сиротливо смотрел в пустоту металла.

— У меня было здесь четыре новых релиза... — глухо проговорил он.

Это просто не имеет никакого смысла. Конфеты? Содовая? Комиксы? Я посмотрел в его узкий шкафчик. Там было что-то вроде царапин на одной стене... три тонких параллельных линии...

— Я даже не читал их, — бормотал Дастин всё еще в шоке.

Гогот позади нас объявил о приближении Хайда.

— Маленькому цапленышу не хватает его вубис*?

Огонь прошел сквозь меня.

— Ты! — заявляю я, указывая на него. — Это всё твоя вина.

— Моя? — усмехается он. — Ну, это было бы удобно. Продолжай и попытайся повесить это на меня, карлик. Я неприкасаемый.

Он толкнул меня, и я врезался в шкафчики с громким металлическим скрежетом.

— Ты же по другую сторону... — смеется он, уходя прочь по коридору.

— Всё, с меня хватит, — заявляю я, обращаясь к Дастину. — Это не останется без ответа. Мы вернемся сюда ночью и будем следить за коридором, пока не поймем Хайда за руку.

— Мы?

— Мы!

— И что произойдет, когда он нас заметит и надерет нам задницы?

— У нас получится более правдоподобная история, когда утром мы будем

рассказывать всё директору.

— Мне не нравится этот план.

— Мак?

Я стараюсь игнорировать его. Мы собирались быть незаметными. Если кто-нибудь

поймает нас ночью в школе, будет куча неприятностей. Кроме того, мы не сможем поймать

Хайда, если он увидит нас первым.

— Мак?

— Что? — шепчу я.

— Если это не сработает... — Дастин замолкает.

— Это сработает, — настаиваю я.

— Если это не сработает, — говорит он, — будешь должен мне нового «Песочного человека»**

— Твоя жертва не будет забыта, — заверяю я.

Мы говорили об этом, но, очевидно, это всё ещё его беспокоит. Я отметил, что вор берет только хорошие вещи: еду, книги, комиксы. Те вещи, которые я бы своровал, честно говоря, если бы у меня не было чувства человеческой собственности. И если бы я хотел попасться. Как и колючко-головый с подушкой для булавок вместо лица. Он, наконец, получит хоть раз. Хорошо, два раза. То, что Камилла побила его на кендо неоспоримо. Я улыбнулся, вспомнив это. Я собираюсь прокручивать это в голове как кино, чтобы приободриться, когда мне это будет нужно.

С того момента, когда шкафчик Дастина был почищен, он забил мой шоколадом, содовой и его комиксами. И десятком ловушек для мышей. Не то, чтобы я ожидал, что Хайд засунет свои пальцы в них, но они поднимут много шума, когда он откроет шкафчик.

Тем более что в этом коридоре темно, и мы не можем видеть очень хорошо. Так что нам надо знать, когда включать фонарики и прекратить этот идиотский грабеж шкафчиков.

Никому не сойдет с рук кража моих конфет.

— Хорошо, вот что я не понимаю, — говорит Дастин себе под нос. — Я понимаю, почему Хайд связался с нами. Но почему комиксы? У него же никакого интереса к ним нет. И почему он крадет и из других шкафчиков? Нужно быть безумным, чтобы обокрасть Чейза.

— Чейз подошел сразу к нам, — говорю я. — Должно быть, таким способом во всем пытались обвинить нас. И ты же слышал его, он считает себя неприкасаемым. Чертов любимец учителей. Директорский любимчик. Это правильное определение?

— Наверное, — говорит он. — Но вот в чем дело... Я положил комиксы в шкафчик сразу перед тем, как мы пошли на кендо. А Хайд был в классе до нас, и ушел после нас.

Как бы он украл, если находился в другой стороне школы с нами?

— Это... он был... слушай, перестань мыслить логически. Это сделал Хайд.

— Это вендетта.

— Конечно, — шиплю я. — Как же без нее.

— Значит, ты признаешься, что вывод насчет Хайда ты сделал предвзято.

— Конечно! Что ты имеешь в виду?

Дастин подносит палец ко рту, взывая к тишине, а потом указывает рукой на окно класса. Я встаю на цыпочки, чтобы заглянуть чрез край. Там... может... это просто тень?

Кольшутся ветки деревьев за окном? Вокруг абсолютная тишина.

Потом... тихий металлический звук. Я проклинаю дворника за то, что смазывает дверные петли. Этого не достаточно, чтобы выйти из укрытия.

Я скашиваю глаза. Там определенно тень, скользящая возле моего шкафчика.

Слишком маленькая, чтобы быть человеческой. Я слышу слабый шум трели — словно кошка — а затем тень тает в шкафчике и исчезает.

— Что за черт? — бормочу я.

Внезапно срабатывают ловушки. Эхо хлопков громко разносится по пустому коридору, наряду со скрипом изнутри шкафчика. Если еще кто-то есть внутри здания, он определенно слышал шум.

— Давай, — говорю я Дастину, толкая дверь, за которой мы прятались. Мы врываемся в коридор. Тень выскакивает из шкафчика, разбрасывая конфеты и ловушки, и уносится вниз по коридору.

Это что... хвост? Я сбавляю скорость. Дастин следует за мной с криком:

— Подожди!

Оно поворачивает за угол в атриуме. Меня занесло на чистом кафельном полу. При свете Луны, светящей через окна, я успеваю увидеть только длинный и тонкий хвост, прыгающий из оконной панели к двери. Оно разбивается, громкий треск раздается в атриуме. Значит, тень плотная, в конце концов.

— Что здесь происходит? — слышу позади себя.

Вот дерьмо. Директор Унимо в своем кабинете. Но я продолжаю идти. Я не хочу упустить эту штуку — это доказательство нашей невиновности. Если она в это поверит. Я толкаю переднюю дверь, даже когда слышу позади себя Дастина.

— Гм.... Добрый вечер, мэм.

Избегая битого стекла, я прыгаю по лестнице и бегу через парковку. Тень движется под линией деревьев. Я определенно потеряю ее, если она окажется в лесу. Я ускоряюсь, пробегая через единственные две машины на стоянке.

Щмяк. Я сталкиваюсь с чем-то и падаю на спину. Перед глазами взрываются

звезды. Хайд стоит передо мной, усмехаясь.

— Никогда не использовал кроузлайн*** Всё бывает в первый раз. Угадайте, кого я нашел, директор? — кричит он в направлении школы.

Я изо всех сил стараюсь сесть, но тень уже исчезла. Хайд за воротник поднимает меня на ноги. Я отталкиваю его, хотя еще неуверенно стою на ногах. Он удерживает меня за рубашку и тащит к школе.

— Это тоже первый раз, — говорит он. — Много первых сегодня. Я никогда никого еще не ловил с поличным.

— Я ничего не делал, — огрызаюсь я.

— Нет? — спрашивает он, когда мы поднимаемся по лестнице. — Доказательства не на твоей стороне, манчкин****

— Это твоих рук дело, — обвиняю я, когда он толкает меня в дверь. — Ты послал это...эту ниндзя обезьяну, чтобы у меня были неприятности.

Он смеется.

— Тебе уж точно не нужна моя помощь, чтобы попасть в неприятности, Дюпре.

Директор Унимо стоит в атриуме с Дастином, который робко смотрит на меня.

— Спасибо, мистер Хайд, — говорит она, рассматривая меня. — Вы можете идти домой.

— Не знаю, думаю, я задержусь на минутку, — усмехается он, прислоняясь к перилам.

Этот болван хочет остаться тут и позлорадствовать. Я сжимаю кулаки.

— Ну что? — директор обращается ко мне. — Что вы скажете в свое оправдание?

— Мы ни в чем не виноваты, — заявляю я.

— Да? На прошлой неделе я получала жалобы о краже вещей. И во многих из них

вы указаны как виновник.

— Зачем мне красть из собственного шкафчика? — протестую я. — Да и шкафчик

Дастина очистили во второй половине дня.

— Уверена, так оно и было, — сухо говорит она. — Скажи мне зачем. Вы пытаетесь отомстить тем, кто вас обидел? Что еще более важно, как вы это сделали? Ни один замок не был взломан. Если вы скажете, как сделали это, я смогу быть более снисходительной.

— Я этого не делал, — настаиваю я. — Мы были здесь ночью, пытаюсь поймать ту штуку, которая это делает.

— Штуку? — невыразительно говорит она.

— Он говорил что-то об этом — что это было, Дюпре — ниндзя обезьяна? — смеется Хайд. — Seriously, ты можешь придумать что-то по-лучше этого.

— Я полагаю, вы тоже видели это, мистер Херон?

Дастин становится цвета своих волос.

— Это была... тень... — шепчет он, запинаясь.

— Как полезно, — холодно говорит она. — Я скажу персоналу остерегаться болтающейся тени.

— Она реальна, я клянусь! — восклицаю я. — Оно влезло во все мышеловки, которые были в шкафчике, а потом разбило окно...

— Мистер Дюпре, — она перебивает меня. — Вы и мистер Херон окупите убытки, которые понесли. Вы будете проводить всё свободное время, помогая учителям с теми заданиями, которые они вам дадут, до конца семестра.

— Это несправедливо! — кричу я. — Мы ничего не сделали!

— Вы вломились в школу, после закрытия, — заявляет она. — Это уже само по

себе преступление. Если вы продолжите протестовать, я сообщу вашим родителям.

Я сплотнул. Гнев Унимо достаточно плох. Моя мама думает, что в данный момент я в своей комнате делаю домашнее задание. Если она хотя бы услышит о том, что я ночью крался из дома...

— Ладно, — бурчу я.

— Если ваша... тень вернется, ваши имена будут очищены, конечно же, — снисходительно улыбается она. — А до этого кто-то должен платить долг обществу.

Вы понимаете. Теперь домой, все вы, — говорит она, бросив взгляд и на Хайда.

Она поворачивается на каблучках и направляется в кабинет.

— И вы будете убирать научную лабораторию в течение двух месяцев, — она смотрит на нас. — Вам, ребята, будет весело там.

Она выходит за дверь, смеясь.

— Мы обречены, — вздыхает Дастин.

Я склонен с ним согласиться.

— Ой, да ладно, давай хоть заберем твои комиксы домой, — ворчу я.

Это не закончилось хорошо. Это полностью противоположно хорошо. Я запихнул пару конфет в карман. Нет смысла тратить их впустую. Дастин берет свои комиксы. Он хмурится, замечая мятую страницу, но молчит, когда мы не выходим из школы.

Я задумался, когда мы шли по парковке. Что означает, я говорю всё, о чем думаю.

— Это самая странная вещь, которая с нами случалась, — стону я. — Какой вид обезьян-ниндзя врывается в школу, чтобы украсть конфеты и книги? Кто мог научить ее делать это? И что это, черт возьми?

— Ты рассмотрел это что-то? — спрашивает Дастин.

— Было слишком темно. Я имею в виду, я видел хвост и, думаю, был мех...

Рывок из моего заднего кармана отвлекает меня. Я оглядываюсь, но темное создание размером с кошку уже взобралось на дерево с конфетой во рту. Она прыгает на высокую ветку и исчезает, скользя в лес. Я стою с открытым ртом.

— То были крылья.

— Подмышечные лямки, вообще-то, — говорит Дастин со спокойным видом, который и свидетельствует о том, как он ошеломлен.

— Как у летучих мышей. Но оно бежало как кошка...

— Я думал, ты сказал, что это была обезьяна, — начинает он волноваться.

— Ну, а сейчас я говорю — это ниндзя кошка-летучая мышь.

— О, это даже лучше, — говорит он с сарказмом. — Эй, директор Унимо, извините за то, что было раньше. На самом деле, это ниндзя кошка-летучая мышь ворует мои комиксы? Зачем ей они? Кто знает? Может, ниндзя кошка-летучая мышь любит хорошо иллюстрированные картины с сюжетной линией. Откуда мне знать? Я никогда в жизни не слышал о них.

— Хорошо, хорошо, мне очень жаль. Успокойся. Посмотри, — я указываю на землю.

Пушистые серые перья остались возле его кроссовок.

— Дерьмо, — говорит он, вздыхая.

— Слушай, давай просто пойдем домой, — говорю я. Может, просто перестать брать комиксы в школу какое-то время.

— Ага, как будто это произойдет, — ворчит он.

— Тогда просто не ложи их в свой шкафчик, хорошо? — я вздыхаю. — Мы собираемся добраться до истины и очистить наши имена. Я не буду мыть доску Тейлору до Рождества.

— Доберемся до сути дела? Как? — спрашивает Дастин.

— Оно побежало в сторону старой лесопилки, — говорю я. — Значит, туда мы и пойдем в субботу.

— Ее признали негодной не без причины, — говорит он нервно, доставая перо из рукава и бросая его в сторону.

— Всё больше оснований, чтобы прятаться там, — заявляю я, начиная идти домой. Ах да, Дастин линяет, когда волнуется. Вероятно, мне следовало упомянуть об этом раньше.

*Вубис (англ. Woobies) — интернет-игра с лохматыми пухликами.

**Песочный человек — серия комиксов.

***Клоузлайн (англ. Clothesline) — ход в борьбе, в которой борец ставит свою руку прямо в сторону и сбивает своего противника с ног.

****Манчкин (англ. Munchkin) — человек, в каждый конкретный момент времени стремящийся стать потенциально более разрушительным для мира (чаще всего игрового), в котором он находится. Манчкины пользуются для достижения своей цели любыми доступными средствами, такими как многократное убийство монстров ([гриндинг](#)) или выбор неэтичного пути (бессмысленное убийство «добрых» и нейтральных персонажей и т. п.).

Глава 7

Джул

— Блины очень хороши, — сказала я, слабо улыбаясь.

— Спасибо, — ответила Беа, возвращаясь к своей еде, и даже не пытаясь завязать разговор.

Я училась ценить еду, которую она готовит, но не похоже, чтобы она стала ко мне

относиться теплее. Хотя она все еще была озабочена моими походами в школу — я только заканчиваю мою первую неделю — и по утрам у меня все же появлялся аппетит, что было к лучшему. Казалось, ее неодобрение становилось меньшим, когда я ела ее еду. Я никогда не пробовала домашние блины — я ела их иногда в ресторанах, но ничего и в помине не напоминало этого. Я потягивала апельсиновый сок, пока она пила кофе. Тарелка с беконом стояла между нами, но я даже не дотронулась до нее.

— У тебя появились друзья в школе? — неожиданно спросила она, что я чуть было не подавилась куском блина.

— Эм...ах...еще нет, — призналась я.

— Почему нет? — прямо спросила Беа.

— Они не эм...они не делают...

— Джульетта, говори.

— Похоже, что у каждого свои группки, — выпалила я. — Это, гм, не такое уж большое дело.

Я имею в виду, я не была в начальной школе. Но если быть честной с собой, это большое дело. Я была практически невидимой в моей старой школе, и я так устала постоянно чувствовать себя одинокой. Ну, а каков другой вариант? Получить отказ?

— Тебе нужно быть настойчивее, — указала Беа. — Просто представь себя людям и начинай говорить. В конце концов, ты найдешь кого-нибудь со схожими интересами.

«Тебе легко говорить», — думала я.

— Я... не уверена, что настойчивость у меня в крови, — слабо засмеялась я.

Беа странно на меня посмотрела.

— Так и есть. Просто... попытайся завести хороших, нормальных друзей. Я знаю, что в этой школе некоторые дети странные... Что на счет Хейли Дюпре? Она нормальная

девушка, — заявила она, делая глоток кофе.

Может быть, слишком нормальная для меня.

Мисс Миллер опоздала на урок. Этого не случилось раньше. У меня в сумке был пустой дневник моей матери, и я пересматривала его страницы от корки до корки в сотый раз. Это должно что-то значить. Мои пальцы нашли отпечаток имени моей матери, когда запоздалая учительница химии ворвалась в класс, полная энергии и с улыбкой на лице. Я застенчиво закрыла дневник.

— Пора приступать к научным проектам, — заявила мисс Миллер, улыбаясь от уха до уха. — Это будет очень весело, я обещаю. Я выбрала несколько действительно интересных. Они немного сложноваты для двоих человек, так что мы соединим по два стола вместе.

Рука Мака взлетела вверх.

— Мы сами можем выбрать наших партнеров?

— Я назначу, — ответила мисс Миллер. — Чтобы избежать несправедливых группировок.

Ее взгляд метнулся в левую часть класса. Она смотрела на стол Хейли или Кея?

Или на оба?

— Вы будете вычислять ошибки эксперимента, который будет вам назначен, и напишите работу о предпосылках эксперимента и способах его создания, которые вы выявите. И вы будете делать стенд, чтобы продемонстрировать свои работы на школьном фестивале через две недели вашим семьям и школьному совету.

Несколько стонов разнеслось по комнате.

— Ничего подобного, — сказала мисс Миллер, скрестив руки. — Фестиваль — большое мероприятие. Это звучит так, будто у вас будет много работы, но уверяю, это

весело. И будет вечеринка после всего этого, — она улыбнулась. — Новые студенты могут и не знать, но у нас бывают шумные вечеринки.

— Шумные вечеринки? — прошептала я, пробуя слово.

Рядом со мной Камилла выдавила улыбку.

— Так что, — говорила мисс Миллер. — Задания. Жак и Холли вы с Эррол и

Раелин, — она дала им раздаточные материалы. — Вы будете наблюдать за

переохлаждением жидкости. Брэндон и Маккена вы с Ю-тянь и Кристофом. Вы, ребята,

получаете эффект полярности на поток воды. Очень здорово. Джульетта и Камилла вы с

Рисом и Кеем.

Моё сердце трепыхнулось. На самом деле? Работать над проектом с ним в течение

следующих двух недель? В любом случае, я не была достаточно обходительной, чтобы

пройти через это...

Я тупо взяла документы у мисс Миллер с описанием нашего эксперимента. Что-то

связанное с изменением цвета химических веществ. Я смутно заметила, что Мак и Дастин

в группе с Хейли и Эмити, и ни Мак, ни Хейли не выглядели счастливыми из-за этого.

Предполагаю, некоторые братья и сестры не ладят между собой. Кей лукаво махнул в

нашу сторону. Я покраснела. Камилла закатила глаза, сосредотачиваясь на раздаточных

материалах, и хмуро глядя на список химических уравнений. Я попыталась сделать то же

самое. Мы будем изготавливать невидимые чернила? Я начала рассматривать листы уже

более заинтересовано. Это на самом деле может быть здорово. И это не выглядело

слишком сложным, всё, что нужно — получить правильное соотношение...

— Хорошо, — сказала мисс Миллер. — Вы можете сгруппироваться и начинать

разделять задания. Вам следует начинать работать, чтобы сделать ваш эксперимент

правильно — великолепная презентация не поможет вам, если вы провалитесь в

фундаментальной науке.

Кей передвинул стул и вклинился между мной и Камиллой. Он положил руки на наши плечи.

— Люблю знакомиться с новыми людьми, — сказал он.

Камилла сбросила его руку. Равнодушно он повернулся ко мне с почти незаметной улыбкой.

— Нас еще не представили официально. Я Кей. Твоя очередь.

— Джул, — ответила я, становясь, определенно, ярко красной. Моя кожа не была достаточно темной, чтобы скрыть румянец, к сожалению.

— Все не так плохо. Мы команда сейчас, Джул. Я, ты сердитая и сварливая, — он посмотрел на своего друга, подходящего к столу. — Это прославленный Рис Раян; он бы убил меня во сне, если бы мог, но он не может, и потому застрял со мной.

— Не обращай внимания, для него нет личностных границ, — отрезал Рис, вглядываясь в список.

— Что? — запротестовал Кей. — Кто-то должен быть дружелюбным, и уж точно ты не собираешься быть таковым.

Кей не шутил; Рис не выглядел так, будто рад быть с нами в команде. Он действительно был поразительно красив, но полностью лишен легкого шарма Кея. Рис написал четыре быстрых заметки в списке.

— Вот так вот это будет, — властно заявил он. Темные волосы задевали бледно голубые глаза, подобных которым я никогда не видела. — Я напишу статью. Вы двое подготовьте демонстрацию и стенд. Кей не будет мешаться.

— Несправедливо, — возразила Камилла.

— Это несправедливо, но это реально, — категорично выразился Рис, вручая мне

список.

Выражение его лица не терпело возражений.

— Не слушайте его, я буду очень полезен, — сказал Кей, рисуя пальцем крест на сердце.

На периферии сознания я заметила, что на нас смотрят с двух сторон. Мак, оглядывающийся через плечо, выглядел недовольным Кеем, так же как и Рис, и — я нервно сглотнула — Хейли смотрела на меня, словно пронзая кинжалом. Ну, руки Кея всё еще были на моих плечах. Были ли они парой?

Я резко встала.

— Я, эм, возьму материалы, — оправдываясь, сказала я.

Я подошла к передней части класса. Шкаф с материалами находился рядом со столом мисс Миллер. Она извиняюще взглянула на меня, когда я взяла бутылки с химическими веществами.

— К сожалению, — пробормотала она достаточно тихо, чтобы услышала только я, — это была не моя идея.

— Ка... — она имеет в виду проект, или распределение в группы?

Я повернулась, чтобы спросить, что она имеет в виду, но Мак подошел с другой стороны.

— Он тебя беспокоит? — спросил он. — Если да, то тебе следует попросить поменять группу. Мисс Миллер, может она изменить группу?

— Никто не может переходить из группы, — сказала она ему, но небольшая улыбка омрачила ее в основном серьезное указание. — Бери все необходимое, возвращайся к своему столу, и волнуйся о своем собственном проекте.

Я осторожно, на этот раз, чтобы ничего не разлить, несла поднос с химическими

веществами к нашему столу. Я буду спокойнее, говорила я себе. Я буду хладнокровной и собранной. Это не сработало.

Кей листал пустой дневник моей матери.

— Хм, эта книга скучная, — сказал он.

— Ах! — я потянулась за ним, но он уклонился от меня, обмахиваясь страницами как веером.

— Я надеялся на колоритные тайны, — он заметил имя, вытиснутое на внутренней стороне обложки. — Кто такая Кира?

— Я, — ответила я, не уверенная, почему лгу.

— Хм, псевдоним? Ты не очень плодовита, — сказал он, подавая дневник обратно.

— Ты, наверное, хочешь поработать над этим.

— Да, — согласилась я.

Всё что угодно, чтобы вернуть дневник в безопасность сумки. Я потянулась за ним снова, и вновь он выхватил его.

— Если только, — размышлял он, поднимая одну из пробирок, в которой Камилла смешивала реактивы.

— Эй, — выкрикнула Камилла.

— Кей, пожалуйста, — сказала я. — Это всего лишь пустой дневник.

— Люди защищают лишь то, что ценно для них, — заявил он, проливая жидкость над страницами.

Я в отчаянии смотрела на мокрый дневник моей матери. Он испортил его?

Цвет страниц начал меняться, как будто темные чернила кровоточили на страницах.

На секунду я подумала, что увидела что-то. А затем бумага словно очистилась, страницы вновь стали пустыми.

Кей пожал плечами.

— Думаю, вы были правы, — сказал он, положив дневник передо мной. — О, хорошо. Эй, я хочу есть. Рис, у тебя есть, что перекусить?

— У меня разве когда-нибудь было, чем перекусить? — пробубнил Рис.

— Надежда никогда не умирает, — ответил Кей. — *C'est la vie**

Он побрел к двери.

— Класс по-прежнему не следует покидать, — сделала ему выговор мисс Миллер.

— Закуски, — пожал плечами он. — Я, возможно, вернусь.

Мисс Миллер откинулась на спинку стула, явно разочарованная им. Мак с подозрением смотрел на него.

Я откинулась на стуле, угнетенная состоянием дневника моей матери.

Свернувшиеся страницы окрасились химическими пятнами. Почему он отнесся к моей вещи так неосторожно? Неужели он плохо думает обо мне?

— Ох, успокойся, — сказал Рис, окинув меня презрительным взглядом. — Он делает это только потому, что ему скучно. Это не имеет к тебе никакого отношения.

Мое сердце сжалось.

— О-о, — произнесла я, делая вид, что работаю над уравнением, чувствуя онемение.

Его слова были как пощечина. Даже если это и было правдой, так говорить было жестоко. Камилла бросила взгляд на Риса, отложила ручку и оттолкнула стул. Она вышла из класса.

— Камилла... — предупреждающе начала мисс Миллер.

— Ванная комната, — коротко ответила она, и дверь с громким звуком закрылась за ней.

Всё шло плохо. Но, по крайней мере, я закончила эксперимент.

Я потянулась за другим флаконом, которым занималась Камилла, но мой взгляд упал на инструкцию. Аммиак. Ватный шарик, пропитанный аммиаком, сделает чернила видимыми. Я никогда не ощущала такого резкого запаха, как тогда, когда Кей облил дневник. Я взяла и понюхала пустой пузырек — ничем не пахло. Я взяла другой из штатива Камилла — запах был горче. Если Кей использовал неправильный флакон? Я взглянула на Риса, но он был занят чтением книги. Что мне терять?

Я взяла ватный тампон и окунула его в аммиак. Открыв дневник на странице, которая была почти сухой, и протерла угол. Расцвели сине-черные чернила, завиваясь узором по странице. Мое сердце учащенно забилось, и я быстро закрыла дневник, прежде, чем кто-либо увидел.

Как раз то, что надо.

Камилла

Камилла шагала по коридору. Сакамото же стоял перед второй дверью в лабораторию, изучая замок. Он взглянул на нее, когда Камилла остановилась возле него, и вернулся к осмотру двери.

— Это идеальное утопление, — сказал он, проводя пальцем по дверному откосу. —

Не удалось выжать молекулы без разрешения Снежной Королевы? Как думаешь, что она заперла тут?

Её не заботили его навязчивые идеи.

— Оставь Джул в покое, — сказала Камилла. — Она ничего не сделала.

Он присвистнул.

— Да ты почти произнесла целую речь. Хотя твое беспокойство утомительно. Я не имею в виду ничего плохого, я пришел с миром, — сказал он, в невинном жесте поднимая

над головой руки.

Небольшая улыбка играла на его губах.

— Мне нравится Джул, правда. Она так забавно краснеет. Мне все нравятся, на самом деле. Некоторые люди просто немного интереснее. Ты, например. Почему ты об этом беспокоишься? Ты же ее совсем не знаешь.

«Потому что она выглядит грустной, и потерянной, и одинокой, а я знаю каково это», — подумала Камилла. Но она не собиралась озвучивать ничего из этого перед этим идиотом. Она приблизилась к нему на шаг, занимая более удобную и комфортную позицию, на всякий случай.

Он заметил это, и заинтересовался.

— Я видел, что ты сделала с Хайдом на днях, — сказал Сакамото.

— Тебя там не было.

— Я видел. Бедняга. Это твой способ разрешения конфликтов?

— Да, — просто ответила она.

Что он имел в виду, говоря, что видел? Она была уверена, что его не было в классе.

— Боже мой! — сказал он совершенно спокойно. — Это очень плохо. Мне не позволено драться, ты знаешь. Я очень, очень хочу, но Икедо просто не будет меня учить.

Сказал, я неправильный, — он улыбнулся. — Что бы это ни значило.

У него какие-то расплывчатые цели. Камилла нахмурилась.

— Ты предупрежден, — сказала она, разворачиваясь, чтобы вернуться в класс.

— Тебе следует предупредить меня снова, — прозвучало ей вслед.

Когда она вернулась в класс, Джул уже закончила эксперимент. Дневник она убрала. То, что сделал Сакамото, было невежливо. Камилла наклонилась над своим листом бумаги и нарисовала мультяшного Сакамото, говорящего: «Я осел», и передала его Джул.

Джул коротко засмеялась.

— Спасибо, — прошептала она, с улыбкой возвращаясь к работе над уравнением.

Кей Сакамото был наименьшей ее проблемой. У нее было дополнительное занятие английского с Тэйлором в городской библиотеке после школы. Габриэль высадил ее на парковке. Она взглянула через лобовое стекло на гигантское трехэтажное здание. Оно смутно напоминало ей европейские замки.

— Я заблужусь здесь, — пожаловалась она.

— О, Тэйлор не позволит тебе заблудиться, — ответил Габриэль, склоняясь над рулем, чтобы тоже взглянуть на здание.

— Почему мы просто не можем делать это в школе, как нормальные люди? — спросила Камилла, резко откидываясь на спинку сидения.

— Ты делаешь то, что говорит учитель, — сказал он. — Вот как это и работает.

Хотя...

— Что, хотя?

— Я знаю, что предполагается, я скажу тебе слушать всё, что он будет говорить, но...

— Но, что? — спросила она, разочарованная его уклонениями.

— Не слушай всё, что он говорит, — пожал плечами Габриэль. — Особенно не сегодня.

— Больше объяснений, пожалуйста.

— Хм... — он посмотрел на здание с несколькими башнями. — Потому что я не могу пойти туда.

— Тебе не разрешено? — спросила она, думая, что это странно, не иметь возможности войти в общественное здание.

— Нет, я не могу. Я не говорю, что люди рассердятся, если я войду — а они рассердятся — я говорю, что в прямом смысле этого слова, не могу войти в здание. Это было бы неловкое зрелище, попытаться это сделать.

Камилла не знала, как реагировать. Это было чем-то новеньким.

— Так что, — продолжал Габриэль. — У меня такое ощущение, что Тэйлор использует возможность выставить меня в плохом свете.

— Ты всегда выглядишь плохо, — сказал Камилла, искоса взглянув на него. —

Когда ты пострижешься?

— Говори за себя, перекажи-поле, — ответил он, заправляя волосы за уши. — Во всяком случае, просто...не важно, что он говорит...не воспринимай всё за чистую монету, хорошо? Он знает о многом, а люди, которые много знают, как правило, полагают, что они осведомлены в том, о чем не знают.

Предложение прокрутилось у нее в голове. Она подумала, что все-таки поняла, что он имел в виду.

— Неуклюжие фразировки.

— И, пожалуйста, помни, что следует говорить на английском, — предупредил он.

— Это урок английского, — она обернулась. — Конечно, я буду говорить на английском.

— Хорошо. По крайней мере, время не будет потрачено впустую. Я вернусь через час, детка.

Камилла зашла в библиотеку с трепетом. Не только из-за мыслей о каких-то барьерах — что бы ни позволяло Габриэлю войти — так же могло и не позволить ей. Но и из-за множества книг, возвышающихся до потолка в три яруса. Это, по некоторым причинам, наводило ее на мысли о подводном плавании. Как бросаться в океан, когда от

верной смерти тебя отделяет спандекс и небольшой баллон воздуха. Ощущение было таким же. За исключением того, что вместо баллона с воздухом у нее был Тэйлор.

Предположительно. Она осторожно огляделась. Его нигде не было видно. Он сказал, что будет здесь.

Так или иначе, главный зал библиотеки напоминал ей немного космический корабль. Здесь был киоск с тремя главными зонами освещения, которые обеспечивали светом столы, расставленные по кругу. Крыша поддерживалась изогнутой лестницей, ведущей на второй этаж. Стол мог быть мостиком корабля, решила она, хотя и сомневалась, что сидящий за ним будет давать указания студентам, которые не смогли найти копию Беовульфа.

Она была удивлена тем, насколько привлекательной... и большой была библиотека.

Она не ожидала подобного от небольшого городка. Растения плелись по перилам лестницы, и казалось, что на втором этаже был фонтан. В детской секции справа, два мальчика играли в прятки между книжными полками, пока их мать не поймала их, и не отругала шепотом. Слева было намного тише. «Справочная секция» — было выгравировано жирным шрифтом. Это место, определенно, не было тем, где он хотел бы быть. Может, Тэйлор был наверху?

Громко взвыла сигнализация. Камилла вздрогнула, закрывая уши, оберегая свой чувствительный слух. Она поняла, что только что прошла через металлоискатели.

Конечно. Снова это произошло.

Все, кто находился на первом этаже, уставились на нее. Она могла чувствовать, как краска заливает ее лицо. Она надеялась, что в этот раз всё не будет так же плохо, как в аэропорту. Объяснять чрезмерно усердной американской охране, что ты не можешь снять кусок металла с руки, фактически без возможности говорить на английском — это может

быть достаточно трудно. Им понадобился весь шарм Габриэля, чтобы пройти через таможню. Но Габриэля сейчас здесь нет.

— Простите? — сказала жилистая пожилая женщина за стойкой регистрации.

Мускулы на ее лице дернулись, когда сигнализация замолкла. Камилла подняла левую руку, указывая на нее правой.

— Похоже на это, — сказала женщина. — Иди сюда, позволь мне осмотреть твою сумку.

Камилла вздохнула, положив свою камуфляжную сумку на стойку. По крайней мере, она была уверена, что в ней не было ничего подозрительного. На неё всегда срабатывают металлоискатели, где бы она ни проходила.

— Современные дети и их хулиганские украшения, — бормотала пожилая женщина, просматривая учебники Камиллы. — Хорошо, можешь идти.

Камилла кивнула, и вновь осмотрела первый этаж, не видя никаких признаков Тэйлора.

— Могу я чем-то помочь? — спросила пожилая женщина.

По тону её голоса было понятно, что она не столько желает помочь, как обязана.

— Я... жду, — ответила Камилла, — кое-кого. Моего учителя.

Пожилой библиотекарь кисло взглянула на нее, как будто подозревая во лжи. Но всё же она вернулась к штамповке книжных карт, время от времени бросая на Камиллу случайные подозрительные взгляды.

Камилла поправила сумку на плече. Это было просто неловко. Она уже придумывала оправдание для ухода и вновь срабатывающей сигнализации, когда Тэйлор, наконец, вошел в дверь.

— Там жарко как в аду, — пожаловался он. — Как ты по-прежнему носишь

толстовку?

Камилла пожала плечами. Не существовало просто способа объяснить, что худи значит для нее. Кроме того, в библиотеке было прохладно. Теперь, когда она пробыла внутри некоторое время, Камилла была рада, что у нее есть эта вещь.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Пойдем наверх, займем стол. Добрый день миссис Траш, — кивнул он библиотекарю.

— Джон Тэйлор, — кисло произнесла она.

— Ты, наверное, думала о получении читательского билета, — сказал Тэйлор, когда они поднимались по лестнице.

Фонтан действительно находился в центре спирали между вторым и первым этажом. Камилла боролась с желанием разгрести руками папоротники, окружающие его.

— Почему? — спросила она.

Тэйлор бросил последний взгляд на стойку, когда они поднялись на второй этаж.

— Сюда, — указал он на дорожку, ведущую в секцию «Фантастики». — Потому, — сказал он достаточно тихо, чтобы его не было слышно на первом этаже. — Старая леди Эдна не доверяет тем, у кого нет читательского билета. Но это не значит, что она станет, даже если он у тебя и появится, — признался он, пожимая плечами.

Камилла скользнула взглядом по полкам в поиске книг, которые она могла бы взять.

Она знала, что дополнительные занятия предназначены для улучшения ее понимания алфавита, но она застала себя за тем, что читала названия многих объемных книг, к которым подвел ее Тэйлор. Это, определенно, был тренд.

Доктор Джекил и мистер Хайд. Мэри Шелли Франкенштейн. Ад Данте. Одиссея.

Сказки Гримм.

Неужели он думает, она ничего не заметила? Или что он говорил ей?

Она вышла из рядов с кучей книг и бросила их на стол перед Тэйлором.

Она подняла бровь.

— Kaibutsu.

— Английский, — сказал он, не отрываясь от письма.

— Akuma. Youkai. Bakemono.

— Английский, Тиг.

— Всё это, — она указала на стопку книг, мучая мозг в поисках подходящего слова. — Монстры.

Тэйлор коротко взглянул на нее, затем черкнул что-то в своем блокноте, и закрыл его, облокотившись на спинку стула.

— Монстры, да. Но не все из них.

Он вытащил одну книгу из кучи. На бледно-голубой обложке было отпечатано название готическим шрифтом, золотое теснение которого почти стерлось.

— «Монстр Франкенштейна был создан человеческой высокомерностью — гордостью, — сказал он, по ее лицу видя реакцию на незнакомое ей слово. — Этого никогда не должно было существовать, но нас не спрашивали. И хотя это было отвратительно созерцать, но это было не возрожденное зло или чудовищно. Таким его сделала реакция людей. Совершенные действия сделали его чудовищем — но ему не предоставлялся другой выбор, — он вытащил еще одну книгу. — Доктор Джекил желал другую жизнь. Но вместо того, чтобы сделать трудный выбор, чтобы улучшить свою жизнь, он изобрел совершенно другого человека, чтобы её изменить, но тот, в конечном итоге, разрушил его жизнь, как и жизни других людей в процессе. И сказки, хорошо... — он рассматривал фолиант сказок, но, казалось, неохотно листал его. — Сказка о сказке, о тех, кто выбирает с умом, и назидательные истории о тех, кто сделал плохой выбор.

Камилла подняла подбородок.

— Вы думаете, я сделала плохой выбор.

— Я не думаю, что ты уже сделала выбор, — сказал Тэйлор, садясь обратно и скрещивая руки на груди. — Прямо сейчас ты можешь выбрать. Ты ведь делаешь всё, что говорит Габриэль, не задавая вопросов, да?

— Да.

— Не звучит как то, чем можно гордиться, — сказал он, поморщившись. — Разве ты не знаешь, как думать самой? Знаешь ли ты причины, по которым он говорит тебе сделать что-то? Этот кусок металла, — он указал на ее браслет. — Ты знаешь, что это такое?

Камилла застенчиво убрала руку со стола.

— А вы? — вызывающе спросила она, хотя каждая ее часть умирала от желания узнать.

— Я нет, — сказал он. — Но если бы у меня было что-то постоянно привязанное ко мне и, вероятно, неестественное, я бы хотел узнать, что это.

— Это держит меня в безопасности, — обороняюще сказала она.

— Как удобно, — отозвался он. — Это даже может быть правдой. Габриэль любит смешивать ложь, чтобы ему было легче.

Забурлил гнев.

— Он предупреждал меня, — сказала она. — О Вас.

Тэйлор рассмеялся.

— Габриэль? Предупреждал тебя обо мне? Боже, мир становится странным.

Предполагаю, я вернулся туда, откуда начал. Какого черта я единственный, кто может видеть его таким, каким он есть? Ты живешь с ним, это же должно быть очевидным, что

он использует тебя.

— Он спас меня, — настаивала Камилла.

— Да, но с какой целью?

Камилла встала, закидывая сумку на плечо.

— Мы закончили?

Тэйлор поймал ее за запястье, и она посмотрела на него сверху вниз, вызывающе.

— Монстрами становятся из-за их выбора, а не из-за своих способностей, —

сказал Тэйлор. — Что бы ты не могла делать — на что ты думаешь, ты способна — ты можешь помогать людям или ты можешь помогать себе. Выбор за тобой. Знаешь ли ты, как они называют монстра, который помогает людям?

— Запутавшийся монстр? — с горечью предположила Камилла.

— Герой, — ответил Тэйлор.

Он протянул ей потрепанную копию повести о «Двух городах»

— Твое задание по чтению.

Она хмуро взглянула на него, а потом положила в сумку.

— Теперь мы закончили?

Он вздохнул, садясь назад.

— Теперь мы закончили.

Она пошла прочь, потом остановилась и обернулась.

— Почему Габриэль не может войти в библиотеку?

Она не могла этого объяснить, но каким-то образом это прожигало брешь в ее неуклонной решимости.

Тэйлор молча смотрел на нее в течение нескольких секунд. Приглушенные звуки людей, просматривающих книги за стеллажами и печатающих на ноутбуках, вдруг

показались слишком громкими.

— Здесь заклинание на здание, — сказал он, наконец. — Ты не можешь войти, если ты бессмертный.

Бессмертный. Камилла медленно кивнула.

— Ты не выглядишь удивленной, — отметил Тэйлор.

Она и не была. Не совсем так. Но то, что она услышала это вслух, подтверждало то, о чем она давно догадывалась...

— Нет ничего более опасного, чем тот, кто не может умереть, — сказал Тэйлор. —

Им нечего терять.

Он вернулся к записям в своем блокноте.

Камилла молча стояла, по-прежнему поглощая информацию. Нечего терять, так ли это?

— Вы ошибаетесь, — пробормотала она.

— Что это было? — Тэйлор посмотрел вверх.

— Вы ошибаетесь, — повторила она. — У него есть я.

C'est la vie(фр.) — Это жизнь

Глава 8

Мак

Десять часов, суббота, и мой мозг раскалывается. Половина моего мозга сосредоточена на поиске ниндзя, хорошо, что у нас, наконец-то, будет время пойти в лес проверить заброшенную лесопилку. Другая половина моего мозга всё еще в школе.

— Ты видел его? Видел? Он чуть ли не лапал ее. Разве не предполагается, что Кей встречается с Хейли?

— Они не встречаются, — угрюмо отвечает Дастин. Мы на моей кухне, собираем еду для похода в лес.

— Ага, а она думает иначе. Он пресмыкающийся, и должен держаться Хейли и оставить Джул в покое.

— Он пресмыкающийся, — это единственное с чем согласился Дастин.

Я косо взглянул на него.

— Ты странно себя ведешь

— Я беспокоюсь о том, что в конечном итоге, всю работу по проекту будем делать мы вдвоем, — уклончиво ответил он.

— Ни в коем случае. Хейли всегда использует возможность сжульничать, когда можно переложить работу на кого-то другого. Вероятно, поэтому мисс Миллер определила ее к нам. Она знала, что я смогу приструнить ее, — я киваю сам себе.

Не похоже, чтобы это его утешило.

— Я также обеспокоен скитанием в полусгнившем здании, находящимся в середине леса. Почему мы никому не говорим, куда идем?

Я забросил рюкзак на плечо.

— Потому как приключение — это наша собственная награда.

— Это... не имеет никакого отношения к тому, что я только что сказал.

— Ох, возьми последний сэндвич, я забыл положить его с остальными.

Голос моей сестры пронесся по холлу:

— Думаю, тут есть остатки сока...

Хейли и Эмити прошлись по кухне, и мы замерли над раскрытым рюкзаком, полном сэндвичей.

Хейли подняла бровь.

— Мы голодные, — говорю я.

— В последний раз, когда ты сделал восемь сэндвичей, я нашла записку на твоей кровати, в которой говорилось, что ты отправляешься в Сахару, и пришлешь мне открытку, когда найдешь сокровища царя Соломона. Тебе было восемь. Разве ты сейчас не стар для подобного?

— Никогда не бывает поздно для приключений, — с ноткой драматизма отвечаю я.

— А сейчас, если вы извините нас, мы пойдем...

— На разведку форта на дереве? — снисходительно произносит Хейли.

— Играть в ковбоев и индейцев, — добавляет Эмити.

— Может быть в казаков-разбойников, — смеется Хейли. — О нет, погодите, или в мутантов... или как там называются драки мутантов? Я не знаю, я же не в детском саду.

— Программа выживания, — сержусь на нее я.

— После чего, Дрэгон Кона? — смеется Эмити над ежегодной комической конференцией.

Хейли смотрит на нее с легким ужасом.

— Как ты вообще про это знаешь? Меня можно извинить, я живу с этим, — она махает рукой в мою сторону.

Эмити слегка начинает путаться в словах:

— Я...слышала...

— Не бери в голову, — Хейли делает долгий вздох и снова поворачивается ко мне.

— Знаешь, нет ни шанса, что мама с папой разрешат тебе пойти в лес. Нам бы никогда не позволили.

— Ну, тогда, возможно, им не следовало выбирать дом, который окружен лесом, — я развернулся. — Для меня это неправильная логика.

Я застегиваю рюкзак и поворачиваюсь к двери.

— Так как мы мозолим ваши глаза, мы просто уйдем.

— Ты хотя бы спросил маму об этом? — громко говорит Хейли.

— Тише, — шиплю я, уже слыша, как открывается дверь маминого кабинета, и вот уже она входит на кухню с пятнами краски на ее темно-русых волосах и широкой кистью в руках. Это вещь нужна ей для покраски комнат, но, похоже, мама в краске больше, чем стены.

— Что за драма? — спрашивает она, разглядывая нас четверых, положив руку на талию.

— Хейли, как обычно, — говорю я.

— Мак и Дастин собираются тайком улизнуть в лес, — огрызается Хейли.

Мама поднимает брови, измазанные синей краской.

— Мы не собираемся далеко заходить, мам, — я хватаюсь за ручку. — Мы вернемся к обеду, обещаю.

— Макалистер Дюпре, — жестоко произносит мама, и меня передергивает. — Ты не будешь бродить вокруг этого леса. В нем полно змей и ядовитого плюща, и в последнее время были отчеты о койотах.

Койоты? Это же никак не связано с ниндзя?

— Мы не будем выходить из поля зрения, обещаю, — лгал я.

Мама оценила меня сузившимся взглядом, который означал, что она читает мои мысли. Ненавижу этот взгляд.

— Нет. Мы с девочками собираемся пройти по магазинам в городе, и вы пойдете с нами. Дастин, ты волен остаться или же пойти с нами, конечно, но я не оставлю вас двоих вместе, чтобы через секунду после этого удивиться тому, что моя машина отъезжает со

стоянки.

Ей не нужно было спрашивать о том, знает ли его отец, где он находится. Сегодня суббота. Дастин проводит больше времени в нашем доме, чем в своем. К тому же его отец не так помешан на контроле, как моя мама.

— Эй, ладно, мам, мы не станем этого делать, — протестую я.

Мы станем. Мы, определенно, станем. Но мы вернемся раньше ее.

Она берет у меня рюкзак и начинает перелаживать бутерброды в холодильник.

— Лес за пределами разрешимого, — твердо говорит она. — Всегда был и всегда будет.

Хейли ухмыляется, глядя на меня, и выскальзывает из кухни. Эмити оглядывается на нас с таким выражением, которое я не совсем понимаю — что-то похожее на голод — и выходит вслед за Хейли.

Я впиваюсь взглядом в Дастина, который издал вздох облегчения. Хотел ли он заняться домашним заданием? Если мы собираемся отчистить наши имена, мы должны найти это маленькое... чтобы оно там ни было!

Хорошо, для того чтобы быть справедливым, следует объяснить, почему меня не волнуют все эти вещи про мифологических существ, так как должны были бы. И вы уже знаете про Дастина и перья.

Когда мне было восемь, а ему девять, он упал в густые заросли на моем заднем дворе. В основном, он был в порядке — всего несколько царапин на руках и синяков — но вокруг него была куча перьев. Сначала я подумал, что он упал на какую-то птицу, или что-то типа этого, но потом я поклялся хранить его тайну, и он рассказал мне правду.

Он не был человеком. Ни он, ни его отец, ни его мама, ни его сестра. Вся его семья была вроде как другой расы. Одичавшие, сказал он. Видимо, одичавшие каким-то образом

означало, что у них есть способности. Обычно они были такие как сила или скорость, или действительно хорошее зрение. Но не Дастин. Он линял, когда пугался. Лентяй, которого и днем с огнем не сыскать.

Так, во всяком случае, узнал я, что в мире происходит гораздо больше всего, чем знает большинство людей. Естественно, я хотел узнать об этом настолько много, насколько возможно — но знание Дастина о его наследии довольно ограничено. Видимо, семья его родителей иммигрировала откуда-то далеко, чтобы избежать неприятностей, и затаилась до сих пор. Его отец достаточно смутно говорил ему об этом, отказываясь рассказывать больше. Дастин утверждает, что если я хоть подам вид, что что-то знаю, его отец станет неистовым. Я никогда не видел человека, который бы так ругался в пробке, не знаю как насчет неистового, но я до сих пор держу рот на замке, и делал всё, чтобы помочь Дастину прятать его перья. Куртка из перьев — это была моя идея. Достаточно умно, не так ли?

Между тем, иностранцы построили странную школу посреди хлопковых полей, и начали собирать детей, которые заставляют чувствовать тебя нервную неловкость. — Это школа, — говорю я. — Я серьезно, есть что-то подозрительное во всей этой ситуации.

Мне удалось убедить маму высадить нас возле библиотеки в центре, а она, Хейли и Эмити отправились за покупками. Исследование — явно лучшая участь, чем выслушивать их споры по поводу длины юбки.

— На самом деле мы не будем писать ту работу по истории, не так ли? — говорит Дастин, когда мы переходим улицу в направлении большого трехэтажного каменного здания, которое и является Хэйвенвудской библиотекой. Для такого маленького городка как наш, мы действительно превзошли себя на нашей библиотеке. Мне нравится называть ее ЗАМОК КНИГ. Именно заглавными буквами.

— Кто говорил про историю на бумаге?

— Ты, пять минут назад, когда просил маму высадить нас у библиотеки.

Я пренебрежительно хмыкаю.

— Я уже написал эту работу.

— А я нет.

— Ой, да ладно, это дерьмо про гражданскую войну не займет больше десяти минут.

— Это пять страниц на бумаге, как ты это сделал?

— Я дам тебе свои записи. Давай же, неужели ты не хочешь узнать, что здесь происходит? Мы определенно в центре какого-то сумасшедшего мифологического материала, и нам надо всё выяснить, чтобы очистить наши имена. Хватит и того, что Хайд и Чейз избивают нас, нам не нужен еще и директор в качестве врага. Ты думаешь, что написать работу Колдуэллу — это проблема? Унимо — вот что действительно страшно, чувак.

— Хорошо, — вздыхает он. — Но если мой отец узнает, что мы делаем всё это...

— Да! — восклицаю я. Как он может быть таким апатичным к природе своего происхождения, остается для меня загадкой. Если бы я был на его месте, я бы хотел узнать.

— Хорошо, думаю, следует начать с учета имущества. Я имею в виду, что должна быть причина, почему были приложены все эти усилия, чтобы постоит здание именно на этом участке.

— Парень. Эй, парень.

Женщина сидела на скамейке перед библиотекой, видимо, наслаждаясь тенью тента. Ей не может быть удобно в таком количестве коже, потертой и испачканной, ее

средней длины волосы запутаны и неопрятны. Моя первая мысль про нее — бездомная.

— У тебя есть читательский билет? — спрашивает она с определенно Британским акцентом.

— Э-э, да, — взятый врасплох вопросом, отвечаю я.

Женщина держит в руке двадцатидолларовую купюру.

— Будь другом, проверь кое-что для меня. Обещаю, оно того стоит.

— Это общественная библиотека, — медленно произношу я, — вы можете проверить самостоятельно.

— Я не отсюда, — тревожно улыбается она. — Это всё усложняет, и я немного спешу. Ты хочешь деньги или нет?

Мне она не нравится. Не уверен, из-за странной просьбы или из-за витиеватой красной татуировки на ее шее, или из-за запаха алкоголя, исходящего от нее. Вероятно, из-за всего вышеперечисленного.

— Извините, мы тоже спешим, так что...нет, спасибо, — говорю я, обходя ее, и отправляясь в библиотеку.

— Дестин Херон, — резко окликает Эдна Траш.

Дастин дергается. Мы пытались прокрасться через стойку регистрации, но старушка словно коршун. Крошечный, морщинистый ястреб. Или, как любит называть ее Дастин — тролль.

— Я Дастин, мэм, — говорит он застенчиво.

Мы с Дастином всю свою жизнь ходим в библиотеку, и она всегда называет его неправильно.

— Несмотря на то, какое необычное имя решили дать тебе родители, у тебя всё еще на руках книги, срок возвращения которых уже прошел.

— Я, эм, я верну их на следующей неделе, — предлагает он.

— Ты сделаешь это сейчас или не сделаешь и шага дальше. Макалистер Дюпри, — она поворачивается ко мне с полным отсутствием теплоты в голосе. Эдна Тролль из тех, кто обращается к людям только по их полным именам.

— Во второй половине дня, мэм, — осторожно говорю я, пытаюсь вспомнить, брал ли я что-то в библиотеке. Очень надеюсь, что нет.

Забавная история о том, как Дастин получил свое имя. Обычно, когда люди спрашивают об этом, он отвечает, что его назвали в честь города во Флориде, в котором его родители как-то отдыхали. Правда же немного более...розовая. Понимаете, родители Дастина были уверены, что у них будет девочки-двойняшки. Мол, на 100% так и будет. У них уже всё было готово, полный шкаф с вычурными соответствующими платьицами и, собственно имена. Ангела и Дастини. Их имена были вышиты и напечатаны везде, где возможно. Серьезно. Таким образом, вы можете себе представить, их скорбь, когда Дастин оказался не девочкой. В основном, они сцарапали «и» со многих вещей, решив не выбрасывать детские вещи — они купили некоторую соответствующую одежду, что называется, для выхода, но большинство его детских вещей остались розовыми.

Забавная картина.

Дастин выворачивает карманы. У него всего лишь три доллара.

— Э-э, — замолкает он, глядя на меня.

Я пожимаю плечами. Я оставил все свои деньги дома.

— Секундочку, — говорит он. — Сейчас вернусь.

Дастин быстро выбегает из библиотеки и так же быстро возвращается. Он вручает

Троллю помятую двадцатку.

— Ты же не сделал это, — тихо бормочу себе под нос.

Он краснеет, но ничего не говорит.

— Возвращайте книги вовремя, и этого не произойдет, — говорит она Дастину, словно учительница на уроке.

Старушка слишком серьезно относиться к штрафам за просроченные книги, если вы меня спросите. Всё, что я хочу, это попасть в раздел справочников и накопать кое-какие ответы. Жаль, что миссис Беа сейчас не на работе, уж она-то никогда бы не упомянула о штрафе. Ну, может, и упомянула бы, но никогда не стала бы обращаться с Дастином, как с преступником, это уж точно.

Когда мы наконец-то прошли стойку регистрации, мы отправились к лифту. Вокруг мертвая тишина. Это единственное, что мне не нравится в библиотеках — угнетающая тишина. Ну и затхлый запах книг. И скупые библиотекари. И в большинстве случаев так тяжело найти то, что тебе нужно.

Хорошо, я не самый большой любитель библиотек в мире. Но они весьма полезны.

Иногда тут можно найти сумасшедшие книги на полках. В этом и есть огромная разница между библиотекой и поиском в Интернете. Да, в библиотеке дело идет гораздо медленнее, но тут гораздо больше шансов наткнуться на вещи, о которых вы и не думали.

Плюс, это круто, насколько стары некоторые книги — мне нравится думать о том, кто их читал до меня и почему.

— Ты не должен этого делать, приятель, — говорю я. — Эта татуированная леди — шаманка.

— Шаманка? — Дастин хмурится. — Ты хочешь попасть в библиотеку или нет?

Это ведь не сложно, всего лишь проверить книгу.

— Какую именно книгу? Знаешь, если она украдет ее, ты будешь виноватым.

Опять. Порочный круг.

— Она попросила Гримм на третьем этаже, — смущенно ответил он. — Так что, сказки братьев Гримм, полагаю. У них хоть есть книги для детей на третьем этаже?

— Детский отдел на первом, — подтверждаю я, хмурясь. — На третьем — вещи, которые никто не трогает и кабинет библиотекаря.

— Вещи, которые никто не трогает?

— Редкие книги и государственный архив, — говорю я, нажимая на кнопку лифта.

— Собственно, туда мы и направляемся. Еще больше совпадений?

— Взгляни на это, — говорю я, показывая ему старые реестры земельных участков и их названия. — Большая часть собственности до 1920 года принадлежала Этериджу.

— Никогда не слышал о них, — отвечает Дастин, даже не взглянув.

— Да, это странно, правда? Но есть весь этот список на рубеже веков, и это всё Этеридж, Этеридж, Этеридж и, хей, Грэм, это должно быть дом Джул, Этеридж, Этеридж... но потом, — я досматриваю до конца и открываю вторую книгу, кладу ее поверх первой.

Он смотрит, раздраженный тем, что я его перевал.

— Двадцать лет спустя никаких Этериджей, — указываю я, проводя пальцем вниз по списку. — Все исчезли. О, Макалистер, — говорю я, замечая имя. — И еще Макалистер... и ...

Раздражение Дастина исчезает, когда он читает список.

— Мак, — говорит он голосом, который означает, что я обнаружил что-то значащее.

Не могу в это поверить. В 1920 изобилует мое имя. Это выглядит, будто Этериджей заменили Макалистерами.

— Мак, — произносит Дастин. — От кого у тебя фамилия?

— Дев...девичья фамилия моей матери — Макалистер, — осторожно отвечаю я.

Он резко достает с полки книгу, которую искал.

— Я не думаю...не то, чтобы это выглядело... — бормочет он, листая страницы, пока не указывает пальцем на что-то.

— Макалистер, — говорит он. — Пять лет назад собственность Стоунвол Ролл была возвращена городу. Первоначальным владельцем был, — его взгляд встречается с моим, — Этеридж Макалистер.

— Серьезно? — восклицаю я, а затем хлопаю ладонью по рту, когда несколько взглядов окружающих впиваются в меня.

— Серьезно? — шепотом повторяю я, всё еще в шоке.

— Чувак, я бы поспорил на все свои небольшие деньги, что эта та самая собственность, на которой построена школа.

Я усмехаюсь.

— Давай посмотрим, что еще есть у этого парня.

— Вот, — говорит Дастин, поворачивая монитор своего компьютера ко мне.

Мы переместились в компьютерный класс библиотеки, когда наше расследование приняло неожиданный оборот. Одна вещь, которая делает интернет предпочтительным, — кроме кошек, вы понимаете — это родословные.

— Дерево семьи Этеридж официально прерывается в 1918 году, — говорит

Дастин. — Больше никаких Этериджей. Или так кажется. Всё, что случилось в 1918 —

так это то, что последний наследник мужского пола умер, оставив всё дочери, которая

вышла замуж за чувака по имени Томас Макалистер, — он выглядит весьма довольным

собой. — Всё имущество перешло к ней, а потом и к ее сыну Этериджу Макалистеру. Вот

когда имена действительно изменились. И с тех пор были разделены среди их

многочисленных потомков.

— Тогда почему я ничего не знаю об этом? Я должен знать, если я наследник огромного состояния, чувак.

— Я не говорил, что ты им являешься, — поправляет Дастин. — Здесь много Макалистеров. Смотри.

Он указывает на большое разветвление Макалистеров вплоть до сегодняшнего времени.

— И сейчас люди не придерживаются того, что все наследует первенец, это не очередь на корону. Это просто куча земли. Или была ее ею. Много земли уже распродано. Она был разделена и вновь разделена между потомками. И если ты думаешь об этом, то вероятно, что есть своего рода право на наследство всего этого.

— А как ты считаешь?

Он выглядит так, будто ему некомфортно.

— Как ты думаешь, сколько твой отец зарабатывает.

Я пожимаю плечами.

— Много.

— Не пойми меня неправильно...но мой отец выше твоего в компании. И я полностью уверен, что он зарабатывает больше денег.

— Так как же твоя мама ходит по магазинам каждые выходные?

— Волшебным образом, — отвечаю я. — И под волшебством я имею в виду кредитные карты.

— Держу пари на мой оригинал VentureBros, что твоя мама владелица трастового фонда.

— Что-то у тебя настроение для споров сегодня, — говорю я.

Он смущенно улыбается.

Но когда я думаю о том, то он сказал, понимаю, что его слова логичны. Если мистер Херон не зарабатывает достаточно много, а мой отец на должности ниже его, то и он зарабатывает меньше. Но Дастин прав, моя мама постоянно водит Хейли в дорогие салоны, водит внедорожник, и приходит домой с новыми туфлями достаточно часто.

— Ты мог бы спросить ее об этом, — предлагает Дастин.

— Спросить у моей мамы о деньгах? — переспрашиваю я. — Если ты не говоришь со своим отцом по поводу... ты знаешь... Я ни в коем случае не спрашиваю маму о деньгах. В последний раз, когда я попросил у нее пару билетов в кино, она рассказывала мне, как боролась с горным львом с консервным ножом.

— Это звучит преувеличено, — отвечает Дастин.

— За двадцать баксов никогда не получишь счастье.

— Это кое о чем напомнило мне... Надо найти ту книгу прежде чем женщина с татуировками войдет сюда и накричит на меня или что-то типа этого, — говорит он.

Я замечаю миссис Беа, выходящую из кабинета.

— Она определенно должна знать, где она, — говорю я, направляясь к ней.

— Мак, — шипит он за моей спиной, — я не думаю, что это хорошая...

Но уже поздно, я стою перед ней.

— Здравствуйте, миссис Беа.

— Мак, — она улыбается мне. — Чем могу помочь?

Я знаю, что она найдет всё, что нужно достаточно быстро. С седыми волосами или нет, миссис Беа имеет потрясающую память.

— Я знаю, это глупый вопрос, но поймите меня, Дастин тупо заключил сделку с кем-то... у вас есть копия сказок Грим здесь?

Она поднимает брови.

— Есть на втором или третьем этаже.

— Нет, здесь, на этом этаже, — говорю я.

— Она была очень конкретной, — добавляет Дастин.

— Она?

Мне хочется ударить его.

— Женщина на улице сказала, что здесь есть особенная копия. Мы просто

заинтересовались правда ли это, — говорю я быстро.

Нет смысла попадать Дасу в неприятности, если этой книги даже не существует.

Внезапно, взгляд миссис Беа становится острым.

— Какая женщина? Как она выглядела?

Я опешил от ее напористости.

— Очень грязная, вся в татуировках...

Когда старушка ругается, я и Дастин отступаем на шаг. Я не думал, что старые леди говорят подобное.

— Вы же ничего не взяли у нее?

— Нет, зачем нас красть что-то у случайной жуткой леди?

Дастин сплывает.

— Она дала мне двадцатку.

Беа хватается его за плечо и встряхивает.

— Ты занес ее в здание?

— Я...я...я заплатил ею штраф за книгу, — заикается он.

Она устремляется к лестнице и с прытью подростка спускается вниз. Мы смотрим друг на друга, а потом направляемся за ней. Что, черт возьми, происходит?

К тому времени как мы подходим к стойке регистрации, Беа уже стоит с ключом в руке возле кассы. Когда она ее открывает, одна из купюр сверху начинает шипеть. Она ругается снова, выхватывает ее и бросает на пол, топча ногами. Пепел поднялся вокруг ее обуви и осел.

— Беатрис? — вздыхает Эдна Тролль.

Миссис Беа с опаской поднимает туфлю. Ничего не остается кроме небольшой кучки золы на плитке.

Она тяжело вздыхает.

— Все в порядке. Сейчас все в порядке. Я уничтожила ее след до того как он распространился. Не думаю, что она пока играет серьезно.

Дастин и я переглядываемся. Что-то тут определенно происходит, и такое чувство, что все взрослые в это вовлечены.

Миссис Беа снимает трубку телефона и набирает номер.

— Привет Эбби. Беа Грэм. Ты оставляла мальчиков в библиотеке. Я бы хотела, чтобы ты вернулась и забрала их. Нет, они ничего не сделали, — говорит она в трубку моей матери, но ее лицо выражает совершенно обратное. — Произошел небольшой инцидент с безопасностью. И я чувствовала бы себя лучше, если они были бы в другом месте сейчас. Да. Да, конечно. Спасибо, — она вешает трубку и смотрит на нас.

— Сидите здесь, — она указывает на стулья позади доски регистрации. — Пока твоя мать не приедет за вами.

— Что мы сделали не так? — спрашиваю я. — Я не понимаю.

— Послушайте меня, мальчики, — говорит она серьезно. — Ради Бога никогда больше не разговаривайте с этой женщиной. Ничего не берите от нее и не позволяйте ей прикасаться к вам. Матери предупреждают своих детей не разговаривать с незнакомцами по понятным причинам, — заявляет она.

Она просит Тролля не спускать с нас глаз, начиная медленно, с ее артритом, подниматься наверх, снова став старушкой.

Думаю, если бы они назвали нам причину, мы бы придерживались этого.

Глава 9

Джул

Ранее этим днем

— Я работаю в библиотеке сегодня, так что ужин будет немного позже, — говорит Беа.

Была суббота и я уюстилась на диване с книгой по истории, помечая необходимую информацию для урока в понедельник. Мне не нравилась Гражданская Война. Как и другие войны. Я хотела добраться до той части в истории, когда люди изобретали полезные вещи, улучшающие их жизни, а не скашивая их.

Беа одела легкую куртку. Наконец-то похолодало достаточно для этого, чему я рада.

Ноябрь не должен быть таким, каким был последнюю неделю.

— Если тебе что-то понадобится, звони в библиотеку, — сказала она.

— Помню, — ответила я.

Казалось, она с неохотой оставляет меня одну. Я не была уверена, означало ли это, что она волновалась за меня или за то, что я могу что-то сломать в доме.

— Я просто буду делать домашнее задание, — сказала я.

— Хорошо, — она направилась к входной двери, колеблясь. — Какие у тебя оценки?

Это была одна из позитивных вещей, так что я улыбнулась.

— Отлично. Я должна сделать доску почета. Мисс Миллер считает, что я смогу взять продвинутый курс химии в следующем году.

— О, — сказала она. — Это хорошо. Ну... продолжай в том же духе.

Через секунду после того как она вышла из дома, я вытащила дневник моей матери из-под учебника. Я полила все страницы аммиаком и детально их изучала каждую ночь, пытаюсь расшифровать. В нем было нем так уж и много записей — больше рисунков. Я пролистала страницы с эскизами замков, престолов и сложных ювелирных изделий. Были здесь и эскизы людей с интересными подписями. Тщательно выведенные портреты моего

отца в молодости. С жизнерадостной улыбкой, которую я видела на его лица весьма редко.

На одном из рисунков была изображена Шарлотта, обозначенная скучной заметкой в углу.

На нескольких — резкими нервными линиями был нарисован Джон, словно в гневе.

Проблема или решение? — так был подписан этот рисунок.

И был здесь тот рисунок, который особенно выделялся, тот, к которому я продолжала возвращаться, он выглядел словно карта сада. На нем были изображены весьма реалистичные яблони на полях, так что, полагаю, это был не простой кусок леса.

На соседней странице был еще более красивый рисунок яблони, к которой, словно вела карта. И, так как Беа не будет дома в течение нескольких асов, пожалуй, самое время попытаться найти ее. Я думала о том, чтобы сделать это еще ночью, но темнота леса пугала, подавляя это желание.

Тем не менее, был серый пасмурный день с намеком на предстоящие холода. Я подняла повыше воротник толстовки и открыла дневник. Дом Грэм был отмечен в нижнем краю карты. Якобы мне следует просто пойти по прямой, и я обнаружу дерево. Я начала пробираться через рощу. Деревья возле дома были ухоженными, хотя и немного заросшими, в основном скучные орехи-пеканы. По мере того, как я отходила всё дальше от дома, деревья выглядели так, будто лес пытался вернуть в свое полноправное владение земли.

Капля упала мне на нос. Я подняла голову вверх. Небо стало темно серого цвета, а я даже не заметила. Я прижала дневник к груди и застегнула молнию. Шелест листьев надо мной словно складывался в песню, я почти могла слышать слова.

Я начала поспешно пробираться между неровными стволами, надеясь не попасть под внезапный ливень. Можно подумать, что у жителя Нью-Йорка всегда под рукой зонт, но кто-то сказал мне, что на юге погода вовсе не такая, так что мой зонтик был похоронен

на дне сумки в шкафу. Я чувствовала себя незащищенной без него. Мертвые листья хрустели под ногами, и я слышала еще какие-то звуки, похожие на перескакивание белок с ветки на ветку. У меня перехватило дыхание в тот момент, когда перед глазами предстало дерево, отличающееся от бабушкиных орехов-пеканов, судя по скорлупе, разбросанной вокруг. Я видела пеканы и раньше, но никогда в их скорлупе. Я была удивлена, насколько хороши они были — гладкие и бледные в небольшую полоску.

Раздался свист, похожий на звук перед прибытием поезда в метро, за которым последовал ливень. Я оттолкнулась от пекана и направилась вглубь сада. Моей новой целью было найти то-то достаточно большое, что послужило бы укрытием.

В ранних сумерках, которые принесли с собой облака, я уже не могла видеть достаточно далеко. Не то, чтобы я с самого начала видела далеко через все эти деревья, но все же. Дождь дезориентировал меня, но я не хотела доставать дневник, боясь, что он промокнет.

Внезапно я увидела его, маячившим впереди — большое дерево с яблоками все еще свисающими с его ветвей. Я поспешила вперед, прижалась к стволу и вздохнула с облегчением. Под ним было практически сухо. Я попыталась отыскать взглядом дом, но ничего не было видно из-за дымки от дождя. Земля еще была теплая, нагретая за последние дни, потому большая часть воды испарялась, попадая на нее, образуя туман. Я прислонилась спиной к стволу, смотря на ветви. Оно ли это?

Я не думаю, что яблони могут быть такими широкими, по крайней мере, все деревья в округе были намного тоньше. Это же было диаметром с дуб — должно быть не меньше пяти футов.

Я достала дневник из куртки, и сверилась с эскизом в нем. Да, это именно то дерево, которое нарисовала моя мама. Мое сердце застучало быстрее, как и капли дождя

вокруг. Пытается ли она таким образом сказать мне что-то? Ведь на рисунке также было изображено небольшое сердце. Я закрыла дневник и снова спрятала его в куртку.

Я покружила возле дерева, внимательно рассматриваю кору, осторожно переступая через узловатые корни. И тут я заметила его. Я громко рассмеялась. Это реально.

Вырезанное на коре перочинным ножом сердце. И внутри него инициалы: СГ и КХ. На глаза навернулись слезы. Это было доказательство, реальное, осязаемое доказательство того, что мои родители были влюблены. Это словно доказательство того, что и я существую. Сейчас понимание этого было неопишимо утешительно.

Разве смею я надеяться, что моя мама специально оставила свой дневник, чтобы привести меня в это место после всего этого времени. Я не знаю, почему она ушла. Я не знаю, хотела она меня забрать с собой или нет. Возможно, папа не позволил ей этого сделать. Что если мой настоящий дом был рядом с ней, где бы она ни была.

В глубине души я всегда надеялась, что увижу ее в один прекрасный день. Что она мне как-то позвонит, или пришлет письмо, или просто сообщит свой адрес. И что однажды я буду стоять перед незнакомой дверью, со страхом отчаянно нуждаясь в той, что ждала за ней. Я положила руку на сердце, представляя, что дерево на самом деле — дверь, а вырезанные инициалы — звонок. Капли дождя мягко тарабанили. Я представила, как она спрашивает: «Кто там?»

— Это я, — пробормотала я, прислоняясь лбом к коре.

И уже в следующую секунду я упала вперед. Часть коры качнулась внутрь, выбив меня из равновесия. Я шокировано осмотрела свои руки и колени. И тогда внутри полого дерева я заметила зеркало.

Оно было чуть выше меня, а значит где-то около шести футов. Рама была ручной работы — вьющаяся лоза и серебряные розы на ней. И нигде не было ни пятнышка — ни

пыли, ни коррозии. Стекло зеркала было абсолютно нетронутым. Оно, казалось, светилось.

Я поднялась на ноги, с удивлением взирая на зеркало. Я видела свое отражение: волосы торчали в разные стороны, капли дождя стекают с подбородка. Я протянула руку, чтобы коснуться к тонкой серебряной ветви, украшающей раму зеркала. Кто в здравом уме будет прятать здесь что-то настолько красивое? Я задумалась. Было ли это тем, что моя мама хотела, чтобы я нашла.

Мой палец что-то кольнуло, я рефлексивно отдернула руку. Наверное, наткнулась на один из шипов. Капля моей крови попала на зеркало.

Против всех законов природы и логики по поверхности зеркала пошла рябь при контакте с каплей крови. Поверхность стала темнеть и тускнеть. Она, казалось, растворялась, пока не исчезло мое отражение и задней части ствола за моей спиной, и сада на противоположной стороне. Я присмотрелась, угадывая очертания лестницы, ведущей вверх.

Мне и в голову не пришло отойти от зеркала. Я протянула руку, чтобы убедиться, что зеркало действительно исчезло, и это не иллюзия. Моя рука прошла насквозь, и, клянусь, я почувствовала прохладу на другой стороне. Я вытащила руку и оглядела ее, удивляясь. И следовало бы. Мне следовало бы уйти. Поудобнее перекладывая дневник за пазухой, я шагнула за обод зеркала — на лестничный пролет. Я вздрогнула, когда прошла через раму и оказалась на каменном полу.

Здесь было заметно прохладнее, словно я была под землей. Или, может быть, так казалось из-за каменных стен — хотя одна секция стены была из цельного железного листа. Исходя из этого, я могла бы быть в замке. Мое сердце билось быстрее как от ужаса, так и от восторга. Я начала подниматься. Мои шаги эхом отдавались по лестничной

площадке. Железные коптильные лампы, расположенные в углублениях стены, создавали странные тени. Как ни странно, щели между камнями были словно склеены чем-то напоподобие стекла вместо обычного раствора — словно у стены были вены из стекла. Я поднималась.

Должно быть, я поднялась на четыре или пять пролетов, а то и больше, прежде чем достигла площадки с занавесом. Я толкнула его в сторону и зажмурилась от внезапной яркой вспышки. Я прикрыла глаза рукой, в удивлении шагнула вперед.

Солнечный свет струился через открытые арки на роскошный сад, который предстал передо мной. По мои левую и правую руки также были занавешенные арки. Я стояла в фойе из белого кирпича или, может быть, мрамора или алебастра.

— Эй, — окликнула я. — Здесь есть кто-нибудь? Я не хотела... вторгаться. Я просто вошла...

Кончено, я и не надеялась, что кто-то ответит. Я имею в виду, что не существует кого-то шаблона поведения в подобных ситуациях. Что мне следует говорить? О, прошу прощения, просто я шагнула в зеркало, которое нашла, и с помощью портала переместилась в ваш дом. Я покачала головой. Хотя, с другой стороны... Я думала о маме, и пыталась не потерять надежду.

Но в этом месте было тихо, даже не слышно дуновения ветра.

Думаю, мне следует уйти. Мне здесь не место. Но, не смотря на это, я не могла отделаться от впечатления, что каким-то образом я принадлежу к этому месту, что я имею право быть здесь. Что я дома. Я отодвинула занавес по левую сторону. Я увидела пустой зал готического собора, каждый сантиметр которого сделан из темного камня, высокие сводчатые потолки, опорные стойки, и никакой мебели. Ни стульев, ни столов, ни скамеек — просто холодный каменный пол, колонны и ряд ламп из цветного стекла, свисающих на

цепях с потолка. Единственным украшением были витражи на каждой стене. И какие окна! Ослепленная, я сделала шаг вперед. Где бы я ни была, снаружи должно быть светло и солнечно — свет струился сквозь тщательно собранные осколки цветного стекла. Они были сделаны из темного богатого стекла, кроваво алая рядом с бледным цветом аметиста. Рассмотрев каждый осколок, я поняла, что все они связаны, словно две части одной и той же истории, и большое панно в передней части святилища указывало на ту точку, где они пересекаются.

На самом дальнем левом панно был изображен мужчина из Бруксайд. Следующее иллюстрировало его встречу с лисой, она, казалось, говорила с ним, встав на задние лапы. Это напомнило мне картинку, увиденную в детской книжке.

Крайнее панно с правой стороны изображало женщину, или даже девушку? Ее фигура с преклонными коленями среди цветочного луга на рисунке была мала, чтобы быть уверенной наверняка. На следующем панно был волк, наблюдающий за девушкой из-за кустов.

Они были красивы и захватывающие, отчего мне захотелось увидеть, что же скрывается за еще одной занавесью. Когда я отодвинула ткань, то у меня перехватило дух.

Книги. Лестницы из книг. Выстроенные башни книг. Раздвижные лестницы, ведущие к верхним ярусам полок. Также здесь были диваны, обитые темной тканью. И лампы всех форм и размеров свисали с потолка, стояли в углах, на столах и полках.

Великолепное зрелище, и не было ничего, что делало меня счастливее за последние годы. И даже запах — чернил, дерева, пыли — был уместен и правилен, как и сочетание света и теней.

Ох, я бы возвращалась сюда снова и снова.

Я проскользнула в сад. Здесь были фруктовые деревья, хотя я бы и не смогла

назвать их плоды. Они были странными, жемчужного цвета и похожи на сливы, если бы сливы были оранжевыми, алыми или синими. Растущие здесь цветы были более узнаваемые — нарциссы, ирисы, фиалки и многие другие. Различные цвета розовых кустов, которые служили живой изгородью, переплетаясь с плющом, слишком высокой для меня, чтобы увидеть, что по другую ее сторону.

Моя счастливая прогулка была нарушена шумом.

Я услышала шаги, эхом отдающиеся по каменному полу, и нырнула в сторону стены сада, стараясь, чтобы меня не было видно из атриума.

Если это владелец? Будет ли он недоволен тем, что я нашла это место? О

Боже...кто угодно может владеть этим местом — кто знает, что могут сделать со мной?

Пожалуйста, не выходи в сад. Захвати книгу в библиотеке и уходи, — молча молила

я, даже если это и была моя мама. Но шаги раздавались не в стороне библиотеки — человек повернул к святилищу. Эхо стало громче. Но ведь та комната пуста! Мое сердце учащенно билось. Что они хотят там?

Шаги прекратились, и на несколько мгновений воцарилась тишина. Настолько гнетущая и полная, что, могу поклясться, я слышала свой собственный пульс. Кто это?

Было ли это человеком? Что еще может существовать в башне наподобие этой?

Внезапно, слабый звон стекла заполнил тишину. Я моргнула. Стекло. Лампы на потолке? Что могло там происходить? Моё любопытство преодолело страх, и я поползла вдоль стены в сторону одного из витражей, в которое я могла заглянуть, не будучи замеченной.

Я смогла увидеть через затемненное стекло контур фигуры, неподвижно стоящей в центре храма с вытянутой вперед ладонью. Тени, отбрасываемые лампами, висящими на потолке, двигались, словно ветер колыхал их. Я прищурилась, вглядываясь с моего пункта

наблюдения. Стекло слишком темное... трудно разобрать, что за ним происходит — вроде как там мужчина, как я решила с некоторым разочарованием. Его голова была склонена, в то время как остальное тело замерло без движения, когда его рука качнулась в противоположную святилищу сторону. Цвет стекла начал меняться, а его кусочки принимали новую форму, их края скручивались и удлинялись, принимая изображение новой картины.

Я восторженно смотрела на это. Он, казалось, ничего не собирался говорить. Он даже не смотрел на то, что делал. Его пальцы изобразили какой-то жест, и мужчина на стеклянной картине переместился из ручья на коня, в то время как зверь нетерпеливо перебирал землю копытами. Он поднял правую руку перед собой, указывая на гигантское панно в передней части святилища, и стеклянные кусочки преобразовались, показав картину замка на холме, освещенного яркими лучами солнца, находящегося вверху панно. Он взмахнул левой рукой, и всадник пришпорил лошадь. Следуя взмаху его руки, всадник промчался по всем панно по левую сторону, исчезая у края одной и сразу появляясь на следующей. Его руки сошлись, и всадник появился на холме, готовый взбираться вверх. Он поднял руку вверх в останавливающем жесте, и лошадь попятилась. Это был красивый кадр, потрясающий своим цветом, движением и осязаемым чувством решительности всадника. Жесты мужчины показались мне знакомыми. Это было... не так как фотография... более того... это было похоже на управление или сочинение — да, точно — он сочинял! Но с чем-то другим — не со звуком... как он это делал? Ни разу не подняв взгляд.

Его правая рука взметнулась к стеклу передо мной, и я инстинктивно отшатнулась за стену. Сверкание говорило о том, что окно, через которое я смотрела, было морфингом, так же как и панель с всадником. Интерьерная сцена окрасилась оттенками стекла. Я

подумала, если его голова все еще опущена, может, я смогла бы незаметно лучше его рассмотреть. Осторожно я присела в углу возле окна, заглянув через подоконник в комнату. Передо мной предстала следующая сцена: женщина, вяжущая у окна, и, видневшийся через бледное стекло, формирующее ее платье, мужчина. Он был высок, но все же не выглядел настолько старым, как я решила в начале. На нем были потертые джинсы и белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, демонстрирующие слегка мускулистые руки. Его темные волосы были достаточно длинными, чтобы скрыть его лицо, я смутилась, когда мое сердцебиение участилось. Он был своего рода горяч. Женщина на панно воткнула иголку в ткань с задумчивым выражением лица, уделяя больше внимания небу, чем вязанию.

— Нет, — пробормотал он, когда с досадой отвернулся.

Его пальцы согнулись, и в тот же момент цвет волос женщины изменился с каштанового на ярко-красный. Они завились и росли, пока не достигли ее ног. Его пальцы вновь согнулись, останавливая на месте женщину, также как он сделал и со всадником. Он вздохнул, его руки опустились, когда он, наконец, поднял голову. Я тихо упала на землю с поднесенной ко рту рукой, сердце бешено стучало в груди, но я была уверена, что он меня не увидел. Его взгляд был обращен на гигантское панно с всадником и замком. В голову ударила кровь, потому как за короткий момент до падения, я узнала его — это был Рис — молчаливый друг Кея.

Я слышала звук, исходящий из помещения, вероятно, он начал прохаживаться по хранилищу. Я вжалась в стену, как будто это могло каким-то образом помочь. Мой мозг лихорадочно соображал.

Рис? Что за черт? Ему принадлежит это место? Он что... новая мысль пришла мне в голову в свете того, что он только что делал — он построил это место? Я никогда не

ожидала встретить в этой башне кого-то, кого я фактически знала. Но я только что видела, как Рис собирал витраж силой мысли и жестами.

С другой стороны, если он мог делать все это, поему он не почувствовал моего присутствия. Если он владел магией — если башня была создана с помощью его собственной магии, разве здесь не могло быть что-то наподобие охранной системы? Я нахмурила брови. Не знаю, как точно это работает, но на его месте я бы сделала что-то такое.

Я услышала треск стекла, исходящий из святилища. Звук разнесся эхом по пустому и большому помещению. Я рискнула и украдкой заглянула в окно.

— Каждый раз, — сказал он, проводя руками по волосам, ни к кому конкретно не обращаясь. — Каждый раз она разваливается на кусочки.

Панно, изображающее лес и поля, которые миновал всадник, с левой стороны комнаты было разрушено, осыпавшись мелкими кусочками на каменный пол. Рис рассматривал свою руку. Мне показалось, что между его пальцами проскочила искра.

— Какой в этом смысл? — закричал он, и панно с замком осыпалось осколками, словно от ударной волны.

Я съежилась, вжавшись в стену, словно я могла бы раствориться в ней. С кем конкретно я сижу рядом в классе химии?

— Мастер Райан, — я услышала разнесшийся эхом еще один голос. — Вы в приподнятом настроении сегодня, сэр.

Откуда исходит этот голос? Я не видела никого в комнате.

— Исчезни, — ответил Рис. — Все усилия впустую. Это место слишком нестабильно.

— Возможно, требуется больше практики, — ответил голос.

Я вытянула шею, пытаясь найти лучший угол для обозрения двери, при котором я все еще оставалась бы незамеченной, но эта часть комнаты оставалась не в поле моего виденья. Кто-то еще пришел с ним? Пронзительный звук ударил по ушам. Я решила, что, вероятнее всего, это эффект от разбивающегося стекла.

— Я практиковался, Портер, и ты это знаешь. Ты видел меня практически каждый день в течение года, так скажи, я улучшил свои умения?

— Да, сэр, — ответил голос.

— Да, но оно все равно разваливается каждый раз, — отрезал он. — На разбор всех этих записей самостоятельно уходит слишком много времени.

— Боюсь, что...

— Ты ничем не можешь мне помочь. Я знаю, — тихо прозвучал голос Риса.

Слабый высокий звук становился все громче. Я моргнула, он отвлекал меня от разговора внутри. Мне нужно было узнать больше. Мне нужно было понять, что это за место. У Риса был ответ, но не думаю, что он будет рад меня увидеть здесь.

Раздался резкий треск. Я осмотрелась. Трещина тянулась вдоль окна чуть выше меня, угрожая снести стеклянную женщину пополам. Снова треск, и на ее лице, словно молния, прошло ветвление трещин. Я отвернулась как раз вовремя. Окно осыпалось мелкими осколками вокруг меня. Я вскрикнула, когда некоторые осколки впились в мои руки.

— Что это было? — требовательно воскликнул Рис.

— Должно быть, мне следовало упомянуть об этом раньше, — спокойно отозвался голос. — У нас посетитель.

Рефлекторно, я рванулась через сад в фойе. Рис уже блокировал выход на лестницу, а потоки стекла ползли через дверь в библиотеку.

В панике я нырнула в святилище. И сразу же пожалела об этом. Но куда еще я могла пойти?

— Портер, — потребовал Рис. — Останови ее.

— Не могу, — отозвался глухой спокойный голос.

Я повернулась, ища его источник. Маленькое зеркало на стене возле двери отражало призрачное лицо.

— Что значит, не можешь? — спросил Рис, входя в дверь.

— Не могу, — повторило зеркало.

С низким разочарованным рычанием Рис сделал хватающий жест. Я вскрикнула, потеряв равновесие — усики стекла извивались по полу, пытаюсь ухватить меня за ногу, тем самым приковав к полу.

Пританцовывая, я проскочила мимо Риса, остановившегося у двери.

— Держите ее! — закричал он сердито, но я, уже не останавливаясь, мчалась вниз.

Я пролетела вниз по лестнице и выскочила из зеркала. Закрыв корой дерева проход, привалилась к нему, жадно глотая воздух. Я похлопала руками по своей куртке и замерла.

Я уронила журнал своей мамы. Он, должно быть, упал где-то в башне, но если я за ним вернусь, Рис...

Грудь сдавило. Я бросилась к дому. Дождь все еще моросил, так что пока я добралась до двери, окончательно промокла. Не могу поверить, что потеряла его!

Я приняла горячий душ, чтобы согреться. Что мне делать? Как получить дневник обратно? Рис определенно имел контроль над башней, и я никак не могла быть лучше его в этом. О Боже, думала я, чуть не уронив шампунь, я же увижу его в школе. В понедельник.

Он явно какое-то подобие.... мага... Не знаю! Все это так странно. Я должна притвориться, что никогда не видела башню? Притвориться, что не видела, как он

управлялся со стеклом жестами и силой мысли? Я не уверена, что смогла бы. Когда жизнь стала настолько сложной? Все, что я хотела, так это найти связь с моей мамой.

Способ вернуться домой. С каждым усилием, которое я прилагала, это казалось все более неосуществимым.

Когда я спустилась вниз, Беа уже вернулась и заканчивала ужинать. Молча я села за стол, предвидя снова неизвестный ужин. Беа поставила передо мной тарелку с зеленой фасолью, морковью и жареной картошкой. На ней явно отсутствовала свинина, говядина или жареная курица, которые обычно сопровождали каждый прием пищи. Я взглянула на Беа. Должно быть, вопрос отразился у меня на лице.

— Говори правду, — сказала она. — Ты одна из тех «овощных» людей, не так ли?

Я покраснела.

— Да.

Она вздохнула.

— Могла бы сказать. Я не привыкла выбрасывать еду. Я не расстроюсь, если ты честно скажешь, что тебя не устраивает. Я предпочитаю готовить еду, которая будет съедена. Хорошо?

Я моргнула. Она была... Думаю, на самом деле, она пыталась быть милой. На душе потеплело.

— Да, мэм, — искренне сказала я. — Спасибо, выглядит очень аппетитно.

— Это просто овощи, — сказала она спокойно.

— Политые маслом, — ответила я с улыбкой.

— Это называется компромисс, Джульетта, — сказала она, и мне показался в уголках ее губ намек на ухмылку.

Возможно, я неправильно ее воспринимала. Я съела тарелку своих овощей в масле,

и, по крайней мере, сегодня я наконец-то почувствовала себя счастливой.

Глава 10

Камилла

В понедельник утром в школе Камилла обнаружила, что на нее обратили внимание несколько больше, чем обычно.

Она проскользнула за свою парту в передней части аудитории Тейлора, и сразу же к ней подошел тот, кто никогда до этого напрямую не обращался к ней.

— Где Грэм? — требовательно спросил Рис Райан.

Он нависал над ней, сложив на груди руки, и наблюдая за ней прищуренным взглядом. Он мог бы быть красивым, предположила она, если бы постоянно не пытался выражать свое превосходство. И его одежда была чересчур опрятной и отглаженной, словно он сошел с глянцевой обложки журнала. Наверное, он никогда в своей жизни не забирался на дерево или забор.

Камилла пожала плечами. Почему он предполагал, что ей известно о месте нахождения Джул?

— Она заболела, — сказал Сакамото, заходя в класс. Пальцами одной руки он ловко вращал яблоком.

— Откуда ты знаешь? — спросил Райан, раздражено встряхнув головой. — Хотя, не обращай внимания.

— О, ты беспокоишься о ней? — удивился Сакамото, направляясь к своей парте в конце класса. — Это настоящая любовь? Мы могли бы ходить на двойные свидания. Люди бы не переставали говорить.

— Это что, мыльная опера, развивающаяся у тебя в голове? — отрезал Райан.

— Это значит да? Как насчет боулинга?

— Ты идиот.

— Мини-гольф?

Камилла прекратила вслушиваться в их спор. Все, что держало Сакамото подальше от нее — хорошо, настолько она была обеспокоена.

Она была расстроена тем, что девушка не пришла. Габриель просил наблюдать за ней, к тому же, им нужно было договориться, когда они смогут закончить свой эксперимент по химии для школьного фестиваля. У них осталось всего две недели, а

Камилла не была хороша в работе в группе. Она надеялась, что Джул вскоре вернется, и ей не придется справляться с обоими парнями самостоятельно.

К тому времени, как настал урок химии, Сакамото вновь обратил на нее внимание.

Он сел на пустующий стул Джул и заговорил:

— Я скучаю по Джул. Тут скучно. Эй, ты обидчивая?

— Нет, — категорично заявила она. Она убьет его, если он попытается ее доставать.

— Страшно-страшно, — ответил он. — И так, металлическая штука на руке.

Думаю, я понял, в чем дело. На самом деле, ты робот, я прав?

Она пыталась игнорировать его, так же как и Райан. Наверное, ей следует спрятаться за книгой, как делал он. Ей было сложно без помощи Джул — все уравнения в классе химии были достаточно трудны и без Сакамото, ведущим себя еще более отвратительно, чем всегда.

— Роботы необщительные, и ты необщительная, — продолжал он, ни на что не обращая внимания. — Кроме того, это объясняет то, как ты сильна.

Что? Ее глаза метали в него молнии, но он так и продолжал загадочно улыбаться.

Она подумала, что это весьма странно, что при всей своей болтовне он всегда

сохраняет одно выражение лица.

— Киборг, да? — спросил он.

— Да, — осторожно сказала она. — Киборг.

— Нет, мне не нравится этот вариант, — сказал он, опираясь спиной на спинку стула. — Как насчет Халка? Погоди, его может быть больше, чем один? Мне следует спросить у ботанов, они уж наверняка знают...

Он играл с ней, или же на самом деле был просто идиотом?

— Он просто идиот, — сказал Райан, по-видимому, прочитав выражение ее лица. В этот момент она заметила, что он читал. Это выглядело так же, как и дневник Джул, вот только ее — был пустым. Тот, что он держал, было полно всевозможных эскизов. Дневник не мог быть тем же самым, вот только обложка была идентична. Заметив ее внимание, он немедленно закрыл дневник и убрал его в сумку.

На пути в столовую Камилла с удивлением обнаружила Джул в нерешительности мнущуюся возле своего шкафчика. В конце концов, она пришла в школу. Камилла решила, что она просто пройдет мимо. Дела Джул ее не касались, тем более что, в действительности, у нее не было достаточного словарного запаса, чтобы поддержать разговор. И все же...

— Ты заболела? — спросила ее Камилла.

Джул удивленно оглянулась на нее.

— О, — с некоторым облегчением выдохнула она. — Ну да. Обычная простуда. Я немного...гм... прогулялась под дождем, думаю, это и послужило причиной. Я хотела остаться дома, но Беа — в смысле, моя бабушка сказала, что небольшая простуда — не причина для того, чтобы пропускать школу. И вот я здесь.

Что-то очень волновало девушку, но Камилла не могла найти правильного способа,

спросить об этом. Так что она просто произнесла:

— Ланч?

— Дааа, — рассеянно ответила Джул, оглядываясь. — Перед суетой. Хорошая идея.

Они взяли подносы и стали в очередь. В кафетерии обычно было два или три разных блюда, которые менялись каждый день. Несмотря на ее неприязнь к директору, она имела японские корни, что, вероятно, и служило причиной того, что в меню были рамен, говядина кари, свиные отбивные с рисом. Еда не была такой же вкусной, как в Японии, но, следовало признать, ей нравилось, что здесь было что-то из этой кухни. Сегодня же ее поджидала неудача. Спагетти, гамбургеры, какая-то курица и овощной пирог. К тому же, соус, сочившийся из корки пирога, не располагал к доверию.

Джул также выглядела разочарованной.

— Можно мне спагетти без фрикаделек? — спросила она кротко.

Леди, раздававшая обед, просто зачерпнула порцию и протянула ей тарелку.

— В любом случае, спасибо, — вздохнула Джул, опустив плечи.

Камилла получила тарелку того же и перешла к столику с напитками.

— Могу ли я, — начала Джул, взяв бутылку с водой, — сесть с тобой? Не хочу сидеть в одиночестве. Если ты не возражаешь.

Камилла проследила за ее беглым взглядом по очереди, и наткнулась на Сакамото и Райана, которые вновь о чем-то спорили.

Джул ведь до этого момента всегда сидела одна. Она избегает кого-то из них? Она поставила на Сакамото. Должно быть, из-за того, что он сделал с ее дневником.

— Хорошо, — ответила Камилла, получая чашку с каким-то красным фруктовым напитком.

Как только они сели, Джул немного расслабилась, хотя она и продолжала рассматривать столовую, беспокойно попивая воду. Камилла задалась вопросом, не специально ли Джул напросилась в компанию именно к ней. Неужели она выглядит отпугивающе? Или, может, Джул из всех знала ее лучше? Камилла накрутила на вилку спагетти, думая о том, что это не должно ее беспокоить. Это ведь не имеет значения, не так ли? Ей просто следует следить за девушкой для Габриеля. Ей не нужна подруга. Внезапно Джул напряглась. Камилла посмотрела через плечо: Райан направлялся с подносом в их сторону, сосредоточив свое внимание на Джул. Камилла, сбитая с толку, посмотрела на нее.

— Эм... — Джул застопорилась, пока ее взгляд не упал на двух ближайших людей.

— Мак! Дастин! — радостно прокричала она. — Ребята, вам следует сесть с нами.

Занимайте стулья.

Мака Дюпре, казалось, слишком взволновало ее приглашение, чтобы обратить внимание на необычную для Джул формулировку.

— Конечно, — ответил он, опуская поднос на стол.

Его высокий друг был не настолько решительно настроен, но все же сел к нам за стол.

Камилла бросила еще один взгляд на Райана. Он свернул в сторону с кислым выражением на лице. Уловка Джул сработала, какой бы ни была ее причина.

Почему, спрашивается, она избегает Райана? Конечно, он был в плохом настроении, но, насколько она видела, достаточно безобидным. Она повернулась, оглядывая стол. Что бы Джул не избегала, но она не была уверена, что стало лучше. Верхняя половина лица Дастина Херона была скрыта темной свисающей челкой, нижняя же была спрятана за комиксами с изображением инопланетян и космических кораблей. Внимание Джул было

сосредоточено на ее спагетти, с которого она целеустремленно отодвигала мясо. Камиллу устраивало есть свою пасту в тишине, но, похоже, Мак так не считал.

— Ох уж этот горшок с куриным пирогом, — сказал он.

— Та же проблема, — пожала плечами Джул.

Мак указал на ее тарелку

— Холодная паста, противный томатный соус, старое гамбургерное мясо, — он обвел рукой свой поднос и продолжил: — Цыпленок. Овощи. Картофель. Ничего общего.

— На них обоих мясо, — застенчиво улыбнулась Джул.

— Ты вегетарианка? — сказал он так, словно у нее была ужасная болезнь. —

Извини, должно быть, ты живешь с болью каждый день.

Джул покачала головой, улыбаясь. Ее прямые темные волосы скользили по плечам.

— Я просто не люблю мясо, хорошо? Вот и все.

— Не говори мне, что и ты тоже! — обратился Мак к Камилле.

В ответ она наколола на вилку фрикадельку и отправила ее в рот.

— Смотри, даже золотой рейнджер более здравомысляща, чем ты.

Брови Камиллы поползли вверх. Он только что назвал ее рейнджером?

— Быть вегетарианцем на самом деле очень полезно для здоровья, — пояснила

Джул.

— Ну, в этом может быть преимущество, если ты собираешься пройти мимо всей еды, которая хороша на вкус.

— Продолжай, ты хорошо справляешься, — пробормотал Дастин.

— Я имею в виду, что, — Мак сбился, — вся вкусная еда содержит в себе мясо, ведь так.

Он был так очевиден, что на него было жалко смотреть. Камилла вздохнула и

оттолкнула свою пасту.

— Не очень хорошо, да? — сказала Джул.

Камилла кивнула, зная, что Джул имеет в виду еду, не Мака. Темнокожая девушка также была достаточно очевидна. Почему я сижу с этими людьми? — задавалась вопросом Камила, ерзая по стулу [на стуле]. Потому что, если я уйду, Райан, вероятнее всего, вернется. Может, ей удастся перехватить парочку печений на выходе...

— Я же говорил, нам следовало взять пирог в горшке, — надменно заявил Мак.

— Пирог в горшке, — пробормотала Камила, пробуя новое слово. — Странный соус.

— Что? Нет, соус замечательный, — возразил Мак.

Дастин выглянул из-под комикса и подтолкнул свою нетронутую тарелку по направлению к ней.

— Можешь взять мой, я не голоден.

Камилла с подозрением посмотрела на блюдо. Пирог выглядел так, словно находился в стадии кризиса, не в состоянии решиться выглядеть ли как пирог или все же, как тушеное мясо. И все же его запах был весьма аппетитен.

А Камила была весьма голодна.

— Спасибо, — ответила она, потянувшись за вилкой.

— Как ты мог вырасти таким высоким ничего не ев? — захотел узнать Мак.

— Волшебные бобы, — отозвался Дастин, переворачивая страницу.

Несмотря на странный цвет, пирог весьма хорош, решила Камила. Она придвинула поднос Дастина ближе.

— Видишь? — обратился Мак к Джул. — Пирог в горшке обращает еще одного новобранца.

— Это не значит, что я — ох, — внезапно воскликнула Джул, смотря за спину

Камиллы.

Камилла же почувствовала, как что-то холодное опустилось ей на плечо. Яблочное пюре капало на ее рубашку. Она подняла голову и увидела девушку, которую можно было бы назвать красивой, не выгляди она настолько самодовольной.

— Упс, — сказала Хейли Дюпре совершенно неискренне: — Извини, рука соскользнула.

Не медля, Камилла схватила чашку со своим пуншем и выплеснула ее содержимое в лицо Хейли. Выражение ее лица было бесценным. Красная вода полилась вниз, оставляя разводы на блузке.

— Ах ты маленькая сука, — в отчаянии закричала она, осматривая свой наряд.

Мак громко рассмеялся.

— Рука соскользнула, — ухмыляясь, повторила ее же слова Камилла.

— Тьфу, — прорычала Хейли, выплескивая воду на Камиллу.

Лед скользнул по всему столу.

В кафетерии воспарила тишина — все наблюдали за ними. Камилла пожала плечами. Были и другие способы победить в борьбе, не используя кулаки. Она схватила горсть спагетти и швырнула в девушку. Хейли уклонилась, большая часть спагетти попала в ее подругу, которая поскользнулась и, визжа, опрокинула свой поднос на Джул.

Видимо, это послужило сигналом для начала хаоса.

— Драка едой, — закричал кто-то, а затем кафетерий превратился в зону войны с летающей едой.

Джул вжалась в свой стул, в то время как Дастин спрятался под столом. Маку

удалось несколько раз попасть в волосы Хейли желе, прежде чем она выбежала за дверь,

крича что-то про директора. Хорошо. Напоследок, можно насладиться моментом. Она схватила в горсть еще спагетти, взглядом выискивая Сакамото, который куда-то подевался.

А уже через пять минут она сидела в офисе Унимо со все еще тающим льдом в волосах.

— Какое очаровательное представление ты устроила, — сдержанно сказала директор.

— Это начала Хейли, — заявила Камилла.

— Мисс Дюпре всё объяснила. То, что сделала она, было случайностью. То, что сделала ты, было преднамеренно. Как теперь мы загладим вину?

Внезапно дверь распахнулась, на пороге появилась запыхавшаяся Джул:

— Мисс Унимо, это не ее вина, мэм, всё началось с Хейли. Спросите Мака или Дастина, они тоже все видели.

Унимо на несколько мгновений обратила на Джул строгий взгляд.

— Даже, если это и правда, — сказала она, наконец, — факт остается фактом, мисс Тиг усугубила ситуацию.

Усугубила? Камилла нахмурилась. Что, черт возьми, это значит?

— Я просто, ну, просто хотела, чтобы вы знали, что не Камилла все это начала, — кротко сказала Джул.

— Очень хорошо, мисс Грэм, — директор поднялась из-за стола, поправляя пиджак. — Тем не менее, требуется возместить убыток. Поскольку вы, кажется, с таким энтузиазмом поддерживаете мисс Тиг, то я назначаю вас дежурными по столовой, которую вы будете помогать убирать до конца семестра. Если вы хотите разрушить помещение — то вам также следует внести вклад в его содержание.

Шоколадная кожа Джул вспыхнула:

— Да, мэм.

— А Ganguro? — требовательно спросила Камилла.

Рин Унимо родом из Японии, так что она точно знает, что Ganguro означает волосы, покрашенные в светлый, фальшивый загар и тонны макияжа. Существует ли сопоставимое с этим слово на английском?

Подергивание ее лицевых мышц было единственным знаком понимания.

— Мисс Дюпре сегодня уже достаточно пострадала от унижения, — ответила директор, ее глаза опасно сверкали. — Вам необходимо изменить свое отношение.

Это Хейли необходимо исправить свой наряд. Камилла спрятала усмешку.

— Хай, сенсей, — сказала она, делая глубокий формальный поклон.

Унимо определенно видела второе дно в этом жесте.

— Как я уже сказала, — произнесла она, поджимая губы, — ваше отношение. Я буду говорить с вашим опекуном об этом инциденте.

Камилла кивнула на этот раз. Говори с Габриэлем о чем хочешь, подумала она. Мы только выигрываем от этого.

Во взгляде Джул, однако, сквозил страх.

Унимо скользнула по ней оценивающим взглядом.

— Просто убедитесь, что ваша работа будет сделана, — сказала она высокой девушке.

— Да, мэм, — Джул повторила сделанный ею ранее кивок, но более неистовым движением. — Мне очень жаль, мэм, этого больше не повторится.

Так вот, как оно было. Джул предположила, что она попала в беду сейчас.

— Очень хорошо, вы можете идти, — сказала Унимо.

В холе, за закрытой дверью, Джул испустила долгий вздох облегчения.

— Это могло быть намного хуже, — сказала она. — Что на счет твоего опекуна?

Будут проблемы?

Камилла фыркнула:

— С Габриэлем. Вряд ли.

Джул улыбнулась.

— Тебе повезло.

Камилла пожала плечами. Повезло, если бы он посвятил ее в свои планы. Но, если бы Джул не вмешалась, наказание Унимо, возможно, было бы намного хуже...

Камилла посмотрела на девушку и кивнула в сторону коридора.

— Идешь?

— О! Да, — сказала Джул. — Думаю, алгебру не отменят, несмотря не на что.

— Жаль, — согласилась Камилла.

— Я имею в виду, если мы собираемся убрать всю столовую то, можно подумать, что они должны были бы отменить занятия. Ты же вызвала бунт.

Камилла снова фыркнула от смеха.

— О, извини, я имею в виду, что ты сделала ответный удар на акт терроризма. Что непреднамеренно вызвало бунт.

— Бунт, — сказала Камилла, пробуя слово. — Я. Бунт. Ужас.

— Драка едой — это бунт со съедобными снарядами, — поддержала ее Джул. —

Мы могли бы продвинуться в войне на десятилетия, если бы убедили все стороны просто использовать остатки еды в качестве боеприпасов.

Камилла покачала головой, улыбаясь.

— Хороший план.

Джул довольно умна, когда постоянно не извиняется.

Они завернули за угол, и Джул подняла руку ко рту, подавив вздох. Рис Райан стоял в коридоре в ожидании.

— Я просто хотел напомнить вам о демонстрации для фестиваля, — сказал он, убирая темные волосы с ледяных глаз. — Вы обе ответственны за это, помните?

Джул смотрела куда угодно, но не на Райана.

— Ваша статья? — спросила Камилла.

Внимание Райана переключилось на нее:

— Готова, — заявил он, протягивая сложенный клочок бумаги Джул. — Некоторые предложения.

Камилла протянулась, чтобы взять его, но Райан поднял руку так, чтобы она оказалась вне ее досягаемости.

— Предложения для того, кто сможет на самом деле прочитать их, — сказал он, и Джул неохотно взяла бумагу слегка трясущимися пальцами.

— Пока, — сухо сказал он и вышел.

— Теме, — пробормотала Камилла под нос. Взглянув на Джул, она поняла, что парень напугал ее. Это не ее дело. Она должна оставить их в покое.

— Что он сделал? — спросила она.

— Я просто не... гм... он меня пугает, — тихо ответила Джул. — Мы, э-э... — кашлянула она. — Он прав, мы действительно должны начать работу над демонстрацией вместе.

Камилла кивнула. Нужно покончить с этим.

— Ты знаешь хорошее место, где мы могли бы встретиться?

— В кафе. Это рядом.

— О, то, что вниз по улице? Они не возражают против людей, работающих там?

— Я живу там, — сказала Камилла.

Джул медленно моргнула, обрабатывая информацию.

— Ох. О! Это... своего рода удивительно.

Камилла пожала плечами. Может быть. Ей не с чем было сравнивать. Это место было больше, чем ее старая квартира и оно всегда пахло глазурью и кофе.

— Как насчет этих выходных? — предложила Джул.

— Пятница, — сказала Камилла. — Закрытие в 6.

— Круто, — сказала Джул. — Я уверена, мы что-нибудь придумаем.

Или мы могли бы объяснить, что происходит на самом деле... подумала Камилла, но так и не произнесла.

Вечером того же дня Камилла услышала стук дверь.

— Чего ты хочешь? — спросила она, сидя на своей кровати склонившись над домашним заданием.

— Ищу лед, — неуверенно сказал Габриэль. — У нас есть лед?

— Ты проверял в морозильнике? — Спросила Камилла с сарказмом.

— Думаю, я использовал все, что...

Камилла подняла взгляд — Габриэль застыл в дверном проеме, с тоской смотря на темную жидкость в стакане.

— Я прекрасно провел время с моим старым другом, — сказал Габриэль. — Мой самый старый друг в мире. Ты не знаешь ее, не спрашивай.

Брови Камиллы пополи вверх.

— Ты пьян?

— Пожалуйста, я выпивал целую бутылку виски в один присест, — сказал он,

опускаясь в кресло с менее привычной для него грациозностью. — Конечно, это было... —

он моргнул, взгляд сфокусировался на мгновение, — черт, почти десять лет назад.

Хорошо, может быть, я уже не так хорош как раньше.

Камилла покачала головой. Иногда он не вписывался в роль ответственного взрослого.

— Тебе следует поспать, старик.

— Нет, нет, нет. Мы пережили еще одну ночь, мы должны праздновать, —

Габриэль сделал глоток из своего стакана. — Как насчет истории? Я не рассказывал истории уже вечность. Тебе они нравились.

— Мне также нравилось детское меню, — сухо ответила Камилла.

— Не обязательно быть ребенком, чтобы заказывать меню для детей, —

возвышенно заявил Габриэль. — Вот почему все рестораны прячут свое шоколадное молоко. Потому что мы должны принять тот факт, что мы слишком стары для определенных вещей. Итак. Однажды жило-было семь героев...

Камилла застонала.

— Они слишком загордились своими дарами, и старая ведьма прокляла их, они превратились в монстров, и на них началась охота. Гордость предшествует падению.

Конец.

— Ты не забавная, — нахмурился он. — Хорошо, когда-то давно, жил человек, у которого было трое сыновей...

Она закатила глаза.

— Он не мог позволить себе содержать их, и они пошли учениками к трем разным мастерам, потом каждый из них проиграл свой дар хитрому трактирщику, но младший сын выиграл все это обратно. Используй сильные стороны противников против них самих. Конец.

— У тебя слишком хорошая память, — пожаловался Габриэль.

— Ты рассказываешь одни и те же истории снова и снова, — сказала Камилла. —

Спустя несколько лет они уже не интересны.

— Так ты хочешь новую историю?

— Если я должна сидеть здесь и слушать смутные сказки, — ответила она, — то, я

бы предпочла те из них, которые я еще не слышала.

Почему он такой странный?

Он смотрел на нее мутным взглядом.

— Будь по-твоему. Однажды, — пробормотал он, — жил-был ужасный,

эгоистичный человек, который приносил лишь проблемы тем, с кем встречался. Его

способности приносили боль и страдания людям, и он был убежден, что это способ его

существования. То, что это была просто часть его ДНК, и что единственный способ быть

счастливым заключался в том, чтобы постоянно кормить его алчность. И вот однажды,

сердитая девочка ударила его ногой в голень, и он был вынужден взять ее домой и

кормить.

Камилла вздохнула.

— Думаю, я знаю эту историю.

— Но ты не слышала ее. Так что помолчи. Девушка была монстром. Она ломала

его ценные вещи, которые он копил годами, разрисовывала стены, отказывалась

принимать ванну, подкладывала булавки в обувь, не разговаривала по-английски,

настаивала на том, чтобы есть еду с ужасным запахом, и единственным способом,

которым можно было ее успокоить — это рассказать свои длинные, сложные истории. Он

полагал, что это была карма, которая все возвращает обратно.

— Он никогда не проводил много времени с кем-то, как видишь, а тем более с

ребенком. У него была одержимость по отношению к некоторым людям, но это очень отличается от тех знаний, что приобретаются, когда живешь с кем-то под одной крышей. Он и не подозревал о том, что на самом деле означает «дух товарищества» или «семья». Но с каждой сказкой на ночь, с каждым ворчливым походом в магазин, все менялось. Они изменялись настолько медленно и незаметно, что он и не понял этого. Они привыкли друг к другу, сердитая девушка и эгоистичный человек. Он начал думать о ней все меньше и меньше, как о временной неприятности, и все больше, как о ком-то постоянном и важном. Но он не в полной мере понимал степень этих изменений до того дня, как ему прислали письмо.

Он откинулся в кресле, уставившись в потолок.

— Оно было написано могущественной женщиной из еще более могущественной семьи. Она потребовала присутствия девушки в далекой школе. Она предложила ему много денег и бесценные артефакты, чтобы он отказался от опеки над девочкой. Мужчина был оскорблен и обижен тем, что он может отдать ее словно вещь. И тут он вспомнил, что девочка была всем, о чем он заботился в своей долгой жизни; как мог кто-то ожидать подобных действий от него? Он отказал женщине, но, к сожалению, это только заставило ее предположить, будто девушка весьма ценна. Она прибегла к угрозам, что оспорить законность его опеки, намекая на то, что мужчина скрывается от чего-то, что приводит к выводу о том, что девушке слишком опасно быть 'свободной' в мире. Тем не менее, он отказался. Он решил вместо этого, что пришло время создать новый план.

Он тяжело вздохнул.

— Этот человек был эгоистичным, и это не изменилось. Что удивило его во всем этом, так это то, что мировоззрение было перевернуто вверх ногами тощей сиротой, которая мучила его жареной скумбрией в течение шести лет.

— Я никогда не заставляла тебя есть скумбрию, — пробормотала Камилла.

— Ты делала все, чтобы пахнуть как она, — ответил он, морщась, делая последний глоток его напитка. — В любом случае, новый план состоял в том, чтобы сделать девушку невероятно злобной, чтобы независимо от того, что или кого она встретит в мире, она выжила. К этому времени мужчина понял, что девушка обладала большой силой, и он решил, что она должна научиться обращаться с ней лучше, чем он мог с собственной. Он хотел спасти ее от того, что он думал, было худшей судьбой для нее — глядя в лицо человека, о котором ты заботишься, говорить, что весь чрезмерно длительный срок жизни оказался полным провалом.

— Не полным провалом, ты печешь вкусные лепешки.

У него вырвался смешок. Она не привыкла к серьезному Габриэлю, и то, что он потерял свой юмор мучило ее.

— Ах, да, спасибо, я и забыл. Так мужчина вытащил ее, упирающуюся руками и ногами, и поместил в далекую школу, и чтобы шантажировать ее для посещения этой школы, он должен печь лепешки.

Он взглянул на часы.

— И тогда разгневанная девушка пошла спать, потому что завтра у нее урок со сварливым учителем английского языка в первой половине дня.

Он встал, направляясь к двери, держа пустой стакан в руке.

— Есть ли у этой истории счастливый конец? — спросила Камилла.

Он посмотрел на нее на мгновение.

— Спроси меня позже, — сказал он, закрывая за собой дверь.

Глава 11

Джул

Зеркало, 4 часа утра.

Скажешь кому-нибудь, и ты труп.

Это всё, что было сказано в записке, сугубо по-деловому. Даже прочитав записку, которую дал мне Рис, еще с дюжину раз, я все равно не смогла понять его мотивы.

Является ли он моим врагом? Определенно, он не выглядит как мой друг. Он хочет просто поговорить? Даже если то, что он скажет мне, будет действительно тем, что я хочу услышать?

Какой большой угрозой он бы не казался... если это приведет к моей маме, я согласна. На всё.

Я осторожно перешагнула через зеркало, ощущая изменение температуры от влажности сада и холода каменной лестницы. Я поднималась по ступенькам с некоторым трепетом, сегодня в большей степени чувствуя себя нарушителем. Беа работает в библиотеке после обеда, так что я должна была идти домой — значит, у меня, по крайней мере, будет некоторое время на то, чтобы разобраться с Рисом в Башне. Может быть, он объяснит как всё то, что он делал, возможно.

В небольшом зеркале появилось затуманенное лицо, когда я вошла в белый атриум.

— Мастер Рис ждет вас в библиотеке, — сказала лицо, прежде чем исчезнуть.

Я отодвинула занавес. От вида всех этих книг у меня все еще перехватывало дыхание. Рис обернулся ко мне. Он сидел за широким столом, заваленным книгами.

— Привет, — робко отозвалась я. — Пожалуйста, гм, не нужно меня уничтожать.

— Не буду, — сказал Рис.

Стекло свернулось калачиком на полу, извиваясь у моих ног.

— Пока что, — добавил он, поднимаясь из-за стола.

Я повернулась, пытаюсь сделать шаг, но стекло было слишком толстым. Я оказалась

в ловушке. Сердце учащено забилося в груди.

Рис приблизился на несколько шагов, оставаясь вне моей досягаемости.

— Как ты пробралась внутрь, Охотник? — спросил он. — Или ты гибрид?

— Гибрид? Я девушка, просто девчонка. Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Не убедительно, — холодно заявил он. — Ты Грэм, ты вошла в мое зеркало, и

хочешь сделать вид, что это был несчастный случай? Я выгляжу как идиот?

— Да! То есть, нет, — глаза Риса опасно сузились. — Я имею в виду, да, это был несчастный случай. Я просто следовала указаниям.

— Каким указаниям?

— В...в, — случилось что-то странное. Мой разум вмиг стал пустым. Меня переполняли эмоции. Негодование клокотало внутри меня. В моей голове вспыхнуло понимание того, что я не обязана отвечать ему. Чувство собственности, которое я никогда в жизни не испытывала, одержало верх. Полная определенность в собственности.

— Отпусти меня, — огрызнулась я, пытаюсь сдвинуться с места.

Я покрутилась на стекле.

— Это зеркало находится на земле, принадлежащей моей бабушки. Что делает его моим...не твоим, ты...ты... воровщик зеркал.

Он скорчил гримасу.

— Формулировка. Пожалуйста, не говори мне этого снова.

— Я буду говорить всё, что захочу, — огрызнулась я. Тепло, разлившееся вниз по рукам и ногам, было приятно ощущать, даже если это чувство и было странным для меня.

— Ты хочешь знать какая я? Я невероятно зла! — выкрикнула я.

Послышался треск стекла у меня под ногами, но я не обратила на это внимания.

Всё так внезапно взвалилось на меня: разочарование, несправедливость.

— Мой отец бросил меня, бабушка ненавидит, я в миллион миль от дома, у меня нет друзей, твои же друзья пытаются разрушить мою жизнь — и это единственное хорошее, что со мной случилось за несколько лет. Годы! Я наконец-то нашла что-то, что связывает меня с мамой, и ты хочешь это забрать? Я не позволю!

Стекло вокруг моих ног взорвалось мелкими осколками. Они превратились в песок и замерли. Рис с широко открытыми глазами отступил на несколько шагов.

— Я не забираю его навсегда, — грубо сказал он.

— Ты пытался заманить меня в ловушку, — все еще возмущенная, я скрестила на груди руки.

Я не могла поверить, что так взорвалась. И... взорвала стекло. Наверное.

— Я не знаю тебя. Я всего лишь был осторожным, — сказал он, но я уверена, таким образом он пытался замести следы. — Я просто хочу, чтобы ты ответила на мои вопросы. Что ты?

Из моей груди вырвался вздох.

— Всего лишь нормальная девчонка.

— Невозможно, — категорически заявил он. — Есть только небольшая горстка нормальных людей в этой школе, а после того, что ты только что сделала, ты определенно не одна из них.

Из-за пазухи он достал дневник моей матери. Инстинктивно я потянулась за ним, но Рис поднял дневник выше, одаривая меня холодным взглядом.

— Ты носишь это с собой, — сказал он, — и ожидаешь, что я поверю, что ты просто обычный человек?

— Я не знаю, ладно, — выпалила я. — Пожалуйста, верни дневник — он всё, что от нее осталось. Я только недавно нашла его, и следовала по карте к зеркалу, которое

привело меня в Башню. Я не знала, что она твоя. Пожалуйста, верни мне дневник.

Его глаза сузились.

— Нет.

Мое самообладание рухнуло.

— Он принадлежал моей матери, — пробормотала я. — Это всё, что у меня есть от нее.

Выражение его лица стало менее суровым.

— А твоя мама, — сказал он, — кем она была?

— Не знаю, — ответила я. — Я правда не знаю.

— Хм... Либо ты очень хорошая лгунья, либо весьма невежественна. И то, и другое весьма опасно. Нечто подобное не будет в безопасности с тобой, — сказал он, размахивая дневником. — Любой может взять его. Нет, я оставлю его у себя.

На глаза навернулись слезы. Что я могу сделать? Мам, прости. Я все испортила.

— Я сделаю тебе одолжение, — быстро проговорил Рис. — Я буду держать его здесь, в Междумирье.

— Что? — переспросила я, потирая глаза тыльной стороной ладони.

— Или Башня, как ты ее называешь, — ответил он. — Ты можешь приходить, чтобы взглянуть на дневник, если будешь следовать правилам.

Он не оставил мне выбора. Я кивнула.

— Каковы правила?

— Ты ничего не говоришь об этом месте, ни о чем, что находится здесь, и особенно тебе не следует говорить обо мне и исследованиях, которые я провожу здесь. Ты не можешь ничего проносить через зеркало: ни книги, ни подушки, абсолютно ничего, что ты не принесла с собой. Мне не нужно ничего разлагающегося при попытке взять это в

реальный мир.

— Реальный мир? — повторила я.

Он со вздохом сел в кресло напротив меня.

— Ты и вправду не имеешь ни малейшего понятия о том, где находишься?

— Я прошла через зеркало, — заявила я.

— И?

— И это все, — я всхлипнула. По крайней мере, слезы не угрожали покатиться из глаз. Может быть, перепады настроения закончились.

Он положил руки на подлокотники кресла, продолжая рассматривать меня своими неестественно светлыми глазами. Словно смотришь на ледник. Я съежилась под его пристальным взглядом.

Должно быть, я выглядела, словно потерпела крушение после всего этого. Рис выглядел взъерошенным как никогда.

— Ты не проходила через зеркало, — сказал он, наконец.

— Уверена, я проходила.

В его глазах отразился упрек.

— Ты вошла в зеркало, а не проходила через него. Мы внутри зеркала.

— Что? На самом деле? — изумилась я.

— Технически, ничего здесь на самом деле не существует, — заявил он. — Ничего, кроме того, что приносишь... всё остальное это своего рода иллюзия.

Я моргнула.

— Так... эта кушетка, — я провела рукой по мягкой обивке.

— Не реальна, — решительно сказал он.

— Это безумие! — воскликнула я, подпрыгивая на кушетке, тестируя ее.

Рис закатил глаза.

— Невозможно подделать такого рода глупость.

— Прости? — возмутилась я. Этот парень нажимал на мои больные точки с удвоенной силой.

— Послушай, Джун...

— Джул.

— Джул. Неважно. Смотри, это далеко за пределами твоего кругозора...

— Моего кругозора? — я рассмеялась. — Кто говорит так? За пределами кругозора.

Его лицо скривилось, словно от чего-то кислого.

— У некоторых людей есть словари.

— Некоторые люди родились в семнадцатом веке, — смеялась я.

Он слегка покраснел.

— Только потому, что ты не знаешь слово...

Моя недавно обретенная уверенность продолжала нарастать.

— О, я знаю это слово. Я понимаю, что ты пытаешься говорить со мной теми словами, которые, ты думаешь, я не знаю. Ну, у меня есть новости для тебя. Слова были моими единственным друзьями на протяжении практически шестнадцати лет, так что тебе нужно постараться удивить меня с помощью словаря, что я нахожу несколько пугающим.

Хорошо?

Его глаза сузились.

— Ты не ведешь себя так в школе. В какие игры ты играешь?

Я провела рукой по волосам.

— Не знаю, — призналась я. — Это как... все голоса в моей голове исчезают. Кое-

что об этом месте... — Ясность. Зеркало очистило мои мысли. — Ты чувствуешь себя иначе в этом месте?

Противоречивые эмоции отразились на его лице.

— Конечно, в чем вопрос?

— Вопрос? Ты знаешь, что происходит, так что помоги мне, наконец. Почему мой мозг сходит с ума?

Его губы сжались.

— Это место своего рода пространственная впадина между двумя мирами по обе стороны зеркала. Мы посередине — в Междумирье. Не так уж много известно об этом, ведь сделать зеркало практически невозможно, даже для его создателей. Это зеркало создал мой дядя Сорен, — произнес он, хмурия лоб. — Кстати говоря, это делает его больше моим, чем твоим. Мой дядя погиб более тридцати лет назад, но я нашел его в этом саду. Я бы взял его с собой, но зеркало не сдвигается с места, — угрюмо сказал он. —

Думаю, оно связано с местом, где находится, — внезапно он посмотрел на меня со строгостью во взгляде. — Если ты скажешь кому-нибудь что здесь, ты покойница.

Я нервно рассмеялась.

— Да кто мне поверит?

— Даже больше людей в этом городе, чем ты думаешь, — проворчал он. — Люди, руководящие школой, многое бы отдали, чтобы получить артефакт подобного масштаба. У Хэйвенвуда долгая история, связанная с магией и Зазеркальем — скорее всего именно из-за этого был выбран этот город для школы. Корпорация Унимо заинтересована в магии и в учениках школы. Я пока еще не уверен, что именно привлекает ее. Все, что я могу сказать наверняка так это то, что они хорошо потрудились, чтобы собрать фэйри и одичавших, а также представителей редких человеческих родословных, которые имеют мощную магию,

— он смерил меня недоверчивым взглядом, — как ты.

— Фэйри и одичавшие? — переспросила я. — Что это?

— Фэйри как люди, только лучше, — высокомерно пояснил он. — Они могут манипулировать окружающим миром или его восприятием — способности варьируются в зависимости от человека. Одичавшие — низший, анималистический вид с силой, которая имеет отношение к их собственным формам, например, скорость или трансформация.

Фокус в том, что магия не должна работать по эту сторону зеркала, только в Зазеркалье — но около ста лет назад она нашла просачиваться. Особенно в последние два десятилетия, но никто не знает почему. Только то, что родились дети с такими силами, которые ранее не замечались поколениями, и корпорация Унимо хочет согнать их всех в Хэйвенвуд.

— Так что, все в школе имеют... силу? — неуверенно спросила я.

— Нет. Трудно сказать, кто есть кто до шестнадцати лет. Именно в этом возрасте проявляются способности фэйри и одичавших. И если у тебя нет никакой силы... они найдут причину, по которой тебя исключат из школы. Они принимают большинство местных детей в первую очередь, лишь потому, что эта территория имеет свою историю по проживанию на ней таких вот подозрительных персонажей. Они не хотят пропустить кого-то, у кого есть потенциал. Но давай смотреть правде в глаза, если Хейли и Мак Дюпре не обычные люди, то я путешественник во времени трубочист, — он пролистал страницы лежащей около него книги. — Но ты, Грэм, как минимум... да, ты попала. Вот, — он придвинул ко мне книгу и скрылся за стеллажами.

Я взглянула на него, после чего обратила всё свое внимание на книгу.

Человеческий мастер

Люди, не имеющие никаких сил, помимо тех инструментов, которые они создают.

Как и во всех правилах есть исключения. Согласно легенде «О четырех братьях»

существует четыре человеческие родословные, наследующие способности. Магического происхождения эти способности не известно. Эта сила может быть генетической аномалией или колдовством четырех домов. В отличие от фэйри и одичавших, чьи способности, как правило, проявляются в случайном порядке, а не по семейной линии, эти четыре кровные линии демонстрируют одну способность и следуют другим правилам. В отличие от фэйри и одичавших, чьи способности не в полной мере проявляются в возрасте до шестнадцати лет, эти редкие люди имеют доступ к своей силе сразу после рождения.

Пророк — высоко ценящаяся способность смотреть в будущее, иногда проявляется в королевском доме Вейсагер, предыдущем правителе королевства Агвар. Все Пророки Вейсагер рождались слепыми. Несмотря на это, королевская семья погибла в Золотой Войне, и на ее место претендовал Анастос Райан.

Создатель — им характерно творчество, человеческая черта, которой часто не хватает одичавшим и особенно фэйри; эта черта свойственна линии Миллеров, члены которой являются гениями. Так как эту способность легко спрятать, Создателей Миллеров часто трудно определить, пока они не решат поделиться с миром своим изобретением, они связаны с созданием большинства магических артефактов, а также с прорывами человечества в технологической сфере. Миллеры бежали в Реальный мир во время Нового Исхода.

Нуль — сильно презираемая как фэйри, так и одичавшими семья Тейлоров, в которой редко рождаются потомки, способные выступать в качестве своего рода магического вакуума — они могут свести на нет способности других и сломать чары большинства магических предметов. Следует отметить, что они не могут полностью лишить способностей, только заглушить их. Чем мощнее Нуль, тем больше радиус его воздействия. Самый сильный Нуль мог создать магический вакуум, распространяющийся

на расстояние пяти миль. Тейлоры бежали в Реальный мир во время Нового Исхода.

Охотник — по слухам, предшественник остальных трех. Охотники принадлежат к древнему роду Грэм. В отличие от других трех, чьи способности редко проявляются во всех потомках кровной линии, все Грэм рождаются Охотниками. Охотник обладает повышенной осведомленностью о среде, непогрешимой памятью и естественным мастерством в обращении со всеми видами оружия. Последние Охотники Ричард и Алан Грэм, по слухам, были убиты во время Золотой Войны отрядом Райана, хотя существует возможность, что одному из братьев удалось сбежать через зеркало.

Примечание: взаимосвязи до сих пор не ясны, но Тэйлор Нуль рождается в то же время, что и Райан, создатель зеркала. Никогда не появляются в отдельности — они существуют только в паре.

— Создатель зеркал?

— Значит то же, как и звучит, — ответил Рис, возвращаясь к столу с несколькими новыми книгами. — Сила создания магических зеркал. Редкая способность фэйри, которая относится исключительно к моей семье. Это то, кто я есть. Я думаю, — он разложил книги, задумчиво всматриваясь в них. — Наверняка я это узнаю через несколько месяцев. До тех пор, моя сила работает только внутри этого зеркала. Снаружи, в Реальном мире, я просто человек. Вина моей матери.

— Что она сделала?

— Она человек, — с отвращением сказал он. — Так что, я гибрид. Кто знает, чем обернется моя сила? Вот почему мне нужно учиться, — натянуто говорил он, листая еще одну книгу. — Где-то здесь должна быть книга, в которой говорится о контроле над силой Создателя зеркал. Эта башня была построена Создателем зеркал, каждый, кто достаточно силен, способен оказаться в Междумирье. Там наверху даже есть мастерская с кучей недоделанных зеркал. Кто-то из них должен был оставить что-то наподобие инструкции по эксплуатации.

Я провела рукой по странице книги, кончиками пальцев ощущая текстуру старинной бумаги.

— Так что, я Грэм, да?

— Как твой отец и бабушка. Охотники, — пробормотал он, не отрываясь от книги.

— Я не должен был даже позволять тебе оставаться здесь...

— Что-что? — я почувствовала, как возрастает отголосок несвойственной мне бравады.

— Мы с рождения являемся практически заклятыми врагами, — продолжал он, игнорируя меня. — Или ты пропустила часть, в которой говорится, что мой прапрадед

практически преуспел, уничтожая человеческие кровные линии.

— Но ты ведь не он, так? — сказала я.

Его взгляд скользнул по мне на одно краткое мгновение.

— Это единственная сторона зеркала, известная мне. Если я смогу создать зеркало, через которое будет возможно путешествовать, я смогу перейти в королевство моего отца в Зазеркальном мире. Я смогу доказать, что достоин быть наследником. И однажды я стану королем. Всё, что я должен делать, так это работать над своей силой. Но здесь нет никого, кто смог бы научить меня, помог понять, что со мной не так...

— Ну, в книге говорится, что каждый создатель зеркал имеет сопровождение в лице Нуля.

— Не напоминай мне, — он подошел ко мне и наклонился через мое плечо, чтобы заглянуть в книгу. Мое сердце суматошно забилося. От него исходил запах сосны и старых книг.

— Ты не рад, что у тебя где-то есть коллега? — спросила я. — Это звучит довольно романтично.

Он посмотрел на меня сверху вниз, бросая вызов.

— Это не так, — сказал он. — Тейлоры были проклятием моего рода с тех пор как... да никто и не знает, как давно. Но это не относится ко мне. То, что я гибрид, должно быть, как-то это изменило.

— Ты не можешь знать этого наверняка.

— Джон Тейлор последний из его линии, — сказал он. — Моя семья пристально следила за Тейлорами по понятным причинам. И, наверное, охотилась бы за ними, пока они все не вымерли, если бы они не сбежали из Зазеркалья. Они никогда не были особо плодовиты — он единственный ребенок, и он никогда не был женат. Тайлеров моего

возраста нет.

Холодок прошелся по моей коже. Всё, что я узнала о его семье, породило еще больше сомнений в отношении его мотивов. Его наследство было привилегией и наказанием. Но было в этом что-то отчаянное, чтобы доказать ему, что я его понимаю.

— Получается, ты не создатель зеркал, — беспечно сказала я.

Его глаза расширились.

— Не смей...

— Я пошутила, — улыбнулась я. — Боже, остынь!

Румянец, появившийся на его щеках, был также мил, как и то, что он пытался скрыть его, смотря надменным взглядом вверх и в сторону.

— Ты такая же ужасная, как и Кей.

— По крайней мере, я лучше выгляжу.

Я отвернулась от него. Что я несу? Это всё Башня виновата.

— И то, правда, — признал он.

Настала моя очередь краснеть. Надеюсь, не так же очевидно, как и его румянец.

— Почему ты общаешься с Кеем? — спросила я.

— Я не общаюсь, — заявил он категорично. — Я вынужден терпеть его присутствие. Он... мой телохранитель, — сказал он с очевидным отвращением в голосе.

— Серьезно? — я посмотрела на него.

— Да, серьезно, — он прислонился к книжной полке, сложив руки на груди, его губы сжались в тонкую линию. — Моя мать гиперпекающая.

— Потому что ты принц из загадочного королевства, — подсказала я.

— Как я могу заставить тебя не произносить больше так это слово? — сухо спросил он, подняв одну бровь.

Я улыбнулась, и он отвернулся, уставившись на дальнюю стену.

— У меня есть идея, — вдруг сказала я. — Что если я помогу тебе с исследованием?

Он оглянулся, в широко раскрытых глазах светилась осторожность.

— В обмен на дневник, я полагаю?

— Я буду твоим научным ассистентом, — сказала я, складывая руки на груди и наслаждаясь нахлынувшей на меня уверенностью. — Если я помогу тебе понять, как создать зеркало-переход, это ведь будет стоить одного дневника?

— Может быть, — произнес он, изо всех сил стараясь не соблазниться этой идеей.

— Полагаю... я мог бы использовать еще одну пару глаз...

Я посмотрела на часы и ахнула.

— Мне нужно вернуться домой раньше Беа, — сказала я, поворачиваясь, чтобы уйти.

Рис схватил меня за руку, мое сердце учащенно забилося.

— Помни, — сказал он, — если ты расскажешь кому-нибудь, кому угодно, то сделке конец. Понимаешь? Мое гостеприимство крайне ограничено.

— Без шуток. Я обещаю. Никому не говорить. Поняла.

— Особенно Кею, — прорычал он. — Мне и так приходится делиться слишком многим с этим идиотом. Мое единственное спасение в том, что он не может войти в зеркало. Телохранитель или нет, но я не настолько ему доверяю. И не разговаривай со мной в школе, — сказал он, отпуская мой локоть. — Мы не друзья. Это только бизнес.

У меня сложилось стойкое впечатление, что он слишком пытается быть обособленным.

— Ясное дело, ваше высочество, — сказала я, поспешно выходя из библиотеки.

— И не называй меня так! — крикнул он мне вдогонку.

Но я улыбнулась, потому как он больше не звучал враждебно.

Глава 12

Джул

В пятницу ровно в шесть я толкнула дверь кафе, в котором, как говорила Камилла, она живет.

— Эй, привет, — позвала я робко.

Кабины и столики как в любом обычном кафе, но окрашенные деревянные окна создавали другое впечатление. Арки над колоннами были знакомы, так или иначе...

На широких готических окнах были изображены абстрактные узоры. Садящееся солнце с западной стороны освещало помещение слабым оранжевым светом. Одно окно было обмотано пластиковой тесьмой.

Причудливый акцент Камиллы с обрезанными слогами и необычными гласными эхом отдавался в задней части кафе.

— Это сломалось, — говорила она. — Вчера. Случайно.

Камилла прыгала на барной стойке, словно проворная кошка. Я и на каплю не могла выглядеть такой же изящной как она. Я вспомнила упоминание Риса о том, что совершенные физические умения являются чертой фэйри. Была ли Камилла одной из них?

Я заправила прядь волос за ухо.

— Здесь действительно мило, — сказала я. Мне следовало быть вежливой, но я всего лишь была честна. Здесь было необычно эстетично, словно в помещении соединили Афины и Рим.

Камилла пожала плечами.

— Это Габриэль, — сказала она так, будто это всё объясняло.

— Кто такой Габриэль? — спросила я.

— Мой опекун.

— О, он здесь? Опекун? А что насчет твоих родителей?

— Пьет с Шарлоттой, — пренебрежительно ответила она. — Где-то здесь.

— Шарлотта? Ты имеешь в виду мисс Миллер?

Я заметила, что ее английский улучшился, тогда, как произношение оставалось довольно нескладным.

— Угу, — она утвердительно махнула головой.

Я последовала за ней на другую сторону кафе, где на столе был разложен плакат.

Камилла уже распечатала несколько листов с описанием эксперимента и диаграмм к каждой стадии процесса. Это было просто и эффективно, и лишено индивидуальности. Я задумалась, можно ли это использовать в качестве метафоры по отношению к Камилле: то, что должно быть действительно здорово прячется за грубоватой, утилитарной внешностью.

— Знаешь, что действительно необходимо, так это кое-какие твои рисунки, — выпалила я.

— Что? — переспросила она.

— Ты ведь рисуешь такие удивительные карикатуры, мы могли бы сделать стенд в виде комикса. И ни у кого не будет ничего подобного, — искренне сказала я.

— Они не то, чтобы милые, — пробормотала она, рассматривая критически стенд.

— Не сильно протекционно.

— Профессионально? Ты имеешь в виду то, что хотел Рис? О нет, я думаю, что ему безуууумно понравятся аниме-картинки в его проекте, — я обаятельно улыбнулась. —

Разве не так?

Она посмотрела на меня так, словно видела в первый раз, и улыбнулась.

— Возможно, ты права.

— Это демонстрирует художественный талант нашей команды, — надменно сказала я. — От всего сердца и с искрами.

Она кивнула, постукивая пальцем по подбородку.

— Хорошо. Мне нравится.

Я усмехнулась.

— Потрясающе. Я не умею рисовать, но я могу покрасить материалы. Я имею в виду, проект ведь про изменение цвета. У нас должен быть действительно яркий дизайн.

Она кивнула с нехарактерным ей энтузиазмом.

— Цвета. Сейчас вернусь.

Она поднялась по лестнице в задней части кафе, где, я предполагаю, были всякие хозяйственные принадлежности.

Я села, счастливо глядя на цветные окна. Возможно, всё не будет так уж плохо. Я думаю, всё, что Камилле действительно нужно это быть вовлеченной...я всегда думала, что предполагается ждать, пока меня во что-то включат. Может быть, я ошибалась?

Я начала считать цвета на ближайшей ко мне стеклянной панели. Рис бы задохнулся от зависти. Нам, вероятно, следует приноровиться к цветам радуги, для начала.

Металлический звук послышался с улицы — звук, открывающейся двери. Кто-то проскользнул внутрь, стряхивая дождевые капли на потертую джинсовую куртку. Это был ученик, весьма преступного вида. Шрам на его носу сморщился, настолько его взгляд сузился, когда он взглянул на меня.

— Хм, думаю, кафе закрыто, — сказала я, чувствуя, как вновь обретенная уверенность быстро исчезает.

— И даже не найдется кекса? — кольцо на его губе сверкнуло, когда он усмехнулся. — Только если ты не их предлагаешь.

Я сглотнула.

— Кто ты?

— Хм...

Это был один из старшеклассников, или нет? Я видела его раньше. Этот шрам трудно даже заметить. Он был тем, кто часто достает Мака за обедом.

Он смотрел на меня так, словно я была своего рода десертом.

— У меня была плохая неделя, — проговорил он с ярко выраженным южным акцентом. — Возможно, ты сможешь мне помочь. Скажи мне, где Каруцо прячет меч, и я буду вежливым.

— Меч? — повторила я, поражаясь его требованию. — Какой меч? Кто такой Каруцо?

Он сделал шаг, и я отпрянула.

— Ох, пожалуйста. Ты Грэм, и ты подружилась с ней? И ты притворяешься, что не знаешь о мече? Зачем иначе тебе заводить дружбу с таким уродцем?

— Думаю, тебе следует уйти, — дрожащим голосом сказала я.

— Отдай. Мне. МЕЧ, — внезапно взревел он.

Камилла

Камилла услышала его еще до того как он открыл дверь. Его шаги отличались от других — нетерпеливые, чрезмерно сильные. Расточительство. Это дворняга, Хайд. Что ему могло здесь понадобиться? Ах да, она вспомнила. Мальчик, влюбленный в Джул, предупреждал ее, что Хайд захочет отомстить.

Она стояла на вершине лестнице, прислушиваясь.

— Скажи мне, где Каруцо прячет меч, и я буду вежливым, — сказал Хайд.

Меч? Камилла удивилась, когда услышала слова Джул, эхом отдававшиеся от ее мыслей. У Габриеля не было мечей. Он уже сказал. Что с этими людьми, требующими оружие, которого у них нет?

— Ох, пожалуйста, — в его голосе звучали нотки сарказма. Камилла могла слышать, как ускорились удары сердца Джул. — Ты Грэм, и ты подружилась с ней? — Его презрение было ощутимым. — И ты притворяешься, что не знаешь о мече? Зачем иначе тебе заводить дружбу с таким уродцем?

Что? Джул использовала ее? Габриель предупреждал, что будут те, кто захочет использовать их в достижении своих целей.

— Думаю, тебе следует уйти, — произнесла Джул. Ее страх был ощутимым. Нет, Камилла встряхнула головой. Она не будет меня использовать. Она не такой человек.

— Отдай. Мне. МЕЧ, — взревел Хайд, для нее этого было достаточно.

— Yamegou! — прокричала она, прыгивая с лестницы.

Хайд усмехнулся.

— Я полагал, что ты здесь. Пришла на помощь красная девица. Это клише.

Камилла встала в оборонительную позицию. Дождь стучал в окна.

— Я закрою твой рот, zasshu.

Он рассмеялся.

— Школа нуждается в большем количестве таких людей, как ты. Я так предполагаю, что ты не отдашь меч легко, да?

— Меча нет здесь, — ответила Камилла.

— Потрясающе, — сказал он, размахиваясь для удара.

Камилла увернулась, крутанувшись вокруг столба. Она мельком заметила, как Джул

сжалась в углу за кассой. Хорошо, будет лучше, если она не будет вмешиваться. Габриэлю не понравится, если она что-то разобьет в кафе, но он всегда говорит, что необходимость — мать фантазирования.

Камилла пнула стул в сторону Хайда, но тот увернулся. Было ли это лишь ее воображением, или он действительно двигается несколько быстрее, чем раньше? Он снова атаковал, но Камила блокировала удар, который чуть было не лишил ее равновесия. Хайд выбросил вперед кулак, и она поймала его, прилагая к этому все свои силы. Он еще и сильнее?

— Это не школа, — усмехнулся он, горячее дыхание скользнула по шее Камиллы.

— За мной не задолжает.

Толчком Камила вывернулась из захвата, тяжело дыша. Кровь громко клокотала в ушах, а железный браслет сжался на ее левой руке. Много она бы отдала, чтобы избавиться от этого браслета.

Она и Хайд осторожно кружили друг возле друга, пока не замерли.

— И где всё то, что имеет отношение к кендо? — усмехнулся он. — Нуждаешься в мече, чтобы чувствовать себя в безопасности? Я могу подождать, пока ты не найдешь один. Просто убедись, что он будет из железа, а не поддельным.

Железный? Должно быть, что-то отразилось на ее лице, так как Хайд закричал:

— Ты знаешь, где он находится!

— Нет меча, — отрезала Камила. — Много кексов. Хочешь кекс?

— Может, мне позвать кого-нибудь? — послышался голос Джул из-за прилавка.

— Нет, — строго сказала Камила, не отводя взгляда от Хайда. — Он уходит.

— Не быстрее, чем ты принесешь мне этот меч, — прорычал он.

Схватив Камиллу за руку, он бросил ее через плечо. Она сделала кувырок в воздухе,

приземляясь на пол, но при этом споткнулась об стул позади нее. Металлические ножки стула с громким звуком царапали пол, пока он не наткнулся на стену. Хайд в одно мгновение оказался рядом с ней. На этот раз она увернулась, используя его же силу, чтобы увеличить расстояние между ними.

Она не боялась, пока ее конечности не стали дрожать — с ней что-то не так. Ее взгляд расплывался, и она всё никак не могла его сфокусировать. Браслет сжал руку словно тиски.

— Убирайся, — прохрипела она, — из моего дома.

— Это так разочаровывает, — сказал он, подходя ближе. — Я думал, что, наконец, нашел себе достойного противника, но, несмотря на твои причудливые движения, ты слаба, как и все.

Ее лицо покраснело от гнева. Ее кулак попал точно в его челюсть, и Хайд покачнулся. И прежде, чем он успел ответить, она ударила его в спину, толкая к столбу.

Он упал, уклоняясь, и, поймав ее ногу, когда она подняла ее для удара, отбросил Камиллу к стене. Со сбившимся дыханием, она вернулась в оборонительную позицию.

На нее накатило головокружение. Она видела лишь размытый, темный образ Хайда.

Она споткнулась, это всё, что нужно было Хайду. Она пропустила удар, и с тихим стоном опустилась на пол. Боль вспыхнула в ее животе. На лице Хайда, возвышающегося над ней, играла усмешка. Он опустил ногу на ее грудь.

— Всё еще не хочешь сказать мне, где меч? — спросил он.

Ее дыхание стало тяжелее, когда браслет еще крепче сжался.

— Иди... к черту, — ответила она.

Хайд сильнее надавил ногой. Мутным взглядом она заметила тень, скользнувшую за ним.

Треск. Хайд выглядел сбитым с толку. Позади него стояла Джул с осколками разбитого кувшина в руках.

Камилла повернулась на бок, унимая кашель.

Хайд выругался, снимая с волос осколки и остатки листового чая.

— Это было плохое решение, Грэм, — прорычал он, наблюдая, как Джул в ужасе отступает.

Он попытался схватить ее, но Камила умудрилась дернуть за его ногу, так что

Хайд потерял равновесие. Он упал на каменный пол.

Раздался звук открываемой двери.

— Что здесь происходит, черт возьми? — сказал Габриэль, остановившийся в дверном проеме. За его спиной всюду хлестал дождь.

Хайд бросил на него быстрый взгляд, сорвался с места, и, проскочив мимо него, исчез за дверью.

Камилла, ничего не понимая, посмотрела ему вслед. Это он сейчас испугался?

Габриэль тоже обратил внимание на его поспешный уход. Подойдя к Камилле, он опустился на колени возле нее, взяв ее руку с браслетом, проверяя, прощупывая пульс. Ее кожа замерзла, в то время как лицо обливалось потом. Лицо Габриэля было мрачным, но когда он начал говорить его тон звучал добродушно.

— Ты в порядке, детка. Успокойся, все будет хорошо.

На несколько мгновений ей удалось сфокусировать взгляд на нем. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как спазмы проходят по рукам и ногам.

— Спокойствие для слабаков, — пробормотала она на японском.

Он усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он убрал с ее лица волосы.

— Она... она в порядке? — слышался голос Джул. — Она выглядит такой

бледной.

Он обернулся на Джул.

— Ах да, Камилла будет в порядке. Погоди минутку, я сейчас вернусь.

Он осторожно поднял Камиллу, чтобы отнести ее наверх. Чувство бессилия сводило ее с ума.

— Хайд, — произнесла Камилла, когда Габриэль положил ее на кровать. — Он хотел меч. Говорил, что не уйдет без него.

Она все еще могла чувствовать его запах — кислая вонь табака, которая висела в воздухе.

Железный, сказал он. Железо. Камилла согнула левую руку.

— Так же, как и Тейлор.

Габриэль шикнул на нее.

— Сейчас тебе нужен отдых. Не думай об этом. Помни свои уроки. Подумай об океане. Подумай про этих неприятных рыбах, запах которых тебе нравится, или о воде, заливающей всё.

Она закашлялась. Определенно, завтра все ее ребра будут сине-черные.

— Ты имеешь в виду океанский бриз и спокойные волны.

— Ну, или это, — он еще раз проверил ее пульс, и, кажется, остался

удовлетворенным им. — Я зайду к тебе позже. Нужно позаботиться о твоей подруге.

Ее подруга. У нее есть друг. Раньше это не имело значение. И вдруг все изменилось. Джул разбила кувшин об голову парня ради нее.

— Эй, Габриэль, — окликнула она его. — У нас действительно нет меча?

— У меня нет. Постарайся поспать, — сказал он, закрывая за собой дверь.

Она не могла не отметить местоимение, которое он употребил в предложении. Она

вспомнила предупреждение Тейлора, и постаралась выкинуть его из головы. Что бы ни сделал Габриель, у него была на то причина. По крайней мере...

Вместо того, чтобы спать, Камилла наострила уши, пытаясь подслушать разговор внизу, но не смогла услышать и слова. Ощущение было таким же, когда приезжали Тейлор и Шарлотта — словно кто-то набросил одеяло на ее чувства. Что с ней не так?

Джул

Найдя метлу за прилавком, я принялась за уборку стекла и листьев чая. В конце концов, это ведь я разбила кувшин, а значит должна и убрать. Я по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке. Я только что дралась?

Мужчина, которого я приняла за опекуна Камиллы, спустился с лестницы. Я не знаю, чего я ждала, но мои ожидания не оправдались. Он слишком молодо выглядел как для опекуна. Ему не могло быть больше тридцати. У него было дружественное выражение лица, азиатские черты которого напоминали отдаленно Кея. Я надеялась, что у него не было больше ничего схожего с Кеем. Он заправил пряди волос, длинной до подбородка, за ухо, и я заметила необычные шрамы в основании шеи, виднеющиеся в вороте рубашки. Они были сморщенными и лоснящимися, как от старых ожогов.

Он заметил, что я подметаю, и одарил меня полуулыбкой.

— О, ты не обязана этого делать, — сказал он.

— Я не хотела, чтобы кто-то наступил на осколки, — ответила я.

Рис мог бы просто расплавить их. Я потрясла головой. Нет, не здесь, вспомнила я.

Здесь не Междумирье.

— Я, гм, сожалею по поводу кувшина.

— Не стоит. Он послужил благому делу, — сказал он. — Ох, мои извинения, мы не познакомились. Я Габриэль Кацуро. Опекун Камиллы. Ты Джульетта, конечно же.

Пожалуйста, присаживайся. Что тебе предложить? Вода, чай, горячий шоколад? Ты бледная.

Мой смех вышел дрожащим. Вероятно, меня и саму колотила дрожь.

— Горячий шоколад — было бы здорово. Спасибо.

Он отошел за прилавок, чтобы сделать напиток. Я сфокусировала взгляд на своих руках.

Что вообще произошло? Хайд хотел забрать меч у этого мужчины? И из-за моей фамилии он предположил, что я могу что-то знать об этом. Очевидно, что некоторые вещи из рассказа Риса — правда. Я не была уверена, как много из этого я смогла бы вынести, но...

Я помогла Камилле. Я не убежала, возможно, из-за выброса адреналина, но мне это нравилось.

Он поставил дымящуюся чашку с какао передо мной. Сам же облокотился на прилавок с чашкой чая в руках. Я сделала глоток, определенно сладкий вкус шоколада и сливок подняли мне настроение.

— Мистер Кацуро...

— Габриэль, пожалуйста.

— Габриэль. Такое ведь, — я нервно рассмеялась, — такое ведь не случается с вами каждый день?

— Нападение подростка-жлоба на мою воспитанницу в кафе? Не могу с уверенностью сказать, что подобное не случилось раньше, — сказал он с улыбкой. —

Конечно, я владею кафе лишь несколько месяцев, так что трудно сформировать шаблон, — он спокойно осмотрел стулья, разбросанные при борьбе.

— Кто-то натравил его на это... этот мальчик не настолько умен, чтобы самому

разработать план. Ты с ним знакома?

— Нет, сэр.

— Наверное, это к лучшему, — сказал он. — Он никогда не собирался прожить легкую жизнь. Но тогда еще не было Камиллы.

— Что с ней? — спросила я. — Вначале, она была такой сильной, но потом быстро выдохлась.

Он посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом, казалось бы, удовлетворяясь моим беспокойством.

— Камилла на пределе, — ответил он. — У нее есть невероятная сила, ловкость и выносливость, но также у нее есть и предел, и взрывной характер, который к нему подводит, — он покачал головой. — Я не знаю, что с ней произойдет. Я не могу быть рядом всё время. Могу я попросить присмотреть за ней в школе? Помоги ей сохранять спокойствие и избегать конфликтов. Мне было бы спокойней.

— Хм, конечно. Это просто... — я промолчала.

— В чем дело?

— Ну, у нас в школе много задир, — сказала я, думая о том, насколько глупо это прозвучало.

Он улыбнулся.

— Я ожидал большего. Это нормально.

Он посмотрел на разбитый кувшин.

— У вас есть идеи, насчет того, что хотел этот парень? — спросила я.

Он вздохнул.

— К сожалению, да. И я не в том положении, чтобы как-то улучшить ситуацию.

Несколько людей уверены, что это оружие у меня, несмотря на то, что это не так. Раньше

он принадлежал семье Тейлора. Это их старинная реликвия. Она пропала несколько лет назад, и кое-кто винит в это меня.

— Так у вас нет ни малейшего предположения, где он может быть?

— Есть несколько, — легкомысленно ответил он. — Но ни одна из них не удовлетворит твоего учителя английского. Я не ожидал, что другие придут искать его, хотя... полагаю, это еще один поворот в головоломке. Тебя подвести домой? Не хотелось бы, чтобы ты гуляла при таком беспорядке.

Я посмотрела в окно, за которым дождь пустился еще сильнее.

— Спасибо, — сказала я, смущенная тем, что у меня нет личного транспорта.

— Я только проверю, как там Камилла, и мы отвезем тебя домой.

Дождь барабанил в переднее стекло, когда мы выезжали из парковки.

— Теперь, когда мы за пределами слышимости, я хотел бы сказать тебе кое-что, — сказал Габриэль. — Тебе следует прекратить искать отца.

Отец? Я не думала о нем уже несколько дней. Слабое чувство вины было вытиснуто страхом, который всегда сопровождал мысли о нем.

Я замерла. Звуки работающих дворников были необычайно громкими.

— Что вы знаете о нем? — я почти шептала.

— О Боже, я не с того начал. Я хотел сказать, что уверен, ему ничего не угрожает.

Если о ком-то тебе и нужно беспокоиться, так это о себе.

— Я... я не понимаю, — сказала я.

Он тяжело вздохнул.

— Саймон не очень хороший человек. Ты, наверное, догадывалась об этом.

Остальные слишком вежливы, чтобы сказать прямо. И, возможно, ты считаешь мои слова ненадежными, так как не знаешь меня, но я не знаю, появится ли еще шанс

поговорить с тобой, а ты заслуживаешь знать правду, — он все время смотрел на дорогу, пока говорил.

— На следующий день, после того, как твой отец покинул Нью-Йорк, я видел его в Токио.

— Что? — ахнула я. Что он мог там делать?

— У меня был некий артефакт, — мрачно продолжил он. — Который защищал Камиллу от кое-кого опасного. Я заметил Саймона в метро, но он был достаточно далеко от меня. Когда я вернулся домой, артефакт исчез. Я не привык к тому, что у меня воруют.

— Это могло быть совпадение, — сказала я. — Возможно, кто-то другой взял его.

— Я не могу не заметить, что взять защитный артефакт очень легко, — сказал он.

— Могу я быть откровенным?

Я кивнула, не будучи до конца уверенной, что он имеет в виду.

— Это было зеркало. Не обычное зеркало, заметь, магическое, — он посмотрел на мою реакцию, и продолжил. — Разные зеркала делают разные вещи. Это зеркало было небольшим, ручным, но внешний вид не имеет значение. Оно проецировало защитный барьер, достаточно широкий, чтобы охватить и соседские дома, и создавало помехи для тех, кто ищет кого-то такого же сильного, как и Камилла. И с исчезновением барьера нам пришлось быстро уехать. Был лишь один аналогичный барьер во всем мире, известный мне — большой, практически вмурованный, — его рот скривился. — Практически. Так что мы переехали в Хэйвенвуд.

Я внезапно вспомнила книгу, которую я видела в квартире, с иллюстрацией зеркала с серебряной ручкой, опутанной лозой.

Он искал магическое зеркало все это время? Я старалась не выдать себя выражением лица.

— Почему вы говорите все это мне? — спросила я.

— Потому что я боюсь, что Саймон что-то планирует, — ответил он. — И не только я. Твоя бабушка... Тейлор... ну, не Шарлотта, но достаточно скоро и она сделает выводы. Я говорю тебе все это, потому что ты единственный человек, который был рядом с ним последние пятнадцать лет. И я надеюсь, ты сможешь мне собрать воедино все кусочки головоломки и понять его действия.

Он остановился возле дома Беа и посмотрел на меня выжидающе.

В тот момент мне больше всего хотелось, чтобы я находила [находилась] в Башне, и уверенность наполнила меня, чтобы я могла справиться со всем этим. Я хотела быть там, где у меня есть контроль. Но я застряла по эту сторону зеркала, в машине, с мужчиной, который, определенно, знает многое, и требует информации от меня.

Неожиданно, меня начала сотрясать дрожь.

— Что вы хотите от меня? — спросила я. — Он никогда ничего мне не рассказывал. Никогда. Я приходила домой со школы, но его там не было. Я спрашивала, что он делает, а он кричал на меня, чтобы я не доставала его. Я пыталась не попадаться ему на глаза, он говорил, что я не занимаюсь домашними делами, — я начала плакать, всё внезапно навалилось на меня. — Он жил в университете и прятался в своей комнате. Его не заботило, что я делаю, пока дом оставался чистым, а я не шумела. Ему все равно. Все равно. Я горничная, не его дочь, и я думаю... думаю, он ненавидит меня.

Я сжалась на пассажирском сиденье в автомобиле незнакомца. Разве я надеялась, что он начнет меня утешать? Я не знала, что и думать. Он протянул руку к бардачку, достал салфетки и передал их мне.

Я издала сдавленный смешок и высморкалась.

— Я знаю, это сложно, — сказал он. — И, к сожалению, станет еще сложнее,

прежде чем измениться к лучшему. Ты подросток, — сказал он иронично. — Это самое ужасное время в жизни. Но это также время, когда ты выбираешь, каким человеком ты хочешь быть. Ты можешь дать одержать над тобой верх страху, сомнениям, эгоизму, или стать такой, какой ты хочешь, чтобы были и другие. Доброй. Надежной. Податливой. Ну, знаешь, таким человеком, который разбивает кувшины об головы головорезов, чтобы помочь своим друзьям.

Я слабо улыбнулась.

— С Камиллой все будет хорошо?

— С хорошими друзьями рядом — наверняка, — улыбнулся он.

— Мне жаль, что не могу быть полезной, — сказала я.

Я подумала, что здесь есть какая-то связь с зеркалом в саду, но я не могла сказать об этом. Я обещала Рису, и насколько милым бы не был Габриэль, я не уверена, что настолько ему доверяю.

— Если вспомнишь что-нибудь, — сказал он мягко, — ты знаешь, где меня найти.

Я оглянулась: Беа открыла входную дверь, выглядывая меня. Я поблагодарила Габриэля, вышла с машины, и побежала к крыльцу через стену дождя.

— Где ты была? — спросила она.

— Работала над научной работой с одноклассницей, как и говорила тебе, — сказала я, надеясь, что дождь спрятал мои недавние слезы. — Ее опекун предложил отвезти меня домой, когда пошел сильный дождь.

— Ее опекун? — с тревогой в голосе спросила она, прищурившись, выглядываясь в машину Габриэля. Волнение, отразившееся на ее лице, показывало, что она его узнала.

— Заходи внутрь, Джульетта, — поторопила она меня. — Что он сказал тебе? — спросила она, закрывая дверь.

— Ни-ничего, — ответила я, вздрагивая.

Я не понимала ее рвения. Хотя я до сих пор не уверена в его мотивах, но он был самым хорошим человеком, которого я встретила в этом городе.

— Он сказал, что рад, что я подружилась с Камиллой. Вот и все.

— Камилла? — переспросила Беа. — Камилла Тиг? О Боже, — она провела рукой по лицу. — Твоя подруга подопечная Габриэля Кацуро? Нет, нет, Джульетта, в этом не будет никакой пользы. Ты больше не будешь проводить время с этой девочкой.

— Она моя единственная подруга, — воскликнула я. — Ты постоянно говоришь, что мне следует завести друзей, а она единственная, кто хорошо ко мне относится.

— Послушай меня, — строго сказала она. — Габриэль Кацуро очень опасный человек, я хочу, чтобы ты держалась подальше от него.

Чувства, которые возникли у меня в Башне, грозились вырваться наружу.

Возмущение клокотало во мне.

— Почему? — грубо спросила я. — Потому что он знает о чем-то? Потому что у него есть ответы? Ты хочешь держать меня в неведение, не так ли? Вокруг происходят странные вещи, а ты хочешь, чтобы я заткнулась и оставалась дома? Ты такая же, как и папа, ты знаешь это? Ты точно как он.

Мои слова, казалось, ошеломили ее. В порыве малодушия, я взлетела по лестнице и заперлась в своей комнате.

Глава 13

Мак

Тейлор вручил швабру мне, и ведро с чистящими средствами — Дестину, когда девушки появились в дверях субботним утром. Джул со связанными в небрежный хвост волосами сияла, одетая в бледные пастельные тона, на фоне которых ее волосы и кожа

казались темнее, чем обычно. Она вздрогнула, когда заметила на себе взгляд Тейлора — нервничает. Она всегда накручивает прядь волос, когда волнуется. Я хотел дотянуться до нее, взять за руку, но меня не покидало ощущение, что, несмотря на то, что физически она рядом, мысленно она находится за миллионы миль от меня.

— Сокамерники, — вместо этого говорю я громко. — Добро пожаловать в ад.

Тейлор фыркнул.

— Вы те, кто настолько глуп, чтобы попасть в переделку. И теперь мне приходится нянчиться с вами по субботам.

— Так давайте все пойдем за мороженым, так даже будет лучше, — говорю я. —

Или за кексами. Здесь же есть кафе вниз по улице. Бенедикт или Бенволио, как-то так.

Тейлор почти настолько же высокий, как и Дестин, так что его грозный взгляд через очки с высоты двух футов был пугающим. В церкви, когда говорят о гневе Господнем, я вижу Тейлора, который еще не успел выпить свою чашку кофе.

— Или мы можем начать уборку, — кротко исправляюсь я.

Тейлор приподнимает бровь, словно бросает мне вызов сказать что-нибудь забавное в последний раз.

— Школьный фестиваль через три дня, директор Унимо хочет, чтобы всё было безупречно. Уборщики в основном заботятся обо всей школе, но и для вас нашлась работа.

Чудо близнецы получают перила на лестничные перила, — он взглянул на меня. — Вы же, девушки, протрете светильники. Привяжите к метлам тряпки, я не хочу везти вас в больницу, если вы упадете с лестницы.

Сентиментальность и Тейлор — эти вещи несовместимы.

— Я буду в классе английского. Не делайте ничего глупого, — сказал он, сверля меня взглядом.

— Я? Глупого? — проворчал себе под нос, когда Тейлор поднимался по лестнице.

— Будто он знает тебя, — сказал Дестин.

— Я когда-нибудь делал что-то глупое?

— На прошлой неделе, на математике миссис Регланд спросила, сколько будет квадратный корень из 144, и ты ответил Дженга*, — напомнил он.

— Люди смеялись, — заметил я.

— А ты получил дополнительно задание на дом.

— Каратэ вчера, — сказала Камилла.

Акеда [Икедо] сказал нам выбрать спарринг-партнеров, и я взял ее до того, как

Хайд выбрал меня. Так или иначе, всё закончилось тем же — я снова распластанный на полу.

— Я думал, что ты будешь снисходительна ко мне, мы же вроде как друзья.

— Глупый, — категорично заявила она.

— Гоняющийся за несуществующими животными... — пробормотал Дестин.

— Он не несуществующий. Ты видел его.

— Что не несуществующий? — спросила Джул.

— Причина, по которой мы получили эту нелепую отработку, — говорю я, хмуро осматривая окна, которые были заменены на прошлой неделе. Вы никогда не узнаете, что с ними случилось.

— И почему же вас оставили после уроков? — спросила Джул.

— Я затеяла бунт, — ответила Камилла.

Она никак не ожидала, что я могу перепрыгнуть «подвиг» Камиллы.

— Мы обнаружили маленького монстра, который обворовывал шкафчики, — сказал я, складывая руки на груди. Пусть только попробуют засмеяться. — Я преследовал

его по школе и разбил стекло. Унимо решила, что я сделал это, потому что она — всемирное зло.

Глаза Джул широко открылись. Не уверен, изменил ли я ее мнение обо мне.

— Монстр? — говорит Камилла.

— Это была причудливая мелочь с хвостом, крыльями и ушами...

— Она называется летучая мышь, — невозмутимо перебил меня Дестин.

— Не притворяйся, будто не видел его, — огрызнулся я на него. — Может быть, если бы ты подстригся, тебе не пришлось бы придумывать оправдание...

— Если ты говоришь, что видел его, значит — так и есть, — сказала Джул, видимо, нервничая из-за того, что мы начинаем ссору. — Нам лучше начать уборку до того, как вернется Тейлор, или же мы постоянно будем оставаться после уроков, независимо от того, что мы сделали.

Они с Камиллой взяли тряпки и метлы и спустились по лестнице.

— Спасибо за помощь, — сказал я Дестину.

— Пожалуйста.

— Это был сарказм.

Со вздохом он намочил тряпку.

— Ты никогда не задумываешься, что девушки больше обращали на тебя внимание, если бы ты не был настолько странным.

— Я? Я не тот, кто разбрасывает содержимое подушек.

Дестин, напрягшись, стремительно оглянулся.

— Говори тише, — одно перо скользнуло из-под его рубашки на пол.

— Тейлор закрылся наверху, а девочки в подвале, — говорю я пренебрежительно.

— И давай на чистоту. Я не странный. Я просто не прячусь под одеялом, когда происходит

что-то странное. Вот в чем разница. Кроме того, «странный» означает не скучный, и мне нравится быть не скучным.

— Так это в пользу того, что ты странный или нет? Как по мне, ты не можешь определиться.

— Я просто потрясающий. Конец дискуссии.

Посмеиваясь, он вернулся к оттиранию грязи с перил. Иногда я задаюсь вопросом, провел бы он остаток своей жизни, запертый в своей комнате с комиксами и ноутбуком, если бы я не вытаскивал его на солнце.

Перила в виде лоз, изгибались с обеих сторон широкой лестницы. Я вздохнул. Это займет весь день.

Вспышка желтого света бросилась мне в глаза в верхней части лестницы. Я осмотрелся. Невероятно, но клянусь, что видел мелькание розового языка, прежде чем тень стрелой промчалась в холл второго этажа.

Такая маленькая...

Я побежал по лестнице за ней.

— Мак? — позвал шокированный Дестин.

— Он дразнит меня, — кричу я, замечая, как нечто промелькнуло впереди.

И я не собираюсь снова остаться ни с чем.

Джул

Мы спустились в подвал в полной тишине. На теле Камиллы не было никаких видимых синяков и ее лицо не было бледным, но она вела себя осмотрительно, морщась, когда приходилось сделать еще шаг по лестнице. Я вспомнила, что большинство ударов пришлось на ее туловище, сейчас скрытое за широким худи. Не думаю, что на ее месте я смогла бы хотя бы принять вертикальное положение.

— Ты выглядишь намного лучше, — сказала я.

— Я чувствую себя как дерьмо, — проговорила она, когда мы дошли до двери подвала.

— Извини.

— За что? Разве ты била меня? — спросила она.

— Н-нет, — запнулась я, глядя на нее.

— Тогда почему извиняешься?

Она улыбнулась мне, и это оказалось заразительным, уголки моего рта приподнялись в ответной улыбке.

— Ты действительно веришь Маку? — спросила она.

Я пожала плечами.

— В последнее время я видела слишком много странных вещей, чтобы удивляться... что это было?... летучей мыши.

Она только покачала головой.

— Не знаю.

Я посмотрела на длинную линию светильников у нас над головой.

— Ну, ты можешь начать с этой стороны, а я с той, за углом, — сказала я.

Она взяла тряпку, повертела ею, и потянулась к первому светильнику.

Взяв в руки вторую тряпку, я пошла дальше по коридору. Я была рада, что Камилла казалась в порядке — и эгоистично я еще больше радовалась тому, что я нравилась ей даже больше, чем раньше. Странно, что событие, которое должно было травмировать меня, вызывает улыбку.

Завернув за угол Г-образного холла, я спустилась до конца, слыша, как эхом отдаются мои шаги по кафельному полу. Половина классов здесь не используются и

заперты. В школе много пустых классов, видимо, ожидалось, что когда-то они будут заполнены учениками. Я еще раз посмотрела на светильники. Может, если мы быстро закончим, Тейлор отпустит нас пораньше.

— Здор ово, — слышался голос.

Я обернулась и столкнулась лицом к лицу с Кеем. Я подавила вздох. Откуда он взялся? Предполагалось, что школа будет пустой.

— Кей, что ты здесь...

Он прижал палец к моим губам, улыбаясь, словно Мона Лиза. Его черные глаза сверкнули в темноте. Он отстранился, убирая руку. Что-то прохладное и металлическое скользнуло под мою рубашку, и я вскрикнула.

— Джул? — позвала меня Камилла.

— Я здесь, — сказала я в ответ, мой голос прозвучал на октаву выше, чем обычно.

Она вышла из-за угла, с отразившимся на ее лице недоумением.

— Мои уши снова не работают, — сказала она озабоченно. — С тех пор, как я вошла сюда. Это здание неправильное.

Я обернулась, уверенная, что Кей не промолчит, но его не было. Начала озираться, но его и след простыл.

— Что ты ищешь? — спросила Камилла, подходя ко мне.

— Тут был Кей, он просто...

Она моментально встала в стойку.

— Что? Где?

Я провела рукой по рубашке. Металлическая вещь зацепилась за мой бюстгальтер.

Я вытащила ее, обнаружив, что это ключ. В4 — написано на нем.

Камилла с любопытством посматривала на меня.

— Джул...

— Он бросил его через мой воротник и исчез. Что ты хочешь от меня услышать?

Она покачала головой.

— Не он. Пожалуйста, не он.

— О Боже, нет, — воскликнула я, догадываясь, что она неправильно поняла. — Я имею в виду... я думала...но это было...

Она со вздохом забрала у меня ключ, рассматривая его.

— Так что же это?

— Ключ от одного из класса в подвале, наверное? — сказала я, радуясь смене темы.

— В4, — она указала на аудиторию рядом с лабораторией мисс Миллер. — Пустая, я думаю.

— Я ни разу не видела, чтобы кто-то входил туда, — заметила я.

Она вставила ключ в замок и повернула его, дверь распахнулась.

Здесь находилось несколько столов со старыми приборами и кусками пергамента на них. Еще больше их было прикреплено к стене, создавалось ощущение парящих призраков. Но, несмотря на тщательность, с которой прикреплен каждый кусочек, они все были чистыми.

На столе в центре комнаты рядами стояли разноцветные колбы, мензурки и флаконы. Листы с наскоро записанными на них набросками и заметками были разбросаны здесь же. Я рассматривала их, тогда как Камилла зациклилась на пустых листах.

— Это формулы, — сказала я, внимательно рассматривая колбы. — Они напоминают мне наш эксперимент.

— Невидимые чернила? — спросила она.

— Кто-то хочет знать, что на этой бумаге, — заметила я.

— Унимо.

— И, предполагаю, мисс Миллер, — изгибающийся почерк, которым написаны наброски, был мне знаком. — Тут так много страниц. Откуда они взялись?

Камилла, пожав плечами, поднесла бумагу к носу. Она покачала головой.

— Мои нос и уши все еще не работают, как следует. Как и всегда здесь. Ненавижу эту школу.

Я близко подошла к стене, присматриваясь к прикрепленным на ней кускам пергамента. Пожелтевшие, с потертыми уголками. Безошибочное ощущение того, что на них что-то спрятано, переполняло меня. Также как и с дневником моей матери.

Воспоминание о дождливом дне всплыло в моей памяти. Моя рука на стволе дерева, и острое желание обрести дом.

Едва осознавая, что делаю, я положила руку на пергамент напротив.

Покажи мне.

Линии разбежались от моего прикосновения. Я отскочила, но они продолжали двигаться от одного кусочка к другому, острые, закрученные. Медленно изображение складывалось в единое целое — портрет, выполненный весь черными мазками, за исключением глаз. Они были ярко зеленого — изумрудного — цвета. Это был мужчина с длинными черными волосами и красивым лицом, искаженным злобной улыбкой.

— Uwaа, — пробормотала Камила. — Nanda, что ты сделала?

— Видимо, всё, что нужно — это попросить, — ответила я, сжимая руки, чтобы унять охватившую меня дрожь. — Покажи мне, — сказала я, и вновь линии разбежались по бумаге.

Воодушевленная Камилла прижала руку к следующему куску пергамента.

— Покажи мне!

Ничего не произошло.

— Ты должна сконцентрироваться.

— Так и есть, — она посмотрела на меня с любопытством. — Может, это только ты?

Я оглянулась на второй пергамент, на котором темные чернила проявились в виде замка с извилистыми башенками и развевающимися стягами.

Только я.

Камилла смотрела на меня с недоверием.

— Ты чудовище, — сказала она.

Я уставилась на нее широко раскрытыми глазами, но ее лицо озарила широкая улыбка, а зелено-золотистые глаза сверкали.

— Я тоже, — она сказала это так, будто это не было проклятием. Будто мы особенные. Я особенная?

— Что ты можешь делать? — спросила я.

— Улучшенный слух и обаяние, обычно. И я ломаю вещи, — она рассмеялась. —

Как и ты.

— Я ничего не ломаю, — запротестовала я.

Камилла указала на портрет.

— Ты нарушила его. Заклинание.

Я с удивлением взглянула на нее. Это то, что я сделала? Нарушила заклинание?

Я положила руку на бумаги, находящиеся на столе, пытаюсь определить,

почувствую ли я то, что на них что-то скрыто. Я ощущала слабое сопротивление в моей

голове, будто мелкая сетка была по всей длине пергамента. Я представила, как снимаю ее, на этот раз медленно. Покажи мне.

Послание проявилось словно мираж, все еще скрытое за туманной дымкой. Когда я дотронулась пальцами до пергамента, туман рассеялся. Линии растеклись от моего прикосновения, превращаясь в водопад.

Я отступила назад, тяжело дыша.

— Ты права, — ахнула я.

— Потрясающе, — протянула Камилла, восхищенно осматривая листы.

Покажи мне. Покажи мне. Покажи мне. Я прикоснулась к каждому куску пергамента, наблюдая, как они оживают под моим прикосновением. Прежде чем я осознала это, я проявила все изображения в комнате. Я оглянулась на дело своих рук.

На большей части картин изображены пейзажи и здания, на вид достаточно древние. Леса, реки, дома с соломенными крышами, замки. На некоторых изображены коробка с ювелирными изделиями, корона, зеркало, похожее на то, что расположено в саду, но с другим орнаментом. Серебряная лиса, смотрящая умными глазами. Но портреты наиболее занимательны.

Камилла как раз замерла возле одного из них. Я подошла к ней и поняла, почему она застыла — лицо, нарисованное на пергаменте, определенно, принадлежало Габриэлю.

Но его выражение неправильное — серьезное, предчувствующее что-то плохое, оно чем-то мимолетно напоминало Рису в одном из его настроений, но сморщенные шрамы, выглядывающие из-под воротника, говорили о том, что это опекун Камиллы. В нижней части пергамента нарисован синий символ, напоминающий повернутую на бок восьмерку и имя — Гокай Кацуро.

— Как думаешь, это его настоящее имя? — мягко спросила я.

Она промолчала.

— Что это? — спросила Камилла, указывая на символ.

— Думаю, знак бесконечности, — ответила я и, взглянув на ее выражение лица, добавила, — ну знаешь, то, что длится вечно.

— Я видела это, — сказала она, направившись к другой стене. — Вот, — она указала на другой портрет. — И там.

Я снова посмотрела на зеленоглазого человека с усмешкой на лице. Надпись гласила: Хемлок и ничего больше, кроме символа бесконечности такого же цвета, как и глаза незнакомца.

Я подошла к Камилле, посмотрев на следующий портрет. Это была женщина, пусть и не самая красивая, но от нее исходил магнетизм, притягивающий внимание к выражению лица — смесь очаровательности и самоуверенности. Мередит Эндер и кроваво-красный знак бесконечности.

Камилла что-то пробормотала себе под нос.

— Что?

— Трое бессмертных, — ответила она, смотря на женщину с отвращением. —

Когда-то они были выбраны богами. Пешки в войне. Ставки на победителя, — она покачала головой. — История, которую Габриэль рассказывал мне.

— Кто выиграл?

— Он сказал, спроси меня позже, — она посмотрела на его портрет с непередаваемым выражением лица.

Картина рядом с ним попала мне на глаза. Меч Тейлоров — так она подписана.

— Камилла, — я потянула ее за рукав, указывая на картину. — Как думаешь, это то, что хотел тот парень?

Это весьма некрасивый меч, выполненный в старом стиле. На рукоятке и ручке не было ничего примечательного, за исключением, возможно, полного отсутствия индивидуальности.

— Не понимаю из-за чего весь сыр-бор, — заметила я. — Он даже не выглядит круто.

Камилла пожала плечами, потирая свой браслет правой рукой так, словно хотела расцарапать кожу под ним.

— Ему и не нужно, если он магический, — сказала она, осматриваясь. — О, еще один.

Я проследила за ее взглядом, пока не наткнулась на чистый пергамент.

— Я думала, что дотронулась до всех них, — сказала я, приближаясь к нему.

Положив руку на пергамент, я сказала: — Покажи мне.

Ничего не произошло.

— Может, этот лист действительно чист.

— Ага, конечно, — сказала Камила. — Он просто осёл. Покажи, кто в доме хозяин.

Я сосредоточилась на грубой бумаге под подушечками моих пальцев, пытаюсь вытащить изображение из нее, найти то, что спрятано. Картинка образовалась у меня в голове: отрывочная, призрачная и бесцветная женщина в платье с глубоким вырезом, усеянным драгоценными камнями, с длинными волосами, каскадом спадающими на плечи.

Красивое в форме сердечка лицо с закрученными ресницами, наполовину прикрытое кружевным зонтиком, взгляд через плечо. Она казалась мне знакомой, но мне нужно было сбросить заклинание, чтобы увидеть ее более четко. Сопротивление было

плотное, словно ткань, и моя рука сжалась в кулак, пытаясь сорвать ее. Острая боль шипами пронзила мою руку. Я закричала, опускаясь на колени.

— Джул, — воскликнула Камилла.

Я смотрела на свои дрожащие руки. На них пульсировали черные, жилородобные знаки, когда боль затихла — они исчезли.

— Святое дерьмо, — выдохнула я.

— Святое дерьмо, — повторила Камилла. — Ты в порядке?

— Думаю, что да, — дрожащим голосом ответила я, принимая ее протянутую руку.

Пергамент оставался по-прежнему пустым, изображение женщины на миг мелькнуло на нем вместе с подписью в углу. Предвестник.

— Что это? — спросила Камилла.

Я потрясла головой. Это так далеко от моего понимания.

Дверь позади нас открылась, и мы обернулись на звук.

— Идиотки, — ужасающе прозвучал голос Тейлора, застывшего в дверном проеме.

— Что вы наделали?

Мак

Кто оставляет открытой дверь, ведущую на чердак? Разве они не знают, что летучие мыши могут таким образом сбежать?

Маленький монстр съезжился на полпути к лестнице, видимо, ошеломленный внезапным солнечным светом. Чувствительные глаза, а? Наконец-то что-то в мою пользу.

Я поднялся по лестнице и схватил за шкурку это существо.

— Попался, — восклицаю я слишком рано.

Оно выскользывает из моих пальцев, шурясь мутным взглядом на землю. В лучах солнца его мех не выглядит продолжением тени, это скорее темно серая масса с листьями

и грязью. Его глаза размером с мячи для гольфа с жуткими желтыми зрачками. Длинный подрагивающий хвост, как у крысы. Его суставы и челюсть покрывает чешуя. Его широкие кошачьи уши выпрямились, когда он посмотрел на меня. Оно зашипело по-змеиному, широко открывая рот, давая возможность рассмотреть длинные и острые зубы. Я сделал шаг назад. Что, черт возьми, это за существо? Я удивился, но не собирался отступать. Я должен доказать свою невиновность, особенно после того беспорядка, причиной которого я стал.

— Что ты за летучая мышь-змея-обезьяна, — говорю этому существу. — Ты пойдешь со мной.

Я двигаюсь осторожно, опасаясь его зубов. Оно отступает, всё еще дезориентированное. Я не собираюсь дать ему ускользнуть.

— Ты поможешь мне доказать директору, что я не сошел с ума, — я снимаю куртку, подходя ближе. — Я собираюсь завернуть тебя в это, чтобы ты не заразил меня бешенством. Договорились?

Оно с визгом бросается на меня. Я ловлю его, стараясь держать подальше от глаз.

Пячусь, спотыкаюсь через трубу и падаю с крыши. Мой пиджак выпадает из рук, я же кричу, все еще сжимая в руках существо. Через мгновение я буду распластанный по мусорному контейнеру...

Но я приземляюсь в большую кучу грязи, почти в полной темноте. Я кашляю, чувствуя вкус глины во рту. Летучая мышь выворачивается из моих рук и сливается с темными пятнами на полу.

Речь о том, как исчезнуть в нем. Я хватаю его за хвост.

— О нет ты... — я падаю вперед, приземляясь на кафельный пол, — не уйдешь.

Освободившееся существо бежит дальше по коридору.

Коридору?

Я вернулся в школу — во внутрь. Я весь в красной глине, а мое плечо болит от удара при столкновении с поверхностью пола. Я оборачиваюсь. Шкафчики?

Я только что переместился через... я с трудом верю в свой вывод...

Телепорт?

Существо протащило меня через мусорный бак, потом — по непонятной пещере, и выбросило обратно через шкафчики.

— Это было потрясающе, — кричу я, не заботясь о том, что меня могут услышать.

Хлопок двери и быстрые шаги. Интересно, как я смогу объясниться.

Тейлор выходит из-за угла и замирает, на наносекунды на его лице отображается облегчение, а потом он взрывается:

— О чем, черт возьми, ты думал? — кипит он. — Если бы ты... если тебя кто-нибудь увидел, — он стремительно оглядывается. — Сейчас же иди в класс. Вы все меня уже достали.

— Все мы? — я пытаюсь казаться непричастным, насколько это возможно, будучи с ног до головы в грязи.

— Все вы, — рычит он.

Джул

Камилла и я с виноватым выражением лица скользнули за первую парту в классе английского. Возле нее сидел Дестин, сгорбившись, словно, пытаясь стать меньше. Мак стоял в стороне, скрестив руки на груди, его светлые волосы грязные, собственно, как и весь он с ног до головы. Вероятно, он не захотел просто сидеть, и собрал грязь отовсюду.

Он заметил, что я смотрю на него с широко раскрытыми глазами и пробормотал:

— Летучая мышь. Телепорт.

— Многое объясняет, — несчастно заметил Дестин.

Тейлор захлопнул дверь и в гневе посмотрел на нас.

— Вы четыре идиота, — отрезал он. — Это не Скуби-Ду. Здесь нет резиновых масок и недовольных дворников, прячущих Золото Ацтеков, или счастливого окончания следствия. Вы думаете, что наказание после уроков — это худшее что может сделать директор? Рассказать родителям? Отстранить от уроков? Вам следует молиться об исключении. Чем больше вы накопили, тем больше вероятность, что Рин никогда не позволит вам уйти. Здесь замешана сила, с которой вы не справитесь — сила, которая с легкостью уничтожит вас, даже если у вас хватит сил ей противостоять. Если бы вы не высывались, то смогли бы закончить школу, прежде чем она обо всем догадается, и жить нормальной жизнью. Вы помогаете ей, — он указал пальцем на меня и Камиллу, — и вам следует остановиться. А вы, — он повернулся к Маку, — еще хуже. Беа мне все рассказала. Вы даже не имеете ни малейшего понятия, что почти сделали в библиотеке.

— Эй, откуда нам было знать, что эта тату-леди собиралась... кстати, что именно она собиралась сделать? — спросил Мак.

— А потом, — продолжил Тейлор, не обращая на него внимания, — вы идете травить бесов и гоняться за ними по всей школе. Ты всегда был импульсивным, но Дюпре, это же ведь граничит с самоубийством. Эта штука могла занести тебя куда угодно.

— Бес? — оживился он. — Так эта летучая мышь — бес?

Тейлор застонал.

— Мак, что я должен сказать, чтобы ты понял, — говорит он, проводя рукой по лицу. — Ты единственный в этой комнате, кто определенно является нормальным. Через два года ты будешь свободным. Единственное, о чем тебе стоит беспокоиться, так это о том, как спрятать эти адские перья цапли, чтобы твой друг тоже стал свободным.

Лицо Дестина залилось краской.

— Что? Я не... В смысле, какие перья?

— Научись держать это под контролем, пока еще кто-нибудь не заметил — отрезал Тейлор.

— То, что происходит, — сказала до сих пор молчавшая Камилла. — Если мы полезны?

Он одарил ее тяжелым взглядом, но думаю, на его лице, на секунду отразилась жалость.

Из всех нас, она была наиболее сверхспособной. Если он знает об этом. Волновался ли он за нее?

— Хорошо, — сказал он, выдвигая ближайший стул.

Он поставил на него правую ногу, словно собирался завязывать носки, закатил штанину и опустил носок. Вокруг его лодыжки заворачивалась татуировка, похожая на цепь.

— Никогда бы не подумал, что у тебя может быть тату, — сказал Мак.

— Это заклинание, — ледяным голосом сказал Тейлор, опуская штанину. — Когда Унимо находит игрушку, она хочет ее оставить себе, чтобы она не сбежала. Я привязан к школе. Я не могу отойти от нее больше чем на двадцать миль. Это словно, как ты натыкаешься на кирпичную стену, — он поморщился. — Магия не работала в нашем мире почти тысячу лет. Но последнее столетие она просачивалась назад — и за последние несколько лет это стало еще интенсивнее. Большинство фэйри и одичавших даже не знают о том, кем они являются. Нет даже гарантии, что вы сможете развить свои силы, — его взгляд задержался на мне, я вдруг вспомнила ужас, охвативший меня, когда встретилась с ним. — Это все еще остается непредсказуемым и беспорядочным. Но у семьи Унимо

хорошая память, и они стремятся контролировать все, что могут. Они найдут способ предложить вам сделку, от которой вы не сможете отказаться. И вы будете принадлежать им. Или же вы можете оставаться вне их радара, — сказал он, по очереди посмотрев на каждого из нас. — И вы определенно не должны объединяться, чтобы помогать им в исследованиях, — сказал он, вновь смотря на меня. — Вам всем безбожно повезло, что сегодня только я был в школе.

Я сглотнула ком в горле, вспоминая мимолетное появление Кея.

— И даже тогда, — продолжал Тейлор. — Если Рин будет задавать правильные вопросы, я должен буду ей ответить. Я не особо могу вам помочь. Поэтому, пожалуйста, если у вас есть хоть немного чувства самосохранения, держитесь подальше от дел Унимо, и из любви к Богу, держитесь подальше от Эндер.

Глаза Камиллы расширились.

— Эндер? — спросил Мак.

Тейлор вздохнул.

— Женщина, которой вы почти помогли сжечь библиотеку. Мередит Эндер. Все, что вам нужно знать, это то, что она бессмертна, безумна и сделана из огня. Я не знаю, почему она вернулась сюда, — сказал он мрачно. — И чем скорее она уедет, тем лучше.

Видите женщину в коже — держитесь от нее подальше. Поняли? — Он с любопытством посмотрел на побледневшую Камиллу. — Хорошо, Тиг?

Камилла потрясла головой, словно хотела избавиться от мыслей.

— Да, — сказала она. — Да, хорошо.

— Теперь, пожалуйста, все выходите из здания, прежде чем причините еще больше вреда. Удачи в объяснении своего внешнего вида матери, — он посмотрел на Мака, которого данная перспектива заметно охладила.

Ребята вышли впереди меня.

— Джул, подожди, — окликнул меня Тейлор. — На пару слов.

Я остановилась, со страхом смотря на него. Мне пришло в голову, что он единственный взрослый, который не настаивал на том, чтобы называть меня Джульеттой.

— Закрой дверь, — сказал он.

Я сглотнула и сделала, так как он велел, возвращаясь к столу, за которым сидела.

— Твоя бабушка сказала мне, что ты встречалась с Габриэлем Кацуро, — заговорил Тейлор, облокотившись на стол и скрестив руки на груди. Его взгляд сквозь очки был настороженным и холодным. Мне стало интересно, будет ли он выглядеть так же страшно без очков.

— Вы тоже собираетесь сказать мне, чтобы я держалась от него подальше? — спросила я.

— Абсолютно точно. От него, не от Камиллы. Думаю, ее можно освободить от его влияния, к тому же ты сможешь воспользоваться ее привязанностью к тебе...

— Использовать ее? — перебила я, удивившись самой себе. — Габриэль был добр ко мне, он просто хотел помочь. Что он сделал, что все так обозлились на него? Всё что я слышу так это то, насколько он плохой, но это вы предлагаете мне использовать людей.

— Не надо, — отрезал Тейлор с ядом в голосе, я замолчала. — Не надо говорить со мной об использовании людей.

Он стремительно отвернулся. Я успела заметить, как изменилось выражение его лица. Он испустил долгий вздох.

— Нет. Я не имел в виду тебя. Это не было правильно. Забудь это.

Его рука поднялась, чтобы потереть шею, его пальцы запутались в каштановых волосах.

— Это из-за моей мамы? — спросила я. — Она является причиной того, что вы меня недолюбливаете?

Я заметила, как напряглись его плечи.

— Мисс Миллер сказала... что вы все вместе ходили в школу, — и она нарисовала всех вас в своем дневнике. — Она сказала, что вы не ладили.

Он повернулся, смерив меня оценивающим взглядом, и снова у меня возникло чувство, словно он ожидал увидеть что-то у меня под кожей, что-то, что в любой момент может проявиться.

— Саймон был моим лучшим другом, — сказал он. — А она уничтожила его.

Всеми возможными способами. Так что нет, я не ее поклонник. В некотором роде, она была как Габриэль. Люди просто из кожи вон лезли, пытаюсь сделать ее счастливой.

Включая Саймона. Я не доверяю очаровательным людям. Они никогда не говорят то, что имеют в виду, — он снова взглянул на меня, вздохнул и покачал головой. — Но ты не она.

Вы так похожи, что трудно не относиться к тебе также. Наверное, будь ты хоть немного похожа на Саймона, было бы легче, — он криво улыбнулся. — Но отчасти он тоже был ослом.

— Вы так говорите, словно нуждаетесь в лучшем друге, — заметила я.

— Друзья могут быть намного опаснее врагов, — ответил он. — Я проверил это на собственной шкуре. Но и отсутствие друзей тоже может быть не менее опасно. Правда в том, что у Киры никогда не было друзей. У нее были поклонники, Саймон был одержим ею, но она всех держала на расстоянии вытянутой руки, даже его. Это было...

ненормально, — его брови поползли вверх. — Но ты не она. И, несмотря на то, что произошло сегодня, ты, кажется, лучше разбираешься в друзьях, чем я, так что я не буду советовать тебе держаться от них подальше. Я повторю, — его взгляд стал острым, — вы

связываетесь с тем, что вам не под силу преодолеть. Сила есть только у Камиллы, если не

считать линьку Дестина, но и она недостаточно сильна. Во всяком случае, пока. Рин

Унимо чрезвычайно опасна, и она уже положила на нее глаз. Когда она приехала, я думал,

что она молодая женская копия Габриэля, — сказал он, качая головой. — Я просчитался

так же, как и с тобой. Мой совет — сделай все возможное, чтобы убрать ее из списка

Унимо, не поднимаясь по нему вверх. У меня будет адское времечко, когда я буду

объяснять, как свитки, которые они пытались перевести несколько месяцев, просто

внезапно проявились. Как ты сделала это? Как ты вообще попала в комнату?

— Там был ключ на полу, — соврала я. — Мы открыли им дверь и увидели

картины. Что вы имеете в виду под «проявились»?

Он вздохнул.

— Не бери в голову. Просто иди домой, и держись подальше от неприятностей,

хотя бы до фестиваля.

Я уже подошла к двери, когда подумала о том, что, несмотря на его ругань и

суровые взгляды, он не покрывал бы нас, если бы не заботился. Я оглянулась на него.

— Вы на самом деле не являетесь тем, кем притворяетесь, — сказала я.

Так почему же я ему соврала?

Его рот открывался и снова закрывался, будто он не мог подобрать слова, чтобы

ответить.

Я слабо улыбнулась, и прежде, чем выскочить за дверь, сказала:

— Увидимся в понедельник.

В коридоре меня ждали Камилла, Мак и Дестин.

Они выжидающе смотрели на меня, когда я вышла на прохладный утренний

воздух.

— Так, — сказал Мак, убирая часть грязи с лица. — У нас есть немного

свободного времени. Кто хочет полностью проигнорировать то, что сказал Тейлор?

*Jenga (Дженга) — [настольная игра](#), придуманная Лесли Скотт и распространяемая компанией [ParkerBrothers](#). Слово *jenga* — это повелительное наклонение от *kijenga*, в переводе с [суахили](#) означающего «строить»

Глава 14

Мак

— Так... перья, да? — Джул посмотрела на Дестина.

Он съежился.

— Настоящим ты поклялась в абсолютной секретности, — говорю я, направляясь вперед вдоль скамеек. — Вы обе, — грозно смотря на Камиллу.

Она возвращает мне взгляд, ничуть не впечатленная.

Мы шли через лес между школой и имуществом Грэмов, по дороге, которая, я абсолютно уверен, вела в место, где можно получить ответы — руины старой лесопилки.

Чтобы ввести девушек в курс нашей стычки с женщиной, которую Тейлор назвал Эндер, потребовалось меньше времени, чем я ожидал. Они же рассказали нам о магическом семейном мече Тейлеров, который хочет прибрать к рукам Хайд, и картинах, который оказались в подвале. Ну, технически, говорила Джул, Камилла же только одобряюще хмыкала время от времени.

— Но почему перья? — Джул продолжала любопытствовать.

Дестин пожал плечами, краснея.

— Откуда я знаю? Силы одичавших непредсказуемы и не передаются по наследству.

— Это происходит только, когда он волнуется. Не такое уж и большое дело, — говорю я, запрыгивая на бревно.

— Я думала, что силы одичавших и фэйри не проявляются, пока им не исполнится шестнадцать, — говорит Джул.

— Где ты это слышала? — спрашиваю я.

— Я была... есть, — запинается она. — Библиотека в доме моей бабушки. Она...

хм... не знает, что я ее нашла.

— Когда мы стали малолетними преступниками, — нервно спрашивает Дестин.

— С тех пор, как никто не говорит нам, что происходит, — объясняю я. — Итак, место, которое мы собираемся обследовать...

— Дом монстра? — сухо перебивает меня Камилла.

— Я не говорил, что это дом монстра. Я сказал, что видел, как он бежал в направлении старой лесопилки. Мы с Дес провели небольшое исследование и обнаружили отчет полиции сорокалетней давности, в котором говорится, что лесопилка была сожжена женщиной по имени Мередит, которую так и не поймали. Тейлор же сказал, что она бессмертна и создана из огня.

— И плюс ко всему безумна, — добавил Дестин.

— Трое людей когда-то проводили инвентаризацию там или что-то типа того.

Один из них — парень по имени Омен Тафт — умер. Из тех двух, что остались, есть твоя бабушка, Джул. В смысле, сколько еще в Хейвенвуде есть людей по имени Беатрикс Беа? На ее лице отразилась замешательство.

— Что это значит?

— Не знаю. Вот почему мы проверяем это место. Ну, еще и чтобы проверить следы демона. Да уж, я даже не могу передать насколько это здорово, иметь название для такой глупости.

— Кто другой? — подала голос Камилла.

— Что?

— Третий? В огне?

— О, некая женщина — Уальд. Зельда или Зена, как-то так. Я ничего не нашел ни про нее, ни про Тафта. Даже свидетельство о его смерти. Будто протокол полиции —

единственное доказательство их существования.

Споткнувшись, я посмотрел вниз — в зарослях травы виднелись гнилые доски и кирпичи.

— Вот, — говорю я. — Мы уже на месте.

Камилла саркастично приподнимает бровь, не впечатленная. Джул же более тактична.

— И это выглядит... жутко? — иронично предполагает она.

— Ночью, весьма, — говорю я в свою защиту.

Но сейчас середина дня, и заброшенная лесопилка выглядит почти живописно.

Деревья выросли вокруг здания, а виноградные лозы поднимаются до самых окон.

— Это место под запретом, — говорю я настолько грозно, как могу. — Так что, это почти хардкор. Все говорят о том, что следует снести это здание, но никто так и не удосужился это сделать. К тому же, необходимо расчистить дорогу, чтобы добраться сюда.

Джул толкает ногой пустую бутылку.

— Никто не живет здесь, ведь так?

Я пожимаю плечами.

— Иногда люди приходят сюда на Хэллоуин. Вот так вот. Это место находится между тремя частными собственностями — кто-нибудь да заметит.

Камилла чересчур усердно оттолкнула стебли гортензии.

— Просто смотри, чтобы не было пауков, — предупреждаю ее я.

— Пауков? — переспрашивает Джул.

— И ядовитого плюща. В остальном всё в порядке. Наверное.

Камилла пожимает плечами, и делает шаг по направлению к двери.

— Она что ничего не боится? — спрашиваю я, но никто не слушает.

Внутри лесопилки на широкой площадке находились поржавевшие остатки пилорам, дверь гаражного типа широко открыта, позволяла проникать солнцу. Не полностью сгоревшая крыша прогнулась вокруг металлических стропил. Только части здания, сделанные из кирпича и металла, остались в рабочем состоянии. На кирпичных стенах осела сажа, а некоторые металлические детали деформировались в огне.

Десятилетиями не трогаемые листья хвой и дубов покрывали бетонный пол. На первом этаже находился офис, с широким обзорным окном, которое сейчас покрыто паутиной.

Меня интересовала другая дверь, находящаяся дальше.

Я прошел мимо ржавых пил, краем глаза отметив расплавленную цепь, все еще свисающую со стены. Дестин указывает Джул на ядовитый плющ, растущий на одном из окон, объясняя как определить его по лощеным листьям.

Камилла резко оборачивается, поднимая голову, ее ноздри раздуваются.

— Вы чувствуете этот запах?

Джул останавливается в центре лесопилки, смотрит на Камиллу и хмурится, пытаясь сконцентрироваться.

— Только сосна и ржавчина, — говорит она.

Дестин бродит в офисных помещениях, уклоняясь от паутины.

Половицы скрипят.

— Что это? — спрашиваю я у нее.

Она выглядит разочаровано.

— Shimetta. Tsumetai. Вода, — отвечает она.

— Вода не имеет запаха, — протестую.

— Еще как имеет, — поддерживает ее Джул. — Вы знаете, как своеобразно меняется запах вещей, когда они намокают?

Камилла указывает на Джул.

— Точно. Именно это. Спасибо, — говорит она.

— Так что здесь протекающие трубы, — предполагаю. — Хотя тут вовсе не должно быть труб. Что это означает?

— Не знаю, — отрывисто произносит Камила.

— Думаю, Мак просто завидует, что не имеет суперсилы, — говорит ей Джул.

— Я бы выбрал себе что-то другое, а не супер нюх. Вот и всё, — ворчу я.

— Будто я выбирала, — огрызается Камила.

— Ребята, прекратите, — просит Джул.

— Давайте поступим так, — говорю я, пытаюсь быть дипломатичным. — Вы идете наверх в поисках мистических дырявых труб, а мы с Джул проверяем кладовую.

Камилла смотрит на меня взглядом, говорящим: попробуй что-либо учудить, и я побью тебя на следующем уроке. Она проходит вдоль станков к открытому пролету, всматриваясь вдаль далеко за пределы леса.

Будто бы я когда-либо вел себя не по-джентельменски. За кого она меня принимает? За Кея?

Джул следует за мной к металлической двери с окошком, стекло которого, как и всё остальное, разбито.

— Ты мог бы проявить больше веры в ее способности, — говорит она. — Камила здесь, чтобы помочь. Она замечает вещи, которые никто не смог бы.

— Поэтому я должен оставить ее в покое, даже не имея возможности пошутить над тем, что она делает, — говорю я, открывая дверь.

В этой комнате большая часть потолка осталась нетронутой, за исключением зияющей дыры. В углу находится заплесневевший старый матрас и коробки, старая мебель

свалена возле стены. Пустые бутылки из-под ликера ровной линией выстроены на полке, но на них толстый слой пыли — скорее всего, это остатки после Хэллоуина. Пол деревянный, не бетонный, как в остальных комнатах. И никаких признаков демона. Но опять же, я не совсем уверен, что следует искать. Гнездо из моих украденных комиксов? Я делаю шаг вперед. Под ногами хрустит стекло.

— Стекло только на одной стороне, — размышляю я. — Думаешь, что-то с пола было отброшено сюда? Если бы это упало сверху, то осколки были бы с обеих сторон.

Пол скрипит, когда Джул осторожно пересекает комнату.

— Это не то, о чем я могла бы подумать, — в ее голосе звучит удивление.

Она с интересом осматривает деревянный стол, начиная открывать ящики.

— Физика, мой дорогой Ватсон, — ухмыляюсь я. — Хотя я и не знаю, насколько лакомый это кусочек.

Я смотрю на лепное украшение на обоях. Кажется, в этой комнате собраны картины и вещи, которые пережили пожар. Большое, гладкое зеркало с запятнанной от времени поверхностью. На нескольких фото под трещинами стекла изображены пара десятков людей, выстроенных перед заводом. Расстояние достаточно большое, чтобы было возможно рассмотреть лица, но интересно узнать, как выглядела лесопилка на рассвете, не заросшая лесом.

Слышится треск, ящик внезапно резко поддается, и Джул теряет равновесие. Она падает, и кусочки блокнота и скрепок обрушиваются на нее. Она вскакивает так же быстро, как и проводит руками по одежде.

— О Боже, на мне есть пауки? Ты видишь пауков? — спрашивает она, нехарактерным ей высоким голосом. — Они в моих волосах?

— Эй, эй, успокойся, — обращаюсь я к ней. — Наклонись, я проверю.

— Я всё время забываю, что я чуть выше тебя, — нервно смеясь, замечает она.

Ее волосы еще мягче на ощупь, чем кажутся. Это не такое уж большое дело, но мое сердце, кажется, думает иначе. Я запускаю пальцы в черные волосы, отдаленно мелькает мысль, есть ли у меня повод продлить эту проверку.

— Мак? — нервничает Джул.

— Ты чиста, — отвечаю, отступая от нее. Надеюсь, я не покраснел.

— Хорошо, — выдыхает она, насторожено осматривая стропила. — Это место меня пугает. Никогда не думала, что подобное будет вызывать мурашки по телу.

— В Нью-Йорке нет насекомых?

— Мак, это место создано для съемок фильмов ужасов. Не хватает только пилы.

Мы уже пали жертвами, совершив первые ошибки, как в ужасах.

— А как же ужасный злодей? — спрашиваю я, опускаясь на корточки, чтобы лучше рассмотреть блокноты.

— Никогда не оставайся в одиночестве, — зловеще говорит она.

— Мы не одни, — указываю я.

— Или не разделяйся. Ты знаешь, что я имею в виду.

— К сожалению, да, — усмехаюсь я. — Я и не догадывался, что ты столько почерпнула из фильмов ужасов.

— Ничего подобного. Мне просто не нравится быть одной.

Мои пальцы натываются на что-то твердое под ключьями бумаги.

— Слишком поздно, Дафна. Фред нашел ключ, — говорю я, поднимаясь с коробкой в руках.

— Я думала, что я Вельма?

Маленькая прямоугольная коробочка, обитая синим бархатом. Полагаю, в нее могло

бы поместиться ожерелье или диадема. Я открываю крышку, но ничего не нахожу внутри.

На подушке отпечаток, соответствующий зеркалу в ручном стиле.

— Я надеялся обнаружить что-то более драматическое, — признаю я.

— Смотри, здесь записка, — говорит Джул, вытягивая клочок бумаги между подушкой и ободком.

Она разворачивает ее, и мы впиваемся взглядами в извилистый почерк.

Беатрикс,

Я починил его, как видишь. Ты сказала, что я смогу, и я сделал это. Я дарю тебе это творение, и считаю мой долг оплаченным. Конструкция улучшена. Теперь это зеркало полезно не только для разговора, оно является защитным, и обладает способностью обнаружить кого-угодно, где бы он ни был.

После всего, что ты узнала, вероятно, ты не захочешь меня видеть.

Но если что...

Сорен.

— Хорошо, — говорю я. — Мне кажется, или этот парень действительно запал на твою бабушку?

Я смотрю на Джул, ожидая, что она смутится, но она ужасно побледнела, продолжая смотреть на листок.

— В смысле, это гадко, или наподобие того

В дверном проеме мелькает тень, я оглядываюсь, ожидая увидеть Дестина.

— Чувак, где ты...

Но это не мой лучший друг. Это Мередит, так называемая Эндер.

Высокая татуированная женщина лениво склоняется к дверному косяку, в ее руке зажата бутылка. Она моргает, словно не уверена, что мы здесь, и делает последний глоток

из бутылки. Видимо, удостоверившись, что мы реальны, она подозрительно нас осматривает.

В этот раз я действительно хорошо ее рассмотрел. Красные татуировки в виде огня охватывают ее горло и спускаются вниз по руке. У нее широкое лицо, серые глаза, которые кажутся огромными. Она одного роста с Джул, но не настолько стройна. На ней рубашка без рукавов и коричневые кожаные штаны.

Указывая на нас пальцем, она говорит:

— Вы не должны быть здесь.

Она бросает бутылку в стену, об которую та разбивается, и начинает надвигаться на нас. Мы оба делаем шаг назад, слыша, как громко скрипит пол. Древесина под нами изгибается и проваливается. Что-то в моем желудке обрывается, когда мы начинаем падать. Затем я чувствую сильный рывок, рука почти выходит из сустава. Женщина крепко держит за руку меня и Джул, которая в шоке смотрит на нее. Поджигательница спасла нас?

— Именно поэтому вас не должно быть здесь, — говорит она, посмеиваясь. — Вы ведь знаете, что эта крысиная яма под запретом, ведь так?

Я чувствую, как мое запястье начинает жечь.

— Ой, ой, ой, — повизгиваю я, почти желая, чтобы она меня отпустила, хотя я и не могу видеть, что в темноте подо мной.

— Незначительные ожоги или быстрая смерть, твой выбор. Не веди себя как женщина, и помоги себе, — невнятно произносит Мередит. — У меня ведь нет суперсилы, чтобы держать вас.

Вздрагивая, я подтягиваюсь свободной рукой и хватаюсь за пол. Я поднимаюсь, чтобы помочь Джул, но Мередит уже вытащила ее.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда она поднимается на ноги. Но Джул

продолжает ошеломленно смотреть на ожог в форме ладоней на моем запястье. Ее руки чисты.

Мерedit этим заинтересована, она пытливно вглядывается в Джул.

— Что-то новенькое, — говорит она, проводя пальцем по подбородку Джул.

Я беру Джул за руку и оттаскиваю ее подальше. Ее пальцы дрожат всё сильнее. Мы отходим до стены.

Мерedit рассматривает, кажется, каждую черту Джул.

— Ты мне кажешься знакомой. Это ты? Несколько оттенков слишком красивы для волка, как по мне. Но что я знаю?

Она смеется шутке, понятной лишь ей. Она хватает Джул за руку, всё еще широко улыбаясь.

Я слышу вопль, и в следующее мгновение хвостатая тень скользит со стропил и запутывается в волосах Мерedit. Бесенок оставляет длинные царапины на ее лице. Она крутится и размахивает руками, пытаясь освободиться от него, при этом из ее уст льется длинная насыщенная ненормативная речь, некоторые слова из которой на языках, которые я никогда не слышал. Она спотыкается, теряя равновесие, и падает в пропасть. Бес же отрывается от нее и приземляется на края воронки.

Он мигает своими большими желтыми глазами, выглядя весьма самодовольным. Всё еще не отойдя от шока, я осторожно придвигаюсь к краю пропасти, чтобы заглянуть в неё. Слабое освещение исходит из пропасти, которая кажется размером в два этажа. Своего рода пещера под этим местом? Не удивительно, что лесопилка под запретом.

В желтоватом свечении я могу разобрать очертания тела Мерedit, насаженного на сталагмит, известковый булыжник проходит сквозь ее грудь. Она стонет, приподняв голову, осматривая свои раны.

— Сукин сын, — ругается она раздраженным голосом.

В этот момент я замечаю, что свечение исходит от ее ран. Магма сочится из ран в ее груди, расплавляя булыжник. Она со стоном и шипением отбрасывает камень.

— Это была моя последняя рубашка! — кричит она, указывая на рваную ткань в области груди, раны на которой уже затягиваются.

Святое. Дерьмо.

Я оборачиваюсь на Джул.

— Нужно сделать перерыв, — говорю я ей.

Она отчаянно кивает и подхватывает упавшую бархатную коробочку.

— После попытки убить бессмертную, можешь, хотя бы бросить вниз мою вторую бутылку? — слышится раздражительный голос Мередит, когда мы уже спешим, чтобы найти Камиллу и Дестина.

— Я не слышала ее, — печально говорит Камилла. — Что со мной не так?

— Но есть и хорошая новость. Видели, каким испуганным был Дес? И ни единого перышка! — говорю я, хлопая его по спине. — Разум над материей, ведь так, приятель?

— Что? Я об этом вообще не думал, — признает он.

Мы решили, что нам следует убраться отсюда, пока Мередит не выбралась, и дом Джул для этого идеально подходил: был расположен ближе всех, и к тому же пуст. Миссис Беа сегодня работает в библиотеке, к тому же Джул настаивала на том, чтобы перевязать мою руку.

Легкий шорох опавшей листвы заставляет меня оглянуться, и впервые, я чувствую облегчение, видя эти неестественные желтые глаза.

— Почему он следует за нами? — спрашивает Дестин, растерянно оглядываясь через плечо на беса.

Он шмыгает по деревьям, в основном, оставаясь вне поля зрения, на расстоянии около двадцати футов, но он определенно следует за нами.

— Не знаю, возможно, он проверяет, не натолкнемся ли мы еще на какого-нибудь огнедышащего бессмертного по пути к бабушкиному дому. Кстати, что она имела в виду, когда говорила о волке?

— Волк? — повторяет Камилла.

— Да, она хотела узнать, не волчица ли Джул. Это что-то вроде метафоры, или...?

— Монстр, — говорит Камилла.

Я поднимаю брови на ее слова, моё удивление почти заглушает жгучую боль в запястье.

— Ага. Что ты знаешь об этом?

— Истории, которые рассказывал Габриэль. Однажды, — она говорит медленно, словно пытаюсь вспомнить слова, — жило семеро героев. Они сражались с монстрами и спасали королевства. Они заработали себе славу, сокровища, любовь, даже несколько королевств. Но со временем они стали высокомерными. Ленивыми. Эгоистичными. Это было... nan po itta, — бормочет она про себя. — Да, они купились на собственный обман.

Так что боги прокляли их, превратив в монстров, которых они когда-то поклялись уничтожать. Прокляли навеки, чтобы они служили напоминанием всем смертным, — ее взгляд обращается вдаль, к крыше дома Джул, виднеющейся поверх деревьев.

— Напоминанием чего? — подсказывает Дестин.

Она смотрит на него.

— Того, что происходит, когда ты теряешь дар, — говорит она.

Я снимаю ботинки на коврикe возле задней двери, уверенный, что если я наслежу в доме, миссис Беа убьет меня. Свою грязную куртку оставляю тут же по той же причине.

Обстановка дома такая же как и до приезда Джул — те же цветастые обои и декоративный фарфор на стенах. Тот же легкий запах старой леди, пыли и регулярной выпечки.

— Здесь где-то должна быть аптечка, — говорит Джул, открывая шкафчики на кухне. — Уверена, найдется что-то для твоей руки.

— Я в полном порядке, не волнуйся об этом, — нагло вру я.

Отпечаток руки Мередит вокруг моего запястья взялся волдырями и стал багрово-красного цвета. Я стараюсь лишней раз не беспокоить руку и не морщиться.

— Здесь ничего, — хмурится Джул. — Только прихватки и ковши.

— Ванная комната? — предполагает Дестин.

— В ванной на первом этаже нет никаких шкафчиков, — говорит Джул нерешительно. — Но есть ванная смежная с комнатой Беа.

Она настороженно смотрит в коридор, будто ее идея — чистое святотатство.

— Серьезно, я в порядке, — еще раз повторяю я.

— Нет, ты не в порядке, — настаивает она. — Я... я сейчас вернусь.

Я осматриваю кухню, поднимаю крышку какой-то баночки.

— Как думаете, здесь где-то спрятаны печенюшки?

— Нас не должно быть здесь, — говорит Дестин. — А это значит, следует оставить всё на своих местах.

Я закрываю крышку и отхожу к окну, через которое видно беса, сидящего на перилах крыльца.

— Это все невозможно. Эй, золотой рейнджер, как добрался?

— Вака по ебі, — ворчит Камилла из коридора. — Просто смотри.

— О, пожалуйста, скажи мне, что ты не в чайной комнате, — говорю я, направляясь к двери. Дестин следует за мной по пятам.

Естественно, она в единственной комнате в доме, где абсолютно всё ужасно хрупкое. Старинные стулья и столы выглядят так, будто сделаны из зубочисток, обитых бархатной тканью; в стеклянных шкафах полно фарфоровых чашек, по виду в которые не стоит наливать ничего горячее чая. Каждые блюдца и чашки единственные в своем роде. К моему удивлению Камилла казалась совершенно очарованной ими. Она рассматривала чашки в форме разных цветов, стоящие в шкафу.

— Я бы никогда не подумал связать тебя с чаепитием, — говорю я.

— Связал? — спрашивает она без интонации. — Я просто люблю чай.

На ее лице появляется красноватое пятно. При мне она впервые настолько смущена.

Дестин стоит посередине комнаты, прижав руки по швам, как будто боится, что одно его прикосновение вызовет цепную реакцию, и весь фарфор разобьется.

Если честно, я бы даже заплатил за такое зрелище.

— Ребята! — окликает нас Джул, стоя в дверях и держа в руках бинт. —

Пожалуйста, выйдите, вдруг вы что-то разобьете.

— Ты говоришь так, будто мы какие-то мега невезучие, — отвечаю ей я.

— Хорошо, твоя взяла.

Взглядом я натываюсь на серию кадров, висящих на стене. Я всегда знал про существование этой комнаты, но никогда не заходил в нее, по понятным причинам, и, соответственно, не мог видеть эту стену. На большинстве черно-белых фотографии изображены две широко улыбающихся девушки: одна бледная с черными волосами, вторая – темнокожая с волосами, выглядящими белыми, несмотря на ее возраст. Пикники, дни на пляже в устаревших купальниках.

— Это не может быть миссис Беа, — говорю я, указывая на фотографию, на которой девочка сидит в кузове пикапа с болтающимися ногами и улыбается в камеру.

— Ты же не думал, что она всегда была старой? — спрашивает Дестин.

— Я просто не думал, что она может быть такой маленькой, — отвечаю я. — Это просто странно.

Дестин рассматривает фото, где эти девушки с двумя парнями в каком-то офисе.

Дестин поворачивается и удивленно восклицает:

— Я думаю, это мой дед.

— Что? Серьезно?

— Да, я узнал полицейскую форму, которую он носил. Не знал, что он дружил с миссис Беа. Кто второй парень? Он выглядит весьма молодо, наверное, нашего возраста.

Несмотря на Джул, издавшую тихий протестующий звук, я снимаю фотографию со стены и отодвигаю заднюю крышку. «Первый рабочий день Омена», — нацарапано на обратной стороне фото. Беа, Цинния, Омен, Марко — 1976.

— Это он, — говорю я, поворачивая фотографию, чтобы все могли увидеть. — Это тот парень, умерший при пожаре. Фото, наверное, было сделано на лесопилке. Он сторел в следующем году.

Дестин прав, он был моложе остальных. Возможно, пятнадцать, в то время как остальные выглядели на двадцать.

— Он выглядит достаточно нормальным для меня, — говорю я.

— Он напоминает мне тебя, — говорит Дестин. Волосы и одежда Омена настолько же темная, насколько бледна моя, но он примерно моего роста — дед Дестина возвышается над ним словно башня. Омен широко улыбается в камеру, не догадываясь, что где-то через год его настигнет смерть.

— Психически нездоровый парень, — говорю я ему. — Что? Он выглядит, как человек, который попадает в неприятности и тащит за собой своих друзей.

Джул, однако, словно приковал к одному месту небольшой портрет на столике. Это рисунок, а не фотография, как всё остальное. Очертание лица почти знакомо, за исключением выражения и волос. Мысленно, я меняю цвет волос со светлого на темно-коричневый, а улыбку на неодобрительную гримасу.

— Почти что Рис, только со светлыми волосами, — говорю я, стоя за плечом Джул.

— Не думаю, что это он, — отвечает Джул со странным выражением лица.

— Дальний родственник, — слышится холодный голос возле двери. В проходе стоит Миссис Беа, скрестив руки на груди. — Что вы делаете в моей комнате?

— Хм... Охотимся на мусор, — выдвигаю предположение я.

Глава 15

Джул

Моя бабушка поймала меня и моих друзей шпионящими в запретной комнате, тогда как мы должны быть в школе. И всё же, именно я была тем, кто чувствовал праведное негодование.

— Что случилось на лесопилке? — спрашиваю я, поражаясь своей самоуверенности.

— Лесопилке? — ей удалось даже не взглянуть на фотографии.

— Мередит сожгла ее сорок лет назад, — говорю я. — Ты была там. Твой друг умер тогда. И сейчас она вернулась, — я вздрагиваю, вспоминая горящие пальцы, удерживающие меня за руку. Но она не обожгла меня.

— Ты знала Создателя Зеркал, — я указываю на портрет. — Не так ли? Бьюсь об заклад, ты знаешь всё. В конце концов, ты ведь не можешь забыть, что все Грэмы являются охотниками...

— Неугомонная девчонка, — сердито говорит Беа. — Так в этом состоял план

Саймона? Он отправил тебя сюда, некую невинную овечку, выпытывать информацию из своих друзей?

Я вздрогнула, будто от удара.

— Что?

— Думаешь, я не вижу, как ты жадно перебираешь каждый лист в Хэйвенвуде? Он послал тебя за зеркалом из Башни. Но я клянусь, он никогда его не получит.

— Речь не о зеркале! — закричала я.

— Почему еще ты копаешься в прошлом с таким рвением?

— Потому что хочу знать, кто я. Мне приходится извиваться, прятаться и врать, потому что никто не отвечает на прямые вопросы.

Вот. Я сказала это. И слова уже не воротить.

Камилла, Мак и Дестин замерли молчаливыми свидетелями моей вспышки.

— Все вы, — говорю я, — ты, Тейлор продолжаете говорить нам не обращать внимания на то, что происходит вокруг, но как мы можем? Мы здесь. Мы уже вовлечены.

Если вы хотите защитить нас, то дайте нам что-то, что поможет защититься самостоятельно. Если этого не сделаете вы, то мы сами найдем, чем вооружиться.

Камилла подошла ко мне, став за моим плечом. Я была благодарна ей за эту молчаливую солидарность.

Беа смотрела недоверчиво, словно видела вовсе не нас с Камиллой, стоящих перед ней.

— Ты не ищешь зеркало? — сказала она, наконец.

Возможно, если я скажу всю правду, она поверит мне.

— Я знаю, где зеркало, — говорю я, наблюдая, как меняется выражение ее лица. —

И даже была внутри, — я поднимаю подбородок. — Я многое прочла. Но отец не имеет к

этому никакого отношения, — уверенно говорю я. — Он никогда не упоминал о нем.

Никогда не позволял посмотреть на его исследования. Я даже не подозревала о существовании магии до глупой случайности. Я никогда не говорила про это моим друзьям, потому что это... слишком. — не ври, просто опускай детали о Рисе. Он не будет счастлив...

— Мне очень жаль, ребята, — я повернулась к остальным. — Я собиралась показать его вам... просто, это слишком личное, — смутилась я.

Он меня убьет.

— Не надо, — резко сказала Беа, после чего смягчила свой тон. — Никому не показывай его, пожалуйста, — она одарила меня долгим взглядом. — Ты хочешь знать правду, Джульетта? Тогда поклянись мне, что будешь держать в тайне его место нахождения с этого момента. Ото всех. Это зеркало важнее, чем вы, я, или даже весь этот город. Ты не можешь сказать Саймону, Камилле, — она посмотрела на блондинку. — Не скажешь даже Тейлору. Я серьезно. Я расскажу, что знаю, но взамен ты поможешь мне охранять его.

Я медленно кивнула. Рис уже знает о нём, но нужно ли мне говорить это Беа?

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Буду держать зеркало в секрете. А теперь расскажи о лесопилке.

Она выдохнула, даже не заметив, когда задержала дыхание.

— Просто помни, что сама попросила об этом, — говорит она. — Тебе это не понравится. Чем больше узнаешь, тем больше будешь бояться.

Камилла ахнула, глядя в окно. Беа проследила, куда она посмотрела, но быстро успокоилась, столкнувшись взглядами с желтыми глазами.

— О, не беспокойтесь о нем. Он просто голоден, — отмахнулась Беа. Она обвела

нас всех взглядом. — Кто еще голоден?

Мак медленно поднял руку. Остальные последовали его примеру несколько застенчиво.

— Я так и думала. Давайте на кухню, пока не разбили мой фарфор.

— Я никогда не устану от той части, где бес домашнее животное, — говорит Мак, полностью погруженный в созерцание существа на заднем крыльце.

Беа стояла у кухонного стола, пытаясь соединить воедино части того, что она называет «длинным сэндвичем» для ребят, я же жевала морковку.

— Я бы не стала называть его домашним животным, — говорит Беа, закладывая во французский хлеб мясо, сыр и соус. — Но он безвредный. В основном. Бесы крадут только то, что никому не принадлежит, и, возможно, и выглядят как порочные маленькие паразиты, но по-настоящему они опасны только для людей, которые их обидели при жизни, или же если им угрожают. Быстрые маленькие байстрюки, — говорит она, оборачиваясь на существо за окном. — Этого я кормлю уже много лет, но он до сих пор не подходит близко ко мне. Бесы просто не верят тому, что не украли сами.

— И они едят конфеты и пироги? — нетерпеливо спрашивает Мак.

— Этот, да. Они все разные. Вы ведь знаете, какие они, ведь так?

— Не имеем ни малейшего понятия, — беззастенчиво говорит Мак.

— Хорошо, — Беа наблюдала, как желтоглазое существо осторожно нюхает пирог.

— Когда люди умирают, они «переходят дальше», что бы это не значило. Возможно, есть другая жизнь. Возможно, они бесследно исчезают. Кто знает? Но иногда встречается такой идиот, который не может уйти по какой-либо причине, — она пожимает плечами, открывая духовку, чтобы положить в нее половинки сэндвичей.

— Так они призраки? — не терпится узнать Маку.

— Ты прыгаешь впереди меня, мальчик, — делает ему замечание Беа, закрывая духовку. — Когда сердце человека недостаточно сильное, чтобы справиться с переходом, отголосок его ума становится призраком. Вот почему призраки не могут чувствовать. А бесы не могут думать, потому как они результат того, что происходит, когда ум человека достаточно слаб. Они всего лишь далекая тень сердца какого-то несчастного идиота. Они пугливы, непостоянны и импульсивны. Что касается того, что они едят — это зависит от людей, которыми они были. Этот малый не прикоснется к тому, что не сделано из чистого сахара, — говорит она с усмешкой.

Камилла морщится.

— Это еще ничего, — говорит Беа, заметив ее реакцию. — Я как-то видела одного, который существовал исключительно за счет лягушек. Это было отвратительно. Бес снаружи головой зарылся в пирог, крошки летели повсюду. Мой желудок скрутило от мысли, как эти зубы впиваются в живую плоть.

— Этот всё время был неподалеку, — продолжает Беа. — Впервые я заметила его, будучи маленькой девочкой. Я понятия не имею, как долго он бродит вокруг Хэйвенвуда.

— Вы уверены, что это один и тот же? — спрашивает Дестин.

— Я никогда не видела таких глаз прежде. Я не знаю, кем он был при жизни, или как долго мертв, но одно я скажу вам наверняка: он ненавидит Мередит.

— Мы заметили, — кивает Мак.

Мы уже рассказали ей о встрече с Мередит в лесопилке. Беа восприняла это лучше, чем я ожидала — очевидно, она менее зациклена на прочтении лекций, чем Тейлор, и была рада, что мы усвоили урок насчет Эндер.

— Справедливости ради, следует заметить, я еще не встречала человека, который не ненавидел ее, — говорит Беа, доставая из духовки хрустящие половинки сэндвича. Она

ловко перевернула их и, поставив на разделочную доску уже собранный бутерброд, нарезала 2-х дюймовыми кусочками.

— Она бывала в Хэйвенвуде дважды, на моей памяти. И единственная ее цель — убить Волка.

— Да, да, мне всё еще ужасно любопытно узнать, что же это значит? — Говорит Мак, протягивая руку за кусочком сэндвича. — Очевидно, что это не в самом деле живой волк, — добавляет он уже с полным ртом. Его глаза широко открылись. — Я только что понял, то это вкуснейший бутерброд, который я ел за всю мою жизнь.

— Волк — это человек, — говорит Беа, пододвигая доску к Дестину и Камилле, пока Мак не съел всё до последней крошки. — Точнее, комплект силы, который прилагается к человеку. Убей волка, и в этот же год родиться новый. Но невозможно предсказать, кто и где. И каждый из них — плохая новость. Сила волка неизбежно развращает человека, или так говорится, — ее взгляд был обращен вдаль. — Я видела двух из них, и всё еще не уверена насколько неизбежно это на самом деле. Мередит убеждена в этом, и даже имея доказательства обратного, она не помнит о них. Не знаю, почему так получается, но, каждый раз, когда волка убивают, ее воспоминания стираются.

— Но она бессмертна? — спрашиваю я.

— В этом и проблема, — отвечает она, смотря на меня. — Сейчас у нее не больше воспоминаний, чем у тебя. Бессмертные, сделанные из огня, подростки по своей сути.

— Я не обижаюсь, — говорит Мак снова с набитым ртом.

Беа делает ему молчаливое замечание.

— Вы хотите узнать о пожаре на лесопилке. Я расскажу вам. Но вначале необходимо сделать шаг в прошлое, чтобы вы поняли полный смысл. Меня зовут Беатрикс Грэм, столетия назад Гримм. Мои предки изменили фамилию после перехода из

Зазеркалья на эту сторону зеркала, желая скрыться от тиранов. Мои родители ничего не говорили мне, — Беа многозначительно глядя на меня. — Они решили, что в безопасности, что прошло достаточно времени, чтобы их история растворилась для остальной части человечества, — сейчас она встретилась со мной взглядами. — У Сорена были другие предположения.

Видя недоумение на лицах ребят, она пояснила:

— Сорен был Создателем Зеркал. Когда он был еще ребенком и только осваивал свои силы, он создал несколько непреднамеренных аномалий. Одна из них привела меня в Зазеркалье, — выражение ее лица стало абсолютно пустым. — Закончилось тем, что я провела там много времени и привела с собой несколько друзей — сирот войны, которые хотели жить здесь нормальной жизнью, без магии. Цинния Уальд — моя лучшая подруга, и два одичавших мальчика. Марко Херон, — она посмотрела на Дестина, — и Омен Тафт. Омен был словно младший брат для всех нас. Он хотел остаться и сражаться в войне, в которой погибли его родители. Нам же хотелось для него лучшей жизни. Что-то проще. Безопаснее. Цинния нашла ему работу носильщика лесоматериала. Марко стал офицером полиции. Мы думали, что с другой стороной покончено, что может забыть о ней. Но появилась Мередит, — ее тон стал достаточно мрачным, что даже Мак отвлекся от еды и полностью сосредоточился на ее истории. — Я слышала рассказы и слухи о ней, — печальная улыбка скользнула по ее лицу. — Они звучали действительно здорово.

Бессмертный хранитель, защищающий мир от монстров праведным огнем. Вначале, я даже хотела помочь ей найти волка, когда она заявила, что он прячется в нашем городе. Но это было до того, как мы узнали, что это Омен.

Она подошла к окну, смотря, как бесенок свернулся калачиком на сковороде и уснул в остатках сахарной пудры.

— Его характер и вправду ухудшался, но мы все считали это подростковыми гормонами. Он был намного сильнее, чем ему предполагалось, но он был одичавшим, так что мы не обращали на это особого внимания. Думаю, у меня было некое предчувствие, потому как каждый раз, когда Мередит хотела посетить завод древесины, я отвлекала ее... но это был просто вопрос времени. Когда Омену исполнилось шестнадцать, Мередит точно знала, где он. Он, Цинния и я делали инвентаризацию на лесопилке. Вы видели ее останки. Можете представить остальное, — резко говорит она. — Он сопротивлялся, но её нельзя остановить, только задержать. Она сожгла его заживо. Ему было всего лишь шестнадцать. Он даже никому не навредил. Пока... Она говорила: «это пока что», но ведь это был Омен, — Беа повернулась спиной к нам, я не могла видеть выражение ее лица. — Вот тогда я и узнала, что она — настоящий монстр. И поняла, что невозможно укрыться от подобной силы, — она по очереди посмотрела на каждого из нас. — Джон Тейлор до сих пор считает, что возможно. Я же не буду рассказывать вам сказок. Я училась на ошибках, допущенных по неосторожности, независимо от того есть ли у вас сила или нет, — она красноречиво взглянула на Мака, — вы вовлечены, Джульетта права. У Мередит нет пристрастий, мотивов, симпатий, помимо охоты на Волка. Она, не колеблясь, причинит вред любому, кто станет на пути к ее цели, — Беа пристально посмотрела на нас. — Так что, достаточно, чтобы убедить вас держаться от нее подальше?

— Татуированная леди под запретом, — сказал Мак. — Понятно.

— Но мы все еще не знаем, кого она ищет, — говорю я. — В смысле, кто является Волком.

Беа пожала плечами.

— Думаю, я знаю, — говорит Камилла с окаменевшим лицом. — Точнее, думаю, Габриэль знает. Я спрошу у него.

— Габриэль, — мрачно говорит Беа, — не скажет вам ничего, если это не в его интересах. Он приходил в Хэйвенвуд и до этого, и как только получит, что ему нужно, исчезнет. Запомните мои слова.

Камилла резко встала.

— Спасибо за еду, — официально говорит она. Слова Беа расстроили ее.

— Да, лучше вернуться домой, пока мама не стала ничего подозревать, — сказал Мак, предусмотрительно забирая последний кусок сэндвича.

После того как все разошлись, я достала из кармана замшевую коробочку и положила ее на стол перед Беа. Она ахнула, узнавая ее, и, казалось, лишилась дара речи. В конце концов, она нашла слова.

— Где ты нашла ее? — мягко спросила она.

— В шкафчике в лесопилке. В записке было сказано, что она для тебя, так что я подумала, ты захочешь получить ее. Это казалось личным.

Без преувеличений так и было.

Ее задумчивый взгляд остановился на мне на минутку, а потом она снова уткнулась в шкатулку, пальцами едва касаясь ткани.

— Некоторым людям, — начала она рассеянно, — никогда не положено жить нормальной жизнью, как бы они этого не хотели. Неважно, насколько тяжело мы работаем, чтобы выпутаться, зеркальный мир тянет нас обратно...

— В общем-то, это же сказал нам и Тейлор. Он еще добавил, что если мы будем избегать директора, то сможем жить...

Она внезапно засмеялась.

— Несмотря на весь свой гнев, Джон остается оптимистом даже после того, что произошло. Не думаю, что он сможет помочь себе. Что бы он ни говорил, он никогда не

теряет надежду. Но он ошибается, Джульетта. В тот момент, когда ты родилась, твоя судьба предопределилась. Твоя мать только усложнила ее, оставив вас с Саймоном, — она вздохнула. — Боюсь, что я сама ничего для вас не сделала. Сможешь простить меня?

Уголки моих губ изогнулись в полуулыбке.

— Мне следует находить для тебя пустые коробки почаще.

— Я была сурова с Саймоном, — призналась она, отодвигая шкатулку, не заглянув внутрь. — Я чувствовала, что должна. Его отец умер еще до его рождения, даже не узнав о существовании сына... Я боялась воспитывать ребенка одной. Мои родители умерли задолго до этого, у меня не было родственников. Я делала то, что считала будет лучше для него. Я думала, что если он будет расти в строгости, то так я научу его контролю... Я спрашиваю себя, была ли я той, кто заставил его ненавидеть меня и уйти из дома.

— Он Волк? — спрашиваю я.

— Нет, Джульетта, он не Волк. Последний умер шестнадцать лет назад. Тот, кем он является сейчас, вашего возраста, если шаблон остался прежним. Как и Саймон. Он никогда не демонстрировал ту силу, которую видела я. Теперь я знаю, что это из-за Тейлора. Даже когда он был слишком молод, чтобы понять это, Джон поразительно уменьшал силу тех, кто находится рядом. Я никогда не встречала Нуля, имеющего такое сильное влияние, и мы даже не могли подумать, на что он способен, пока Саймон и Кира не ушли. Я пыталась помочь Джону контролировать это, но дело продвигалось слишком медленно. Не так уж и много литературы на этот счет. Почти вся его семья была убита в Зазеркалье, прежде чем они бежали сюда. Джон гасит способности любого фэйри или одичавшего примерно в миле от него. Не думаю, что Рин Унимо это поняла. Если бы она знала, что его присутствие в школе ставит под угрозу ее планы на учеников... вряд ли она бы держала его привязанным к школе. Скорее всего, она загружает его работой в

лаборатории ее [своей] сестры.

— Так это из-за Тейлора, чувства Камиллы не работают? — спросила я недоверчиво. — Это сводит ее с ума.

— Думаю, Саймон также бесился из-за этого, — призналась она. — Он был расстроен отсутствием сил. Но Джон всегда находился рядом с ним. Даже я не знаю, как он выбрался. Скорее всего, ты видела что-то дома, — спросила она, пристально глядя на меня. — Ты единственная, кто был с ним рядом последние пятнадцать лет. Ты должна была что-то заметить.

В общем-то, те же слова сказал мне Габриэль.

— Он не так уж много времени проводил дома, — призналась я. — Чаще всего он занимался исследованиями в университете. Он приносил домой гигантские стопки книг и запирался в своей комнате. И выходил только поесть, — я сглотнула возникший в горле комок. — Или же накричать на меня, чтобы прибралась в квартире.

— И не было никакой поющей мыши, чтобы помочь тебе, — грустно улыбнулась Беа. — Должна признаться, никогда не любила Золушку. Просто не могу понять героиню, которая не знает, когда достаточно.

— Тяжело сказать, когда «достаточно», если не с чем сравнивать, — говорю я, не отрывая взгляда от бледно-голубой столешницы.

Через некоторое время Беа толкает по направлению ко мне упаковку шоколадного печенья.

— Я никогда не думала об этом в таком ключе, — серьезным тоном говорит она.

Я посмотрела на нее с благодарностью, откусывая печенье.

— Так ты знаешь многих Создателей Зеркал? — медленно спрашиваю у нее.

— Только одного, — она подняла брови.

— Каким он был?

— Отрешенным, — через некоторое время ответила она. — Почему ты спрашиваешь.

— Слышала кое-что о семье Райанов, что делает их...

— Неприятными? — криво улыбается она

— Но Сорен был другим? Он часто разочаровывался, — призналась она. — Но он был хорошим человеком. Просто не имел столько контроля над своей жизнью, как над зеркалом.

Я могла бы рассказать ей о Рисе, но сдержалась.

— Так ты думаешь, тяжелые люди достойны усилия?

— Это зависит... — она на секунду замолчала.

— От чего?

— Имеют ли они стоящую причину для того, чтобы быть тяжелыми людьми, — ответила она, протягивая руку за печеньем.

Глава 16

Джул

В понедельник в очереди за обедом я оказалась позади Рисом. Он даже не взглянул на меня, выражение его лица оставалось отрешенным, когда он неуклюже потянулся к лотку с бутербродами. Он делал вид, что мы не встречаемся за пределами школы, игнорируя меня еще пуще прежнего. И это начинало выводить меня из себя.

— Можешь передать ложку? — попросила я его.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, словно спрашивая «серьезно?», и прошел дальше к столу с напитками.

Это меня раздражало. Хоть сто раз он какой-то там магический принц, это не дает

ему право быть настолько грубым. Особенно после всех исследований, которые я провела для него вчера в Башне. Я трудилась несколько часов после обеда, пока Беа была на работе. Я не нашла ничего полезного, но составила список магических зеркал различных видов, который следует упомянуть. Договорились мы или нет, но проявление благодарности не убьет его.

Я продвинулась в очереди и стала за ним возле стола с напитками.

— Я оставила тебе книгу на столе в библиотеке, — шепчу я.

Он как раз тянулся за бутылкой воды, и его рука дрогнула.

— В ней раздел, который...

— Заткнись, — бурчит он себе под нос. — Что я тебе говорил?

— Ты найдешь достаточно интересным, — проговорила я, невинно хлопая ресницами. — Конеч. Что ты думал, я собиралась сказать?

— Я же говорил, мы не друзья, — нахмурился он.

— Какое выражение лица. Мы говорили о химии, и ты испугался, — говорю я, пятясь и изображая робость.

Мне удалось сбить его с толку. Когда я шла к столу, за которым Камилла ела толстую лапшу палочками, я даже почти не ухмылялась. Я села рядом с ней. На подносе у меня еда, которую я набрала по совету Камиллы, под названием «кицунэ удон».

— Как ты произносишь это? — задаю вопрос. — Я знаю, что удон — это лапша, но второе слово.

— Ки-цу-нэ, — произнесла она с ударением на первый слог. Она указала на большие треугольные кусочки, плавающие в бульоне. — Кицунэ — это лиса. Видишь лисьи уши?

— Теперь я не хочу есть это! — восклицаю я.

— Это тофу. Тофу, — упрекает она.

— Знаю, об этом я и спрашивала. Это так мило.

Камилла пожала плечами и потянулась палочками к моей тарелке. Я поспешно придвинула к себе поднос.

— Я пошутила! — смеюсь я. — Ешь свой обед.

— Дамы, сегодня день горячих крылышек, — триумфально говорит Мак, опуская свой поднос на стол.

Шокировано осмотрев наши с Камиллой подносы, он восклицает:

— Вы забыли свои горячие крылышки? Где горячие крылышки?

— Тебе следует еще пару раз сказать «горячие крылышки», — говорит Дестин, спокойно занимая последнее свободное место.

— Все еще вегетарианка, — напоминаю я ему.

— Все еще не имеет для меня никакого смысла, — отвечает Мак.

Камилла с сомнением смотрит на поднос Мака.

— Что? — спрашивает он.

— Куриные крылышки?

— Ну да.

— Они оранжевые, — прозвучал ее комментарий, и она обратила свой взгляд на его бутерброд.

— Минуточку, — медленно начинает Мак. — Ты не... не хочешь ли сказать, что никогда не пробовала куриные крылышки?

— Нет.

— Нет, не хочешь сказать, или нет, никогда не пробовала?

Она моргает, смотрит на меня, потом снова на Мака.

— На оба вопроса: нет?

— Сосредоточься, женщина, это важно. Ты когда-нибудь ела горячие крылышки?

— Не ела, — отвечает она осторожно.

— Это ненормально! — громко восклицает Мак, чем привлекает внимание соседних столиков.

Он подвигает свою тарелку Камилле.

— Вот. Ешь их прямо сейчас. Моя щедрость не знает границ.

Камилла выглядит озадаченной, но, тем не менее, тянется к его тарелке. Мак внезапно отодвигает тарелку.

— Не бери в голову, у моей щедрости есть границы. Я забыл, что ужасно голоден.

Он хмурится.

— Ты серьезно? Никогда?

Камилла пожимает плечами.

Он медленно, будто это причиняло ему боль, придвинул к ней тарелку.

— Ладно, можешь взять одно. Одно! Я действительно умираю с голоду, но не могу позволить тебе жить без горячих крылышек.

— Уверен, что не заберешь его обратно? — спрашиваю я.

— Быстро, бери одно, пока я не передумал.

Камилла снова пожимает плечами и тянется за вилкой.

— Положи на место! — в ужасе приказывает Мак. — Ты и вправду не шутишь. Их едят руками.

— Они в соусе, — хмурится Камилла.

— В этом и суть, — настаивает Мак. — Это как ребрышки, если лицо и руки не в соусе, значит, ты и не ел их.

— Не знаю, я видела, что когда люди едят их, у них только два грязных пальца, — говорю я.

— Они делали это неправильно! — категорически заявляет Мак.

Камилла берет крылышко двумя пальцами, с сомнением глядя на апельсиново-оранжевый соус.

— Хорошо, теперь, — инструктирует Мак, копаясь в своей тарелке, — ты ешь всё, что не является костью. Приятного.

— Мне нравится соус Буффало, но крылышки выглядят так, будто их действительно трудно есть, — замечаю я, возвращаясь к своему супу.

— Ты теряешь смысл, — говорит Мак с набитым ртом. — Если ты не собираешься крушить крылья, с таким же успехом можно есть курицу без костей.

Дестин рядом с ним положил в рот бескостные наггетсы.

— Не думай о том, как это трудно. Думай, как это восхитительно вкусно. И больше не будет никаких трудностей.

— Это звучало бы более проникновенно, если бы у тебя всё лицо не было в соусе, — замечаем Дестин.

Между тем, Камила вытерла руки салфеткой и встала.

— Серьезно? Тебе не понравилось? — интересуется Мак.

— Я собираюсь взять побольше, — хрипло отвечает она, направляясь к буфетной стойке.

— Хорошо, похоже, она в порядке, — признал Мак в ее отсутствие.

Я смотрела по сторонам кафетерия, пока не наткнулась взглядом на Рису, сидящего с Кеем, Хейли и Эмити. Хейли болтала с Эмити, и время от времени тянула за рукав Кея, требуя то одно, то другое. Рис уткнулся в книгу, полностью их игнорируя. Кей наклонился

через его плечо, пытаясь заглянуть в книгу, но Рис резко ее захлопнул, грозно взглянув на Кей. Это не был обычный его взгляд полный презрения — на этот раз в нем была настоящая ненависть. Я вспомнила, как Рис сказал, что Кей его телохранитель. Из-за чего он презирает его? Почему Рис даже в окружении других людей пытается остаться в одиночестве?

Внезапно Кей поднимает голову и, натываясь на мой пристальный взгляд, подмигивает мне, как и в первый день. Я быстро отворачиваюсь, даже не чувствуя ничего будоражащего и волнующего, как прежде. Между тем, как он внезапно появился и исчез возле пустой лаборатории, и взглядом, каким одарил его Рис, не говоря уже о том, что он сделал с дневником моей матери, Кей начал действовать мне на нервы вовсе не из романтических побуждений.

Этой ночью я не могла уснуть, так что я выбралась из постели и отправилась в сад к зеркалу. Башня, к счастью, была пуста. Середина ночи, как-никак. Я не ожидала увидеть здесь Риса, не думаю, что сегодня у меня достаточно сил, чтобы справиться с ним. Толстый том лежал на середине стола, я подошла поближе, осматривая его. Должно быть, Рис забыл положить книгу на полку. Книга выцветшего красного цвета с потертым золотым оттиском.

Энциклопедия волшебства, третье издание. Выглядит многообещающе, я открывала книгу. Собственность Рунесонского монастыря, написано на развороте. Любопытно. Кто-то украл книгу и принес сюда, или Создатель Зеркал воспроизвел ее по памяти? Я просмотрела оглавление, надеясь найти упоминание о железных мечах. Я старалась не отвлекаться на другие интересные названия, такие как «Применение крови фэйри», «Алхимия и другое человеческое колдовство», «Бессмертные в фольклоре», «Драконы на протяжении веков», «Выпечка с помощью магии». И лишь в конце страницы я увидела

заглавие «Магические свойства железа». Уже что-то. Это может пригодиться Камилле. Я нашла нужную страницу и с нетерпением начала читать:

Железо наиболее благоприятное для магии и восприимчиво для различного рода заклинаний. Однако используется не часто из-за свойства поглощать больше, чем требуется. Жадный металл — железо, фэйри избегают его использовать из-за непредвиденных последствий и свойства обращать магию во вред. По этой причине, они накладывают чары на дерево или такие металлы как золото и серебро, хотя это и сложнее. Железо вредно для дриад, чья сила берет начало из земли и растительной жизни. Железо можно использовать, чтобы заблокировать их связь с землей и флорой, что делает дриад беспомощными. Смотри главу 12 для дальнейшей информации о дриадах и других гибридах.

Незачарованное железо могут использовать одичавшие или люди; зачарованное — только люди, или же возникнут непредвиденные последствия. Хотя одичавшие (как и люди) не могут колдовать, летучая магия реагирует на магическое свойство их крови. Смотри главу 8 для дальнейшей информации о крови одичавших.

Примечание: зачарованное железо может быть перековано, не теряя заложенной в нем магии.

Железо может быть использовано в качестве портала для бесов. Смотри главу 12 для дополнительной информации о существах Снизу.

Известные зачарованные железные артефакты:

Корона Ангвар — принадлежала монархам человеческого королевства Ангвар.

Предназначена для предотвращения захвата трона не человеческими особями. Поглощает силу любого не-человека, который ее носит. После вторжения и захвата Ангвара фэйри династии Райан корона утеряна.

Серый оберег — щит, используемый жрицами-воинами Теодора Вогела в войне

Храмов. Способен поглощать заклинания и направлять их обратно на нападающих.

Считается единственной причиной, по которой Вогел выиграл битву в Уэйкроссе. Щит находится в Рунесонском монастыре.

Жезл Уилларда Безумного — железная палица, изготовленная Уиллардом Блумом.

Известный как один из самых нестабильных артефактов, который не подчиняется полностью воле владельца. Неизвестно, сошел Блум с ума из-за жезла, или же был безумным еще до его создания. Жезл находится в музее антикварных вещей в Матобе.

Меч Тейлора — наполненный древней силой человеческой семьи Тейлоров меч.

Выкован для уничтожения бессмертных, путем отделения души от тела. Пересек зеркало, когда Тейлоры бежали от Инквизиции.

— Я еще не прочитал, — произнес Рис над моим плечом. От неожиданности я подпрыгнула, не слышала, как он вошел. — Мне следовало быть внимательней к этой книге.

— Тогда оставил бы закладку, — ответила я, чувствуя, как краснею.

— Интересуешься железом? — спросил он, перегнувшись через спинку дивана, чтобы увидеть содержимое страницы.

Я не сказала ему о мече. У меня сложилось впечатление, что Камилла не хочет, чтобы я делилась с кем-то этой информацией, тем более, что Рис не особо ей нравился.

— Хочешь узнать, как ослабить фэйри? — сказал он подозрительным тоном.

— Думаю, в школе завелся бес, — быстро говорю я. — Хотела узнать, как он тут появился.

— Тоже что-то потеряла? — вздохнул он, опуская рюкзак на стол. — Я собираюсь купить Хейли новый браслет, чтобы она, наконец, заткнулась и не вспоминала о старом.

Его образ, сидящим за своим столом с отрешенным видом, всплыл в моей голове.

— Почему ты общаешься с ними? — спросила я.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не дает мне покоя. Я не понимаю. Не похоже на то, что они тебе нравятся.

— Не нравятся, — решительно отвечает он. — Ты не поймешь.

— Попробуй объяснить.

Его глаза сузились, принимая вызов.

— Требуется мало усилий, чтобы дружить с ними. Кей привлекает достаточно внимания к себе, чтобы никто не отвлекался на меня, а Хейли говорит столько, что нет нужды вносить свой вклад в разговор.

— Думаю, ты прав, — сказала я. — Но не понимаю, я бы хотела болтать с людьми, которые мне нравятся.

— Люди мне не нравятся.

— Серьезно? По тебе не скажешь.

Он нахмурился на мой сарказм.

— Я тебя не понимаю. В школе ты испуганная мышь. А здесь... — он сделал неопределенный жест в мою сторону, — совсем другой человек.

— Может быть, я устаю быть мышью, — ответила я, убирая книгу в сторону. —

Думаешь, такая я — лучше?

— Нет, — говорит он и тут же меняет свое мнение. — То есть да. Мыши занимаются своими делами.

— Мыши не ищут тебе книги в зеркалах, — ответила я, намекая на инцидент за обедом. — Кстати, на здоровье.

Он с кислым выражением лица принял от меня книгу и сел по другую сторону

стола.

— Так на что оно похоже? — с внезапным любопытством спрашиваю я. — Твое королевство.

— Раньше существовало много королевств по другую сторону, — отвечает он, — но сейчас — только наше. Большинство из них присоединились к нам по доброй воле, желая той стабильности, которая была у нас. Другие побоялись нашей власти и начали войну, — он пожал плечами. — Они проиграли. Это было давным-давно. Сейчас мой отец правит всем континентом из замка Ангвар.

— Но на что оно похоже? — сказала я. — Так же жарко, как и в Хэйвенвуде? Есть ли Башни? Подземелья? Гобелены? Держу пари, там много гобеленов.

— Не знаю, — нейтрально сказал он. — Я никогда не был там.

— Но я думала...

— Единственный способ попасть туда, — говорит он, закрывая глаза, — через зеркало-переход. Но ни одного из них не осталось, — он посмотрел на книгу, которую я ему дала, — если только кто-то не создаст еще одно.

— Так твой отец...

— Не имеет значение, кто мой отец, если я не могу создать зеркало-переход, — резко говорит он. — Он даже не думает, что я... — Рис резко обрывает себя.

Не думала, что мы наткнемся на такую щекотливую тему. Таким образом, он принц, но только на словах, пока он находится по эту сторону. Я закусила губу.

— Мой отец тоже не особо уверен в моих способностях, — сказала я, слабо улыбнувшись. — Он даже не говорил мне, над чем работает. Будто думал, что я ни на что не годна. И вот я здесь, — я оглянулась, — в магической Башне, помогаю принцу фее вернуть ему право первородства.

— Фэйри, — поправляет он. — Гибриду, — но уголок его рта все же изогнулся в улыбке.

— Эта библиотека огромна. И построена Создателем Зеркал, так? Тут должен быть хоть один паршивый рецепт зеркала-перехода.

— В последнее время я даже не мог изменить окна в святилище, — признался он.

— Не понимаю, что происходит.

— Но ты ведь выяснишь это. Ты весьма упертый.

Мои слова вызвали у него смех. Святое дерьмо, он и в самом деле знает, как смеяться.

— Может быть. Но кто знает, сколько времени это займет? У меня нет вечности, — говорит он.

— Тогда нам нужно сделать тебя бессмертным, — отвечаю я.

— Отлично. Давай сделаем это, фаворитка, — ухмыльнулся он.

— Тебе не стоит называть меня фавориткой, — возразила я.

— Я буду так делать, пока ты не бросишь всё это «принц фей» дерьмо.

— Хорошо-хорошо.

Мне вспомнилось вчерашнее предупреждение Беа об Эндере.

— Кстати, что ты знаешь о бессмертных?

— Я знаю, что не стоит становиться на пути того, кого нельзя убить.

Я была склона согласиться, вспомнив Мередит, насаженную на острие сталактита.

— Их много? Бессмертных, я имею в виду.

— Здесь много людей, на пути которых лучше не становиться, — говорит он. — И много тех, кто проживает долгую жизнь. Но я слышал лишь о трех людях, которые действительно бессмертны.

Он переложил несколько книг, пока не достал одну со старыми исписанными пергаментными страницами. Рис сел рядом со мной на диване, положив книгу на стол посередине.

— Существует легенда о том, что они являются орудием богов. Но люди придумают что угодно, чтобы объяснить необъяснимое, — сказал он, открывая книгу на серии портретов, очень похожих на те, которые обнаружила я. — Она охотилась на монстров последние сто лет, — он указал на Мередит. — Но, прежде чем у нее началась амнезия, она сама разрушила много городов. Он, — Рис указывает на Габриэля, именованного здесь также Гокаем, — охотился на монстров. Самопровозглашенный защитник человечества. Был известным целую вечность. — он перешел на человека с зеленоватыми волосами. — Вор, вот он — действительно проблема. Он убивал царей, крал бесчисленное количество ценных артефактов, приводил целые народы к нищете. Они с Мередит совершили много вреда на той стороне, прежде чем перешли на эту. Хемлока никто не видел около столетия. Он где-то прячется, или же кто-то, наконец-то, узнал, как его убить.

Он пожал плечами, я же была потрясена портретом. Он выполнен другой рукой, в углу страницы нарисована извилистая лоза, но это был тот же зеленоглазый мужчина, которого я видела в школьной лаборатории.

Габриэль, Мередит и Хемлок. Трое бессмертных, о которых говорила Камилла.

Ставки на победителя.

— Как долго они здесь находились? — спросила я.

— Никто точно не знает. Они не особо общительны. Не говори мне, что ты с ними сталкивалась, — отвечает Рис, замечая мой взгляд.

— Да пожалуйста, — мои щеки заливают румянец. — Я просто видела портреты

раньше.

— Видела?

Я рассказала ему о том, что произошло в школе с картинами.

Он весьма взволновался.

— Ты разрушила заклинание? Видела пророчества?

Он встал и начал копаться в рюкзаке в поисках блокнота.

— Рассказывай мне всё, что помнишь.

Я действительно напрягла память, пытаюсь вспомнить всё, но самое большее, на что я способна — припомнить разве что треть.

— ...и лиса, — закончила я свой рассказ. — Она была серебряная со слишком умным лицом для обычного животного.

— Лисы умны, — рассеяно заметил он, глядя на свои записки. — Уверена, что не можешь вспомнить больше?

— Мне жаль. Бьюсь об заклад, я не смогу туда вернуться, они, скорее всего, закрыли комнату.

Я плюхнулась на диван, складывая руки.

Рис смотрел на меня со странным выражением.

— Что-то на моем лице? — застенчиво поинтересовалась я.

— Когда твой день рождения? — неожиданно спросил он.

— Первого мая, — ответила я, сбитая с толку.

Он быстро отвернулся.

— Ты нарушила заклинания, скрывающие пророчества. Вероятно, то же самое сделала и с зеркалом в саду. Я не могу правильно управлять стеклом, когда ты поблизости.

И всё же, ты не можешь припомнить и половину картин.

— Там было много картин, — сказала я в свою защиту.

— Согласен, — сказал он. — Но не для того, у кого непогрешимая память.

Моя кожа похолодела.

— Что ты сказал?

— Все Гриммы охотники. А все охотники имеют безупречную память. Что если...

ты не Гримм?

Я открыла рот и закрыла его.

— Мой день рождения тоже первого мая. Ты сама говорила, что Нуль и Создатель

Зеркал рождаются парами.

— Но... это ведь означает...

Саймон был моим лучшим другом. А она погубила его, сказал Тейлор. Тейлор... и моя мама?

— Он единственный в своем роде, — мягким голосом сказал Рис. — Если ты Нуль, это должно быть он. Разве это так ужасно? Подумай о вещах, которые ты можешь сделать.

Это подарок...

Возможно, если бы ты выглядела хоть немного похожей на него...

— Подарок? — закричала я.

Голова кружилась. Зеркало, разбитое стекло Риса, жалобы Камиллы о слухе, который не работал в школе... в лесопилке... всё из-за того, что там была я. Из-за того, что всё, что я знала неправда.

— Знаю, многие фэйри боятся и ненавидят Нулей, — сказал он, будто я думала об этом. — Но это нормально. Они послушают меня. Я буду держать тебя в безопасности. Ты научишься контролировать это — сама же говорила, эта библиотека бесконечна. Мы найдем что-нибудь. Видишь, мы с тобой команда. Так всегда...

— Всегда что? — истерично воскликнула я. — Должно быть? Чтобы всю мою жизнь мне лгали? Должно быть, чтобы я убила своим рождением мать, чтобы я отделалась в пятнадцать лет от человека, воспринимающего меня как раба, чтобы узнать, что он даже не мой отец, и что мой так называемый «подарок» все разрушает? Я должна была оказаться в какой-то сумасшедшей жизни, с судьбой, к которой не подготовлена, должна...

Его рот накрыл мой, словно моля понять то, что он не может выразить словами. Я никогда не целовалась раньше, и никак не ожидала, что это будет так... настойчиво.

Он немного отстранился, осматривая, насколько ошеломленной я выгляжу.

— Я сказала Беа, — невольно произнесла я, будто поцелуй извлек из меня эти слова.

— Что?

— Про зеркало, — продолжала я, не в состоянии остановить себя. — Она знает, что я прихожу сюда.

Он резко встал, широко открыв глаза. Я потянулась к нему, но он отстранился.

— Думаю, она может помочь тебе, — умоляюще произнесла я. — Она знала, что последний создатель зеркал...

— Конечно, она знала, — яростно закричал он. — Она та, кому было поручено его убить. Мне бы следовало лучше знать — Гримм, Тейлор, какая разница, — вы всегда против нас. Убирайся.

— Рис...

— Выметайся из моего зеркала, — прокричал он, и я со слезами на глазах поспешила вниз по лестнице.

Глава 17

Камилла

Она вошла в кафе. Как всегда, оно пустовало. Казалось, ее предположение относительно того, что в кафе не будут ходить, осуществлялось. Она удивилась звукам приготовления еды, доносящимся с кухни. Засунув руки в передние карманы худи, она облокотилась на дверную лутку. Он стоял спиной к ней, что-то сбивая в миске. Возможно, он готовил ее любимые лепешки.

— Гокей, — позвала она.

Каждый мускул Габриэля напрягся, словно от удара. Глядя на нее, он продолжал мешать, от чего чуть не упал.

— Ненавижу это имя, — ответил он. — Никогда не зови меня так.

— Не собираешься спросить, где я его услышала?

— Не имеет значения, — подозрительно легкий тон. — До тех пор, как ты снова не начнешь говорить так в моем присутствии.

Он озлоблен. Она не видела его таким годами, с тех пор как он стал ее опекуном.

Понятно, она не нравилась ему поначалу. Он же нравился ей еще меньше. Раздраженный, нетерпеливый, беспристрастный. В какой-то момент они перестали бороться и стали командой. Как в тех повествованиях, что он ей рассказывал, она не заметила, когда перестала ненавидеть человека, вошедшего в ее жизнь. Но она замечала, когда перестает доверять ему.

— Это я, ведь так?

— Прости?

— Я Волк.

Медленно он поставил миску и повернулся к ней.

— Теперь я хочу знать, где ты была.

— Не имеет значения, — повторила она его слова. Она действительно начинала

ЗЛИТЬСЯ.

— Расскажи мне сейчас. И не говори: «спроси меня позже», когда огненная

женщина охотится...

— Да, — прервал он ее. — Это ты.

Она проглотила комок в горле. Все признаки указывали на нее, но она надеялась...

одна ее частичка хотела продолжать лгать, потому что так спокойней.

— Так эта женщина, — начала Камилла.

— Ищет тебя, да. И убьет, если поймет что к чему.

— Почему? — спросила она, чувствуя, как страх сковал ее льдом. — Почему ненавидит меня?

— Не тебя. Силу, которая в тебе.

— Это не может быть настолько ужасно...

— Однажды я встречал Волка, — сказал Габриэль. — Самое страшное существо, которое мне приходилось видеть. Он был неуравновешенным, постоянно в подвешенном состоянии. Он уничтожил целый город. И становился всё агрессивнее. Он был живым эквивалентом худшего человеческого оружия, без намека на верность. Без цели. Без сопереживания. Он никого и ничего не любил, — он тяжело вздохнул. — И это я научил его этому.

Камилла удивленно посмотрела на него.

— Почему ты это сделал?

— Я эгоистичный и мелочный, — просто ответил он. — Я хотел наказать его родителей. И когда узнал, что у них родился Волк, понял, как это можно сделать. Я превратил его в ужасного монстра, и его мать была вынуждена убить его, — он беспристрастно смотрел на Камиллу своими темными глазами. — Она пронзила его мечем Тейлоров. Это был единственный раз, когда я видел, как его использовали.

Она подняла левую руку, выставляя на обозрение браслет, сковывающий ее.

Он вздохнул.

— Да.

— Ты сказал, что не крал его.

— Я солгал, — легко согласился он. — Я взял его у Тейлора шестнадцать лет назад. А потом, когда осознал, кем ты являешься, перековал его в этот браслет. Он стремится искоренить магию, как и любой Нуль. Изменение формы не повлияло на его свойства. Но в таком виде, он останавливает, не убивает. Как одичавшая, ты не можешь колдовать, но это течет в твоих венах. Браслет выкачивает это, когда ты близка к тому, чтобы потерять себя.

— Выкачивает что?

Он больше не смотрел на нее, его взгляд сфокусировался на ее руке.

— Мою кровь? — вдруг поняла она. — Это пьет мою кровь?

Он ничего не ответил.

— Да что с тобой не так? — выкрикнула Камилла, пятась за дверь. — Ты больной!

Как ты мог так поступить со мной?

— Это для того, чтобы ты осталась жива, — сказал он. — Чтобы ты не причинила вред окружающим. Чтобы избавить тебя от вины.

— Думаешь, я бы навредила людям? — отрезала Камилла. — Ты так плохо думаешь обо мне, и считаешь, что я буду просто злиться и убивать без причины?

— Я знаю Волка, — ответил Габриэль. — Я столетиями наблюдал за ним. Каждый рождается через пятнадцать или двадцать лет — каждый отличается, но их суть одна. Они никогда не живут долго, когда достигают определенного возраста всё становится очевидным. Слишком откровенный насильственный характер. И сейчас, когда Эндер начала охоту... — он покачал головой. — Давай просто скажем, что то, что они доживают

до двадцати — это уже чудо, которое я никогда не пойму.

Вещица на ее руке начинала пугать, как какой-то паразит.

— Камилла, пожалуйста, — попросил он. — Пожалуйста, послушай меня. Никогда не снимай браслет. Никогда. Я не всегда буду рядом...

— Ты бессмертен, — возразила девушка.

— Я не всегда буду рядом, — повторил он твердо. — И нет никакой гарантии, что

Нуль сможет держать тебя под контролем, когда тебе исполнится шестнадцать, и Волк одержит над тобой верх. Браслет будет держать тебя в здравом уме. До тех пор, пока это будет так, он не одолеет тебя.

Камилла посмотрела на него, с отчаянным желанием поверить.

— Уверен насчет этого?

После всей этой лжи, она уже не могла полностью ему доверять.

— Как ты думаешь, для чего были все тренировки? — он с нежностью провел рукой по ее волосам, однако улыбка задела лишь уголки губ. — Если ты бросишь борьбу, я стану насильно кормить тебя чаем с молоком и шоколадными круассанами, пока ты не превратишься в гигантский мяч.

Камилла поморщилась.

— Фу, чай с молоком?

Габриэль пожал плечами и вернулся к размешиванию [замешиванию].

— Твой выбор. А теперь иди добавь немного блеска на ваш плакат, чтобы завтра на Богом забытом фестивале я смог насладиться видом позеленевшей Рин.

Камилла улыбнулась, хотя на сердце у нее все еще было тяжело.

— Это я, определенно, могу сделать.

Они всегда так делали, но, казалось, что поддразнивание и добродушное

подшучивание закончилось навсегда.

На следующий день школа наполнилась буйством цветов, плакатов и шаров, тянущимся от угла к углу. Нежные бумажные снежинки свисали с потолка. Джул дотянулась до них одной рукой и покрутила в разные стороны.

— Думаю, это самый правдоподобный снег, который мы увидим в этом году.

Камилла усмехнулась, неся коробку с их материалами для фестиваля. Джул держала под мышкой скрученный плакат, стараясь не помять его, пробираясь через толпу. Несмотря на то, что до фестиваля оставалось достаточно времени, большинство учеников уже разложили свои работы, а их семьи и посетители зашли в зал. Камилла одела свою форму кендо, поскольку хотела принять участие в показательных раундах по борьбе позже. По правде говоря, она радовалась возможности одеться не так как все остальные. На Джул надето темно-фиолетовое платье из шелка, который обшит слоем кружева, что делало ее зрительно еще выше и тоньше. Хотя, возможно, это всего лишь каблучки.

Они следовали за потоком людей, проходя мимо столов с наполовину собранными проектами.

— Где Габриэль? Разве он не пришел с тобой? — спросила Джул, и Камилла указала подбородком на стол с пуншем и печеньем, возле которого Габриэль разговаривал с мисс Миллер.

Он выглядел как обычно, разве что более нарядно одет — ничто не указывало на его вчерашний вид.

— Твоя бабушка? — поинтересовалась Камилла.

— Высадила меня у школы, — ответила Джул, отыскивая их стол и срывая с него листок с именами Грэм, Райан, Сакамото, Тиг. — Сказала, что подойдет к началу. У меня такое впечатление, что подобные мероприятия — не ее стихия.

Полуулыбка отразилась на ее лице. Значит, Беа дома. Габриэль увлечен беседой. Ее собственное отсутствие где-то в течение получаса останется незамеченным. Камилла вручила Джул коробку со словами:

— Скоро вернусь, хорошо? — взглянув на Габриэля, смеющегося над шуткой

Шарлотты, она добавила: — Если Габриэль спросит, скажи, я забыла кое-то в кафе.

— Хорошо, — Джул выглядела смущенной, но не возражала. — Только не заставляй меня делать это одной.

Камилла улыбнулась.

— Не буду.

Натянув свой любимый балахон, она поспешила на парковку. Если бежать, она доберется до дома Грэм за пять минут.

Камилла постучала в дверь, вглядываясь в ветхий Кадиллак возле гаража Беа. Она понимала, что Джул ждет ее, но такой шанс может и не выпасть еще раз.

Беа открыла дверь, удивившись ей.

— Камилла?

— Расскажите мне о Габриэле, — попросила она.

Мак

— Дестин может довести нас, мам. Он прямо за углом, не придется долго идти, — прокричал я, стоя возле холодильника. Я умираю с голода, но всё, что вижу — это лишь приправы и остатки запеканки с тунцом. Если мы поедем на машине, то сможем заехать в закусочную смерти*... мой желудок урчит в предвкушении.

— Сколько раз я должна повторить, чтобы ты не ездил с теми, у кого нет прав? —

кричит она через две комнаты. — И не имеет значения, насколько это близко, нет прав — не езды.

Я чувствую себя некомфортно, одетый в то, в чем обычно хожу в церковь. Хейли, состоящую в комитете по декорациям, еще раньше отвез в школу папа по пути в аэропорт. Вот почему нам с Дестином нужно самостоятельно добираться на фестиваль, хотя я всё еще не понимаю, почему мама так строго относится к наличию прав.

Раздался громкий стук в дверь.

— Если это кто-то из почитателей, процитируй им что-нибудь длинное и приятное про суд и ад из Ветхого завета, вежливо скажи, что мы ходим в церковь два раза в неделю и закрой дверь, — прокричала мама из гостиной. — Почему в Библейском поясе кто-то да обязательно ходит от дома к дому... Серьезно... Это как продавать свечи возле мастерской свечей.

Улыбаюсь, касаясь дверной ручки, если вспомню большой кусок из Библии, будет здорово понаблюдать за их вытянувшимися лицами. Но человека по ту сторону двери не удивить судом и адом.

Ухмыляясь, Мередит прислоняется к дверному проему.

— Привет.

Инстинктивно пытаюсь закрыть дверь, но она просовывает ногу в тяжелом сапоге, мешая мне.

— Ты знаешь, где Волк, — говорит она с глазами сверкающими словно огниво. —

Я чувствую его запах на тебе. Вы достаточно близки. Ты должен мне после этого отвратительного заклинания в лесу.

Она одета в коричневую кожаную куртку, но из-под нее выглядывает все та же блузка, порванная в том месте, где ее проткнула скала. Ее кожа бледная и без всяких ран. Я нервно сглатываю. Она не может быть здесь. Это мой дом. Я здесь живу.

— Очаровательный бесенок провернул отличную уловку, — говорит она. —

Делали ли вы тоже заклинание, позволяющее скрыть волка? Ты достаточно молод, чтобы иметь подобные таланты. Я не смогу следовать за зверем, как предполагала, но я могу преследовать тебя, сжигая всё, к чему прикасаюсь, пока ты не отведешь меня к нему, — она смотрит через мое плечо и ухмыляется. — Это он?

Я ощетиливаюсь, инстинктивно зная, что Дестин вышел из кухни.

— Это не он, — говорю я быстро. — Побеспокой кого-нибудь другого. Я не знаю, кто этот твой глупый Волк.

— Знаешь, — заявляет она, глядя на меня сверху вниз.

— Мак, — предупреждающе окликает Дестин.

— Нет, я серьезно, — говорю я, надеясь, что выгляжу уверенно. — Это мой дом.

Ты не можешь войти.

Она плотоядно усмехается.

— Думаешь, я вампир, который не сможет перейти порог без приглашения? Чтиво о монстрах и кино не правдивы. Ты не имеешь ни малейшего представления, с чем столкнулся, маленький мальчик. Я всё еще сдерживаюсь, потому как считаю тебя забавным. Хотя уже начинаю думать иначе. Если ты хочешь продолжать жить своей спокойной маленькой загородной жизнью, то выдашь мне Волка. Это дом такой хрупкий...

— произносит она, глядя на деревянные балки и карнизы на крыльце.

— Ты сошла с ума. Я не знаю никакого Волка, — повторяю я. — Ты выдумываешь

Она не может. Она не может поджечь мой дом. Моя мама в гостиной.

— Если не уйдешь, я вызову полицию.

Она громко смеется над моими словами.

— Давай. Давай. Люблю полицейских. Они, как правило, курильщики, — она

говорит с британским акцентом все тише, заговорщицки. — Легкие, полные смолы, мой

мальчик, горят так же легко как древесный уголь. Выжигание людей изнутри — довольно интересное зрелище.

Я сжал пальцы на ручке двери, чтобы унять дрожь. Что мы делаем? Это реально?

Это дерьмо не произойдет с моим домом. Здесь мои вещи. Это место, где я прячу косметику сестры, играю в видеоигры, отмечаю День Благодарения с моей семьей,

Дестином и его отцом. Когда ищешь приключения, они не должны следовать за тобой и сжигать дом.

— Так мы собираемся все-таки сотрудничать? — говорит она, наблюдая за моим лицом.

Я сплываю, слыша в голове предупреждение Тейлора. Что я делаю?

— Мередит? — мама выходит из гостиной.

Погодите. Что? Женщина на пороге выглядит растерянной, как и я.

— Боже мой, Мередит! — восклицает моя мама, подбегая и заключая ее в объятия.

— Не могу поверить, что ты появилась. Я думала, что никогда не увижу тебя снова.

Почему ты не в Лондоне?

— Я... эээ... — Мередит не знает, что ответить. — Хотела тебя проведать, — неубедительно отвечает она, но мама покупается на это.

— Не могу поверить, что ты вспомнила, где я живу!

— Да, это я, — говорит она. — Всё помню. Это то, что я делаю. Как стальной капкан, — она стучит пальцем по черепу.

Что, черт возьми, происходит.

— Мама, — пытаюсь вмешаться я.

— О, Мак, это моя давняя подруга из колледжа. Мередит Эндер. Я когда-то училась год в Лондоне, — говорит мама

— Веселое времечко было, — ответ Мередит звучит так, будто она не вспоминает, а сопоставляет факты.

— Слишком веселое, — подтверждает моя мама с негромким смешком. —

Интересно, нам еще запрещено заходить в тот паб?

— Это было давным-давно, — неопределенно отвечает Мередит.

Моя мама тяжело вздыхает.

— И не напоминай. Начинаю чувствовать свой возраст. Но смотря на тебя, и не скажешь, что ты как-то изменилась. Так ты собираешься зайти?

— Мама! — громко протестую я. Как она может знать этого человека, если до сих пор хочет, чтобы она зашла в дом.

— Мак, в чем твоя проблема?

В чем твоя проблема? Хотелось мне крикнуть в ответ, но она не поймет.

Татуированная женщина злобно мне улыбается и следует за мамой в гостиную.

— Хорошее жилье, — комментирует она.

— Мы неплохо живем, — скромно говорит мама. — Правду говоря, иногда я просыпаюсь и не понимаю, как здесь оказалась.

— Чьи это мальчики? — Мередит взглянула на Дестина, и я тупо остановился в коридоре. — Они не могут быть твоими.

— Мой только Мак, — говорит она, улыбаясь мне. — Дестин живет по соседству.

Хотя он так часто находится у нас, что и его уже можно назвать моим.

— И то правда, — комментирует Мередит, с любопытством смотря на меня.

Не понимаю внезапно возникшего интереса.

— Он не похож на тебя. Волосы, — она неопределенно махает рукой между мной и мамой.

Мама застенчиво приглаживает свои кудри.

Мне хочется выйти и позвать на помощь, но я не могу оставить свою маму наедине с сумасшедшим магическим поджигателем, несмотря на то, что они давние приятели с колледжа.

И, кроме того, кто может мне помочь? Кто может знать, что делать с этой женщиной? Мысль появляется в моей голове. Миссис Беа. Она знала, что следует делать в библиотеке. Она практически содержит беса в качестве домашнего животного. Возможно, она сможет помочь. Но оставлять маму наедине с огненной леди. Я смотрю на Дестина.

При первом телепатическом обмене, могу сказать, что у него возникла та же идея.

— Ты забыл ту штуку в библиотеке? — спрашиваю его.

— Ага, — отвечает он.

Миссис Беа не работает сейчас, значит, она дома, но Мередит, возможно, подумает, что мы выкручиваемся, чтобы привести Волка. Я на это надеюсь.

— Ты должен забрать ее, — уверенно заявляю. — Я подожду здесь.

— Уверен? — спрашивает Дестин.

— Ну, это мой дом, — говорю я.

Надеюсь, этого достаточно, чтобы мама ничего не заподозрила. Дестин, кажется, это понял.

— Скоро вернусь, — он кивает, бросает беглый взгляд на мою маму и выходит за дверь.

Он тоже заботится о моей маме, я понимаю это. Она в значительной мере заменяет ему мать, после того как его собственная ушла, бросив Дестина в восьмилетнем возрасте.

Сейчас пришло время нам позаботиться о ней.

— Мак, что это было? — произносит Мередит из гостиной, уже чувствуя себя как

дома. — Почему бы тебе не угостить нас с твоей мамой выпивкой? Уверена, у вас отличный бар.

— Немного рановато для этого, — смеется мама.

— Значит, у тебя есть что-то хорошее. Что-нибудь алкогольное, — заявляет Мередит. — Принеси.

— Хорошо, — смягчается мама, краснея, — я держу кое-что особенное, как раз для таких случаев.

Она встает и идет на кухню. Я пересекаю гостиную и сажусь в кресло подальше от Мередит, усевшейся на диван и положившей ноги в потертых ботинках на журнальный столик.

— Ты не можешь удерживать мою маму в заложниках, — говорю я неприязнательно.

— Но ведь это работает, — Мередит бросает на меня хитрый взгляд. — Расслабься, мальчик, как только я получу Волка, я исчезну. Честное скаутское. Лучше бы твой дружок привел его.

— Он приведет.

— Отлично. Тогда мы вернемся к повседневной жизни. Я забуду, что когда-либо видела твое мизерное лицо и навсегда уеду из Хэйвенвуда. Наверное. Вероятно. Не могу обещать.

Мама возвращается с подносом, на котором два бокала и бутылка с темной жидкостью.

— Именно то, о чем я говорила! — радостно восклицает Мередит. — Хорошо сделано, МакЭбби. За что пьем?

— За старых друзей? — улыбается мама.

— За старых друзей, — соглашается Мередит, поднимая бокал. — И за нахождение потерянного, — она усмехается мне и выпивает.

Дестин, беги быстрее.

Камилла

Беа села за кухонный стол напротив Камиллы, она выглядела серьезной.

— Уверена, что хочешь знать?

— Ты говорила, что Габриэль бывал в Хэйвенвуде раньше. Расскажи мне.

— Дважды, на моей памяти. Впервые он появился перед тем, как сожгли лесопилку. Он был осмотрительным, не производил особого впечатления, и, правду говоря, я едва ли его замечала, до его возвращения через шестнадцать лет. Он устроил целый спектакль, занимаясь исследованием, как он говорил, для лучшего места для эксклюзивной частной школы. От имени Унимо.

Камилла думала, ее трудно удивить, однако Бее это удалось.

— Работал на Унимо?

— Мы были бедным южным городком, но пришел он, раскидываясь деньгами, и мечтая о престижном заведении, — сказала Беа. — Люди поверили. Местное самоуправление пускало на него слюни. Он хотел выкупить мой сад, — Беа помрачнела.

— Предлагал мне смешные суммы. Я же не доверяла его интересу и отказалась продать земли, принадлежавшие семье. В конце концов, мы живем здесь с тех пор, как пересекли зеркало и поменяли фамилию. Я не отдала бы землю какому-то чужаку. В конце концов, он согласился на другое предложение. МакАлистер продал корпорации Унимо земельный участок, на котором сейчас и располагается школа, заработав целое состояние.

— Но почему? — спросила Камилла. — Что хотят Унимо?

— Не знаю, — призналась Беа. — До их приезда в Хэйвенвуд, я даже не слышала о

них. Понятно только то, что они заинтересованы в этом районе и привлечении одичавших и фэйри — но я не могу понять их мотивы. Я не планировала отдавать им Джул, но когда увидела ее... просто слишком испугалась.

Испугалась? Джул?

Кто-то громко постучал в дверь.

— Миссис Беа! Миссис Беа! — слышались крики.

Она поспешила к двери, обнаружив за ней вспотевшего и тяжело дышавшего Дестина, казалось, он пробежал ни одну милю.

— Тагуированная леди, — произнес он на одном дыхании. — Она в доме Мака.

— Нет, — охнула она, побледнев и схватив ключи.

Дестин объяснил, что произошло по пути к дому Мака. Руки Беа на руле были напряжены.

— Что за идиот! — простонала Беа. — Что он думает, он сможет сделать? Он беспомощен, как и Эбби.

— Он послала меня к вам, — напомнил Дестин.

Ее рот изогнулся в мрачной усмешке.

— Эта проблема намного больше, чем вы предполагаете. Мередит не было в Хэйвенвуде шестнадцать лет, и она не может помнить и минуты из этого. Если бы мы знали, кто ее цель, где Волк, то могли бы начать планировать...

— Хм... — откликнулась Камилла. — Ну...

В зеркале дальнего вида Беа нашла взглядом Камиллу. Беа выругалась.

— Это ты, не так ли?

— Ты? — воскликнул Дестин, невольно отодвигаясь от Камиллы.

Перо выскользнуло из воротника и скользнуло между ними.

— Прекрасно, — проворчала Беа.

Она остановила машину около большого привлекательного двухэтажного дома с тщательно ухоженным садом.

— Вы двое остаетесь в машине, — настойчиво произнесла она. — Дестин, если что-то случится, — Беа передала ему ключи, — едешь в школу, находишь Тейлора и рассказываешь ему...

Именно в этот момент открылась входная дверь. Мак выбежал им навстречу.

— Идемте, — взволновано сказал он. — Всё в порядке, но, думаю, нужно...

Беа быстро вышла из машины и последовала за ним в дом. Дестин и Камилла переглянулись и направились за ними.

Внутри женщина, одетая в кожу валялась на дорогом по виду ковре, прижимая к себе пустой стакан из-под виски. Коротко-стриженная блондинка — Камилла предположила, что это мать Мака — склонилась над ней. Заметив их, она выпрямилась, сложив руки на груди, и слегка улыбнулась шокированной Беа.

— А вы говорили, что обучение актерскому мастерству — пустая трата времени.

Беа слегка покачала головой, будто пытаясь прояснить мысли.

— Беру свои слова обратно, Эбби, беру все их обратно. Что ты сделала?

Миссис Дюпре подняла хрустальный графин, наполовину заполненный темной жидкостью.

— Я держу бутылку для особых случаев. Даже у бессмертных нет иммунитета от сшибающих с ног капель. Она, возможно, и забыла, когда последний раз приезжала в город, но не я, — она издала неприличный звук. — Лондон. Хотела бы я учиться там.

— Она не будет счастлива, когда проснется, — мрачно заметила Беа.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя есть план на случай непредвиденных

обстоятельств, — миссис Дюпре обеими руками обняла Мака и Дестина за плечи. — Вы поступили очень умно, мальчики, но напомните мне позже прочитать вам лекцию о разговорах с незнакомцами.

Мак со страхом посмотрел на маму.

— Ты вроде гения, — озвучил он слова, не раз приходившие ему на ум.

— Было бы трудно предвидеть Эндер, лежащую на твоём полу, дорогая — сказала Беа. — Но есть способ, как задержать ее на некоторое время... помоги мне отнести ее в машину.

Миссис Дюпре от удивления округлила глаза.

— Что?

— Делай, как я говорю, девочка, пока она не проснулась, — отрезала Беа. — Или ты этого хочешь?

Лицо миссис Дюпре стало суровым.

— Да, мэм, — ответила она. — Да, мэм, я сделаю.

Мак

Нам пришлось надеть термостойкие рукавицы, чтобы дотащить Мередит до машины Беа, а после и до ее дома. Нам с Дестином пришлось потрудиться, чтобы вытащить ее из машины, но мы справились. Я просто надеюсь, что у Беа действительно есть способ удержать ее. Мередит может проснуться в любую минуту, и я сильно сомневаюсь, что она обрадуется тому, что ее опоили и похитили. Ничего не объясняя, Беа направляет нас в ее [свою] комнату с чашками.

— Что, фарфор — ее криптонит? — раздраженно произношу я.

Беа бросает на меня испепеляющий взгляд, подходя к шкафу, расположенному вдоль стены, и поворачивает книгодержатель в форме шахматной фигуры. С грохотом

книжный шкаф уходит в стену, открывая взгляду ступени, ведущие вниз, и компьютерный монитор, спрятанный в нише.

— Еще одна лестница, — хладнокровно говорит Беа. — Быстрее, у нас мало времени.

Стерев изумление с наших лиц, мы с Дестином тащим бессознательную бессмертную по каменным ступеням вниз, ощущая как воздух становится прохладным и сухим.

Беа рукой останавливает Камиллу на первой ступени.

— Оставайся здесь, — говорит она ей. — Следи за монитором.

Понятно, что Камилла, как и я, не считает, что смотреть в монитор — такая уж необходимость, но она выглядит даже благодарной.

В машине она села так далеко от Эндер как могла... и шла в дом на расстоянии от нее. Я задался вопросом: раньше Камилла ничего не боялась, а оказывается ее страшит алкоголь-поджигательница пяти с половиной футов. Беа набирает код на клавиатуре и дверь распахивается.

— Это какие-то шпионские штучки, миссис Беа, — комментирую я.

— Моя вторая машина — Астон Мартин, — говорит она.

— Правда? — оживился я.

— Нет, — отрезает она, начиная спускаться в подвал.

Каждый кусочек комнаты сделан из камня. Пол, потолок, стены, даже дверь с внутренней стороны из гранита. В центре комнаты стоит клетка размером около двадцати квадратных футов, сделанная из гранита и с толстыми колоннами вместо решетки.

Если у Мередит нет суперсилы, вряд ли она выберется.

— Она же не суперсильная? — спрашиваю я.

— Насколько я знаю, нет, — отвечает Беа. — Она, может, и неуживчивая, но она не Супермен.

Дестин нервно оглядывается.

— Надеюсь, у нее нет друзей с суперсилой?

— У нее нет друзей, — говорит Беа, открывая дверь клетки.

Мы кладем растрепанную женщину в кожанке на пол и выходим. Я, например, рад, что могу снять перчатки. Я потею, находясь длительное время в близости от ее пышущего жаром тела. Беа закрывает клетку на каменный замок.

— Идите наверх, — говорит она нам. — Она зациклена на тебе, и если увидит, это может ее спровоцировать. Я хочу посмотреть, как много она знает.

Мерedit слегка пошевелилась — и это всё, что мне понадобилось, чтобы пулей взлететь по лестнице. Мы с Дестином присоединились к наблюдающей за монитором Камилле. Он показывал четкое изображение клетки и даже со звуком. Должно быть, камера стоит в углу комнаты.

Надеюсь, миссис Беа знает, что делает.

— Почему не сказала, что ты Волк? — спокойно спрашивает Дестин у Камиллы.

— Я не знала. До вчерашнего дня.

У меня отвисает челюсть.

— Серьезно? Ты была им все время?

Слышится стон Эндер, и мы обращаем наше внимание на камеру. Мерedit опирается на руки, пошатываясь.

— Тьфу, такое чувство, будто меня распластали по полу. МакЭбби, у нас есть еще?

Если она ничего не помнит, почему называет мою маму этим нелепым прозвищем?

— Боюсь, что сейчас тебе придется испытать другого рода гостеприимство, —

говорит Беа, оставаясь на значительном расстоянии от клетки.

Мерedit смотрит на нее мутным взглядом через спутанные волосы.

— Святой ад, ты постарела. погоди, кто ты? — она прокашливается,

облокачиваясь на гранитную колонну. — Забудь об этом, мне все равно. Через минуту я сожгу это место дотла вместе с землей, — она снова кашляет. — Она не шутила, говоря про кое-что особенное.

— Мы под землей на уровне двух этажей, — произносит Беа. — Запали всё вокруг, и будешь погребена под пятьюдесятью футами земли и камней.

Казалось, Мерedit только сейчас заметила клетку.

— Камень? Умно. Ты уже запирала меня здесь раньше? погоди, не отвечай.

— Впервые ты приехала в Хэйвенвуд в тысяча девятьсот...

— Я СКАЗАЛА, НЕ ОТВЕЧАЙ, — ревет Мерedit, бросаясь на колоны.

Искры кружат вокруг нее.

Беа даже не шелохнулась, спокойно за ней наблюдая.

— Это может занять некоторое время, но я прожгу себе путь отсюда, — рычит она.

— В конце концов, воспламеняется всё, даже камень. Твои пятьдесят футов щебня станет для меня неудобством, не более. Я достаточно живуча. Посмотри в словаре. Живучесть.

Существительное. Мерedit. Когда же вы люди поймете, что создавая препятствия мне, вы вредите себе?

— Почему ты здесь? В Хэйвенвуде нет ничего интересного для тебя.

— Старуха, ты врешь, — заявляет Мерedit. — Волк здесь, я чувствую его, словно кровавый туман в воздухе. Я должна найти и уничтожить его. Это то, что я делаю. Я скажу тебе тоже, что и мальчишкам Харди, чем быстрее вы мне выдадите его, тем быстрее я от вас отстану. Вы вернетесь к своей скучной жизни, я — в паб. И все в выигрыше.

— А что, если я навсегда оставлю тебя здесь?

— Я ведь только что сказала тебе: всё... плавится, — говорит Мередит, а от ее пальцев начинает дымиться колонна.

— Я уже потеряла двоих из-за тебя, — говорит Беа. — И не потеряю еще одного. Она поворачивается спиной к клетке и идет к двери.

— Ты думаешь, что сейчас он милый, — кричит ей в спину Мередит. — Но через пару месяцев он начнет убивать людей, и ты будешь умолять меня прикончить его.

— Я не понимаю фанатиков, — отвечает Беа. — Уже нет.

Она нажимает что-то на клавиатуре, и тяжелый камень за ее спиной закрывается.

Она поднимается в чайную комнату.

Мы с Дестином и Камиллой ожидаем возле компьютерной панели. Беа оглядывает нас долгим, внимательным взглядом.

— Вам нужно в школу, — говорит она.

— И просто оставить ее здесь? — протестую я.

Монитор показывает огненный шторм вокруг Мередит, колонны клетки раскаливаются докрасна.

Беа прослеживает мой взгляд.

— Да, — говорит она. — Сейчас это самое опасное место. Нам необходим Нуль.

Нам нужен Джон Тейлор.

*Drive thru — возможность обслуживания посетителей ресторана, не заставляя их покидать свои транспортные средства.

Глава 18

Джул

Камилла сказала, что вскоре вернется, но, похоже, она задержится надолго.

Размещая наш эксперимент на столе, я все же надеялась, что она вскоре появится. Я не знаю, как долго смогу стоять тут в одиночестве. Я не видела ни Мака, ни Дестина. Что могло их задержать? Хотя, возможно, я просто не заметила их. В школе полно учеников и их семей, толпящихся около столов, драпированных белой тканью, с различными научными проектами.

Я отступила от стола, чтобы полюбоваться результатом наших рук дела. Хотя, если быть честной, то рук Камиллы в большей степени. Плакат содержал всю необходимую информацию о нашем эксперименте с невидимыми чернилами, поданную ярко и комично. Камилла называет этот художественный стиль — «чиби», который означает необычайно милые крошечные туловища и огромные головы.

— Думаю, блестящие краски были правильным выбором, — сказала я сама себе.

— Я так не думаю, — произнес презрительно знакомый голос.

Я обернулась — за мной стоял Рис, скрестивший руки на идеально выглаженной рубашке.

Чувство вины поднялось во мне наряду с негодованием. Мои движения были резкими, когда я начала перебирать бумаги, разлаживая их по ходу проведения эксперимента с невидимостью. Хотелось бы мне стать невидимой прямо сейчас.

— Я думала, ты не придешь, — сказала я ему, сосредоточившись на плакате.

— Я должен был принести вам это.

Я повернулась, что взять у него папку. Статья. Правильно. Его вклад. Мы встретились взглядами, и я поспешила отвернуться. Он все еще злился на меня.

— Спасибо, что принес, — сухо сказала я, возвращаясь к пробиркам.

Он издал тихий звук удивления у меня за спиной.

— И это всё? — спросил он. — Это всё, что ты собираешься сказать?

— Я не собираюсь извиняться, если ты об этом, — ответила я, пытаюсь сделать так, чтобы мой голос не колебался.

— Ты обещала мне...

— Ты шантажировал меня, чтобы я дала тебе обещание, — сказала я, резко поворачиваясь к нему. Сейчас я достаточно зла, чтобы выдержать его взгляд. Из-за моих каблуков наши глаза оказались на одном уровне. Я старалась говорить тихо, чтобы не привлечь нежелательное внимание.

— У тебя в залоге мой дневник. Ты ведешь себя так, будто я предала твое доверие, но как я могу доверять тебе, когда ты угрожаешь мне?

Это возымело эффект. Сбитый с толку, он осторожно подбирает слова:

— Я должен был... ты... не знаешь, что поставлено на карту...

— Я знаю, что если ты действительно станешь королем в один прекрасный день, ты никогда не добьешься лояльности, продолжая воздействовать на людей с помощью страха.

Я не хотела его злить, но я знала, что он может вести себя лучше, и он не должен постоянно обращаться к запугиванию. Если никто не приведет Рису сравнение, то он никогда не начнет вести себя по-другому.

— У вас всё в порядке? — спросил Тейлор, не отводя взгляда от Риса.

Рис зло на него взглянул, их неприязнь обоюдна.

— Ничего, что бы вас касалось.

Глаз Тейлора дернулся.

— Всё, что происходит в стенах школы касается меня, Райан. Правила составляет директор, но я тот, кто приводит их в исполнение.

— А как насчет того, что за пределами школы? Вы забыли, чья юрисдикция распространяется там?

— Определенно, не твоя, — уныло ответил Тейлор. — Ты не по ту сторону зеркала, Райан. Не знаю, что внушает тебе твоя мать, но у тебя нет королевства здесь.

— Пока, — ответил Рис.

Взгляд Тейлора похолодел.

— Только не говори это директору, — произнес он, словно в шутку.

Взглянув на меня практически раскаивающимся взглядом, Рис пошел прочь.

— Члены королевской семьи, — вздохнул Тейлор. — Они думают, что им принадлежит всё.

Он знает? Я даже не могла взглянуть на Тейлора, несмотря на то, что мне этого хотелось. Хотелось, еще раз посмотреть в его глаза. Интересно, они такого же цвета, как и мои? Знал ли он всё это время? Имел ли малейшее представление?

— Ты видела Шарлотту? — спросил он, оглядывая толпу. — Она должна была регулировать этот беспорядок.

— Она разговаривала с Габриэлем некоторое время назад, — ответила я.

— И на днях, — пробормотал он, практически себе под нос. — Она собирается совершить то, что не сможет потом поменять...

— А вы собираетесь сказать: «Я же тебе говорил»?

Он взглянул на меня, его карие глаза полны холодной силы.

— Или промолчите, — исправилась я.

— Забудь это. Пойду, проверю классы, — проворчал он, уходя в направлении боковой двери.

Я вернулась к плакату, удивляясь, почему некоторые люди только кажутся

страшными. Где Мак, когда так необходимо равновесие.

Будто я призвала его, он появился рядом со мной.

— Святое дерьмо, ты не поверишь, что произошло, — сказал он.

Дестин и Беа стояли позади него.

— Ты видела Джона Тейлора? — спросила Беа, внимательно осматривая толпу.

— Только что был здесь, — ответила я, неуютно чувствуя себя от беспокойства, которое они выражали. — Пошел искать Шарлотту. Пойду, позову его. Присмотрите за столом, пока не вернется Камилла?

— Унимо перехватила ее, когда мы зашли забрать ее вещи с кендо, — сказал Мак.

— Она была с вами?

— Просто найди Джона, — отрезала Беа. — Мы все объясним, когда вы с Джоном вернетесь.

— Хо-хорошо, — согласилась я, направляясь к двери, за которой исчез Тейлор.

Я заметила кого-то внизу на лестничной площадке. Я пошла туда, думая, что это Тейлор, но оказалось, что — Габриэль.

— Что ты... — начало было говорить я, но он закрыл мне рот рукой, указывая на трех людей, стоящих выше по лестнице.

Тейлор

Вот и она.

Я обошел зал, пока не заметил ее в фойе, разговаривающей с кем-то. Ее собеседник стоял ко мне спиной, я видел его темные волосы и длинное шерстяное пальто. Это должно быть Габриэль. Они с Шарлоттой проводили много времени вместе. Шарлотта всегда плохо разбиралась в мужчинах, и ее вкус еще больше испортился, с тех пор как ее братья уехали из города. Она имеет привычку привязываться к людям, которые используют ее в

достижении своих целей. И Габриэль — последний человек с кем бы я ее мог представить.

Я собирался окликнуть ее, отругать, что ушла с фестиваля и не присматривает за учениками. Но этот человек оборачивается, замечает меня, и быстро наклоняется к Шарлотте, целуя. Инстинктивно, я понимаю, что этот поцелуй специально для моих глаз.

Я замираю, кровь холодеет в моих жилах. Саймон.

Я всегда знал, что, в конце концов, он вернется. Но это не то, что я ожидал. Саймон отступает от Шарлотты, ухмыляясь мне в лицо.

Я неправ. Он намного хуже Габриэля.

Шарлотта оборачивается, сверкая ярко-рыжими волосами.

— О, Джон... Смотри, Саймон вернулся домой!

— Это то, что я думаю? — говорю, настолько ровно, насколько могу.

— Посмотри на себя, Тейлор, ты почти что старенький профессор. В точности такой же, как я ожидал, — говорит Саймон, оценивающе осматривая меня и обнимая Шарлотту за плечи.

Я не видел его в течение десяти лет, но он не особо изменился. Появляющиеся морщины на лбу, двухдневная щетина. Темные круги под глазами, крепко сжатые губы.

Но некоторые девушки ведутся на это.

— Я... прости, что не говорила тебе, — сказала Шарлотта. — Я знаю, что ты волновался за него, но он в порядке.

Черт, Шарлотта. Он не может относиться к ней серьезно. Он никогда не обращал на нее внимания. Это своего рода наказание, которое он устроил для меня. Потому что как бы я не хотел забыть, Шарлотте всегда он нравился. Все те ужасные бойфренды, которые у нее появлялись за все эти годы, лишь замена Саймону. Она разваливалась на части, когда

Кира и Саймон сбежали в выпускной год.

— Честно говоря, я не волновался, — отвечаю я.

Саймон прислоняется к перилам, выглядя так, будто он на своем месте. Это задевает меня.

Он никогда не был частью этой школы, он ушел даже прежде, чем ее построили. Я никогда не притязал на Шарлотту, но Хэйвенвуд — часть меня. Я ненавижу ее большую часть времени, и возможно, это заклятие связало меня с ней, но это моя школа, не его. Здесь я ему не подчиняюсь.

— Ты не собираешься рассказать ему нашу радостную новость, Шарлотта? — говорит Саймон.

Шарлота нервничает.

— Скоро появится еще один Грэм, — говорит она плавно. — Настоящий, на этот раз.

Я смотрю на Шарлотту. На ее живот. Она поправилась.

— Джон, не смотри на меня так, — умоляет Шарлотта. — Это хорошая новость.

«Тогда почему ты выглядишь такой виноватой?» — думаю я. У меня в ушах начинает шуметь. Половина меня хочет убежать, по крайней мере, на расстояние связывающего заклинания. Другая половина хочет убить Саймона на месте.

— Это так похоже на него, — говорит Саймон, не отводя от меня взгляд. — Теперь понимаешь? Каково это?

— Каково это? — переспрашиваю я через зубы.

— Ты серьезно собираешься делать вид, что ничего не произошло? — он внезапно закипает, толкая Шарлотту в мою сторону. — Я страдал годами из-за тебя, пытаюсь понять, почему мои силы не работают в собственном доме. И я освободился от тебя... Я

должен был быть в порядке. Но каждую ночь я приходил в свою квартиру, где ждало маленькое отродье, а мои силы уменьшались и исчезали. Ты думал, что я никогда не пойму? Думал, я настолько глуп?

Я перестал дышать, слушая его.

— Нет, — говорю я, а ужасная ночь, которую я пытался забыть, возникает у меня в памяти. Я так ненавижу ее за то, что она манипулировала Саймоном. И мной.

Шарлотта смотрит на меня как на незнакомца. Я пытаюсь унять возрастающую панику.

— Нет, — еще раз говорю я. — Ты придумываешь, Джул не...

— То есть, ты никогда не спал с Кирой? — требовательно спрашивает Саймон, и я вздрагиваю.

Эти слова, сказанные вслух, кажутся слишком реальными. Я хочу, чтобы это было невозможно. Чтобы в ту ночь ничего не случилось.

— Скажи мне правду! — кричит Саймон.

Мой голос звучит тихо по сравнению с его.

— Раз, — сглатываю, — только один раз.

— Одного раза достаточно, — отрывисто говорит Саймон. — Ты хоть имеешь представление о том, что сделал? Я провел исследование. Я знаю пророчество.

Рожденный абсолютной властью и бессилием, — он смеется, и эхо проносится по всему атриуму. — Это твоя девчонка. Монстр из всех монстров. Если бы она была моей, действительно моей, ничего этого бы никогда не произошло. Кира никогда бы не оставила меня. Я никогда бы не украл зеркало у Габриэля Кацуро, а он бы не привез сюда своего питомца Волка. Эндер бы не преследовала его здесь. А я бы не заставил Шарлотту проходить через это, — он целует ее в лоб, но его улыбка остается жестокой.

— Саймон! — она отталкивает его, восклицая с ужасом и трепетом.

— Но всё это произошло, — Саймон смотрит на меня. — И это твоя вина. Я хочу, чтобы ты помнил, что это ты разрушил мою жизнь, когда будешь смотреть на останки своей.

— Саймон, — протестую я, но окна начинают плавиться, стекло стекает и складывается в острозубчатую форму, плавающую в воздухе. Они плавают вокруг него, создавая барьер из кристаллических ножей.

— Моя мать сказала тебе, где зеркало моего отца? — спрашивает он, продвигаясь вперед. — Его шедевр, ведущий в Междумирье. — стеклянные ножи крутятся вокруг него.

— Отдай мне зеркало, и я, возможно, уйду по-тихому.

Я протягиваю руку, пытаюсь оградить Шарлотту. Боже мой, она носит его ребенка.

Он сошел с ума? Я пытаюсь дотянуться до той части меня, которая держит учеников под контролем, но ничего не происходит. Та же тяжесть, которую я чувствую с детства.

Тяжесть, которая подсознательно удерживала Саймона от его истинной силы, той части, которой не место по эту сторону зеркала.

Он посмеивается над моей растерянностью.

— Я выработал иммунитет от Тейлоров за все эти годы, — рычит он, произнося фамилию словно проклятие.

— Тебе нужно лучше тренироваться, если хочешь справиться с кем-то подобным мне. А теперь давай посмотрим, — говорит он, доставая из кармана ручное зеркало с серебряной оправой в виде лозы, — где твоя дорогая дочь?

Джул

Габриэль внезапно убрал руку от моего рта. Он достал из кармана какой-то пузырек и бросил его через перила. Он разбился на полу у ног моего па... Саймона, начался

клубиться желтым дымом. Все трое закашлялись, оседая на пол, без сознания. Стекло, кружащее вокруг Саймона, с грохотом упало на пол.

— Это заклинание? — спросила я.

— Или наука, — ответил Габриэль, — зависит от того, у кого ты спрашиваешь.

Сомневаюсь, что когда Шарлотта давала его мне, она думала, что станет той, на кого оно будет направлено, — проговорил он, начав спускаться по лестнице.

Я нерешительно последовала за ним.

— Возвращаю его назад, — Габриэль забрал из рук Саймона зеркало, положив его в карман своей куртки. Затем из другого кармана он достал небольшой свиток. Он положил его в руку Тейлору, разжав его пальцы.

— Если бы этого было достаточно... — пробормотал он.

Даже в бессознательном состоянии папа... Саймон выглядел затравленным, протягивая руки к чему-то, чего не было.

Очки Тейлора сползли с носа, открывая длинные ресницы, такие же, какие я видела в зеркале. В конце концов, он действительно не знал. Так что, я всего лишь ошибка, которую он совершил. Рожденная абсолютной властью и бессилием. Что папа хотел сказать этим?

— Ты говорила, что хочешь помочь Камилле, — сказал Габриэль, смотря в сторону зала. Она должно быть сейчас там, разогревается для товарищеского поединка. — Как далеко ты готова пойти?

— Что ты имеешь в виду?

— Она Волк, — я ахнула. — Мередит пришла, чтобы уничтожить ее. Но мы не можем использовать меч Тейлора, не подвергнув Камиллу воздействию ее собственной силы. Она будет потеряна. Но существует другой способ нейтрализовать Мередит, —

сказал он, его черные волосы разметались вокруг его лица, когда он резко повернулся ко мне. — Я не был уверен, как добраться до него, до настоящего времени. Оружие спрятано внутри зеркала. Думаю, ты знаешь одно такое. Мы должны добраться до него раньше Саймона. Камилла не будет в безопасности, пока Мередит бродит вокруг, и никто не будет в безопасности, если Саймон заполучит то зеркало.

Беа говорила мне никому не показывать зеркало. Но если Саймон не мой отец, то Беа — не моя бабушка. Не совсем так. Мое сердце сжалось. Я ведь ей ничего не должна. Наверное, она поклялась скрывать его, но жизнь моего друга намного важнее, чем старое пыльное обещание.

Чувство вины вспыхнуло во мне. Беа помогла мне, всем нам, даже Камилле, несмотря на ее недоверие к Габриэлю. Но мысль о том, что Мередит схватит Камиллу... найти кучку пепла, зная, что я могла спасти ее...

— Это только чтобы найти оружие? — спросила я.

— Туда и обратно, — ответил Габриэль. — Нет необходимости задерживаться дольше, чем необходимо.

Казалось, он нервничал. Не хотел идти. Это помогло мне принять решение.

— Хорошо, — согласилась я, не отрывая взгляда от Тейлора.

— Показывай дорогу.

Монстр из всех монстров, как сказал папа. Но ведь он просто завидовал... ведь так?

На небе не было ни облачка, когда машина Габриэля остановилась около дома Беа.

Из трубы клубился дым вместе с искрами пламени, грозящими воспламенить крышу.

— Что...? — удивилась я увиденному.

— Это здесь всё-таки, — мрачно произнес Габриэль. — Я был уверен, что это в школе. Но, похоже, недооценил ее паранойю.

— Что здесь?

— Беатрикс думает, что она сможет сдержать неудержимое, — ответил он. —

Скорее, нужно исправить ее ошибку, пока дом не сгорел.

Он быстро вышел из машины и пошел в дом, я последовала за ним. Он сразу же направился в чайную комнату, внимательно осматривая книжные полки.

— Когда-то здесь находилась дверь, ведущая в подвал, — пояснил он, доставая книги.

Его взгляд остановился на держателе книг в форме шахматной фигуры.

— Королева, не так ли?

Он повернул его, и полка с негромким скрежетом скользнула в сторону. Он одобрительно кивнул, глядя на появившиеся ступеньки.

— Она была очень занятой последние лет десять, — сказал он.

Компьютерный монитор показывал фигуру окутанную пламенем.

— Умная девочка, — прокомментировал Габриэль. — Очень умно и в то же время весьма глупо.

Он надел гарнитуру.

— Мередит? — позвал он. — Мередит, ты меня слышишь?

Пламя уменьшилось, позволяя разглядеть женщину в его центре. Она вся перепачкалась, одежда обуглилась, но в ее взгляде сквозило любопытство.

— Кто там? — спросила она.

Бросив на меня беглый взгляд, Габриэль ответил:

— Старый друг. Дай мне немного времени, и я вытащу тебя оттуда.

— Выпустить ее? — воскликнула я. — Ты сошел с ума?

— Посмотри на нее, — сказал он, отодвигая гарнитуру. — Ты видишь эти стены?

Мраморные плиты, образующие ее тюрьму, покраснели от огненной бури, бушевавшей еще минуту назад. Тлеющие остатки того, что когда-то было прутьями клетки, лежали на полу вокруг нее.

— Твоя бабушка — умная женщина. Но она не знает Мередит так, как я. Тюрьма уже плавится, крыша и вовсе скоро упадет. Камень не остановит ее, возможно, ей хватит еще часа, и когда она выйдет... ты когда-нибудь видела адское пламя?

Он начал спускаться по ступенькам, и я пошла за ним.

— Ты говорил, что она хочет убить Камиллу. Как то, что мы ее выпустим, поможет?

— Твой дом останется целым, например. Я могу сделать так, чтобы она последовала за мной. У меня появился временный план, благодаря которому, она не будет вредить Камилле некоторое время. А окончательное решение этой проблемы мы с тобой сможем найти в Междумирье.

В конце лестницы находилась каменная дверь и клавиатура, утопленная в стене.

Габриэль внимательно ее осмотрел.

— Пять букв... Ох и Беатрикс, — усмехнулся он, набирая на клавиатуре код.

СОРЕН. — Параноидально, но сентиментально, — заметил он, нажимая ввод.

Раздался звук, свидетельствующий о неправильном коде. Габриэль удивленно моргнул, взглянул на фигурку, которая послужила рычагом для открытия двери, и сразу же ввёл новое слово — Гевин. Лампочка загорелась зеленым.

— Откуда ты знаешь это? — спросила я. — Кто такой Гевин?

— Спроси меня позже, — сказал он. — Ты, наверное, хочешь куда-нибудь спрятаться.

Я нервно сглотнула, вспомнив, как цепко она меня схватила в лесопилке.

— Я... я не думаю, что она может навредить мне.

Его рот скривился.

— Везёт тебе, — проговорил он, распахивая дверь.

— Вот и он, — улыбнулась Мередит, обходя расплавленные столбы.

Ее кожаная одежда дымилась.

— Привел мне Волка, красавчик? Я чувствовала, что эта девчонка...

— Это не она, — прервал ее Габриэль, заслоняя меня спиной. — Она Нуль ты не знала?

— Что такое Нуль? — спросила она.

Габриэль махнул на нее рукой.

— Ты забыла. Не бери в голову. Дело в том, что я нашел ее для тебя.

— А я уж думала, ты никогда не переступишь через это, — улыбнулась она.

Взглянув на меня, он шагнул вперед, и что-то ей прошептал. Ее глаза расширились, после чего она рассмеялась.

— Неудивительно. Эти Умино всегда были занозой в заднице. Они делают всё, чтобы меня разозлить.

— Не совсем всё, — сказал Габриэль, отступая.

— Надеюсь, что в следующий раз, когда я тебя увижу, то буду помнить, что я твоя должница. Конечно, ты не хочешь поцелуй на прощание?

— Учитывая возможные ожоги, я пасс, — ответил он.

— Плохо, очень плохо, — рассмеялась она, шагая за дверь.

Я смотрела ей в след с опаской.

— Вы действительно уверены, что так будет правильно?

— Небрежность, решение, принятое в последнюю минуту, вероятности. Не буду

отрицать, риск есть. Ничего не идеально, но в итоге это сработает, — сказал он. — По крайней мере, пока Тейлор не получит свой подарок.

Глава 19

Мак

— О нет... нет, Мак, посмотри, — говорит Дестин, кивая на вход в спортзал.

Я оборачиваюсь и вижу Мередит, пристально осматривающую зал. Я поспешно становлюсь к ней спиной, надеясь, что так она меня не узнает.

— Что она здесь делает? — спрашиваю я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучала паника. — Неужели она сожгла дом? В смысле, так быстро? Там же около трех футов твердого гранита!

— Мы ведь не знаем, на что она способна, — замечает Дестин.

— Что делать? Что же нам делать?

— Нужно увести отсюда Камиллу, — предлагает Дестин.

— Хватай нашу Красную Шапочку в худи, а я беру на себя большого огнедышащего волка, — говорю я.

— Она может воспламенить тебя, — предупреждает он.

— Просто забери ее отсюда, — я толкаю его к додзё, где разогревается перед соревнованием Камилла. Противостояние между нею и Хайдом начнется с минуты на минуту.

Я продвигаюсь к выходу, лавируя между людьми, увлеченными рассматриванием экспонатов выставки. Мередит не вписывалась в общую обстановку, одетая лишь в коричневую кожу, и с торчащими во все сторону волосами. Люди инстинктивно отклонялись от нее, но она не обращала на это никакого внимания. Ее взгляд замер на главном человеке этого вечера. Мне нужно сделать что-то, пока ситуация не стала еще

хуже. Я проверяю как там успехи Дестина, но он даже не подобрался к додзё, всё еще проталкиваясь между столпившимися людьми. Мередит целенаправленно идет к Унимо, разговаривающей с каким-то мужчиной в костюме.

— Вы можете заверить миссис Сорвари, — говорит Унимо, — что ее сын получает максимально возможное внимание и получает отметки лучшие, чем мы когда-либо видели в пределах этой школы.

— Где же Рис? — спрашивает мужчина.

— Был здесь, минуту назад я его видела...

— Привет, я Мередит, — прерывает разговор ухмыляющаяся женщина с британским акцентом. — Давайте уже найдем Волка.

— Простите? — говорит Унимо, смотря на нее как на кучку мусора.

Я снова оглядываюсь на Дестина. Он рядом с Камиллой, но, кажется, спорит о чем-то с Хейли. Когда уже моя глупая сестра оставит нас в покое?

— Скажи мне, где он, — певучим голосом говорит Мередит. — Или я сожгу эту школу дотла.

— Простите меня, — говорит мужчина, уходя. Хоть у кого-то здесь работают клетки головного мозга.

Директор продолжает смотреть на нее с презрением.

— У нас здесь нет... волков, — говорит она. — И врать Эндер — не смешно.

Мередит усмехается.

— Все сомневается.

Она поднимает руку, и огненный шар врезается в один из накладных баннеров.

Люди начинают кричать.

— А сейчас я вру? — спрашивает Мередит.

Унимо с широко раскрытыми глазами отступает от нее.

— Ты не... ты не можешь быть...

Внезапно рядом с ней появляется Хайд, одетый в свое ги. Что-то загорелось, и он ищет источник?

— В чем ваша проблема, леди? — требовательно спрашивает он.

— Хайд, выведи ее из помещения, — голосом на октаву выше, чем обычно, командует Унимо, продолжая пятиться.

— Убирайся отсюда! — кричу я. — Она сумасшедшая.

Мерedit смотрит то на меня, то на директора, заинтересовавшись моим вмешательством.

— Уже слишком поздно, чтобы помочь твоему приятелю, мальчик, — улыбается она мне, — маленькая птичка нащепетала мне об этом.

— Он не мой приятель, — огрызается Хайд.

Хайд замахивается на нее, но она увертывается. И в следующее мгновение она хватает его за руку. Хайд вскрикивает, отстраняясь. Красный отпечаток ладони появляется на его коже. Он, конечно, осёл, но я не собираюсь стоять рядом и смотреть, как его сжигают.

Дистанция. Ему нужно держать дистанцию. Я бегло осматриваю зал и направляюсь к стойке с оружием для додзё. Я хватаю посох и возвращаюсь к Хайду, который толкает между собой и Мерedit стол, чтобы задержать ее. Люди поспешно выбегают из зала.

— Лови, — кричу я ему, бросая орудие.

Удивление на секунду отражается на его лице, когда он ловит посох, но вот всё его внимание сосредоточено на Мерedit.

— Не давай ей прикасаться к тебе, — говорю я ему.

— Правда что ли? — огрызается он.

Он вращает орудием, пытаясь достигнуть Мередит. Она отступает, уклоняясь от удара металлического наконечника.

— Так не честно, малыш, — ухмыляется она, низко бросая огненный шар.

Хайд подпрыгивает, и шар врежется в пол, вздымая кучу искр и пламя. Он вновь делает выпад и ударяет ее в плечо. Она спотыкается, произнося проклятья.

Камилла замерла на другой стороне комнаты. Зал почти пуст.

Она словно загнана в ловушку, ее глаза широко раскрыты, она не сводит взгляда с Мередит, пальцами цепко ухватила за рукав Дестина. Я вижу отсюда, как он уговаривает ее. Что не так с ней? И что не так с ним? Она же такая маленькая, а он целый гигант. Он может просто взвалить ее на плече и унести. Или я должен делать всё сам?

Срабатывает спинклерная система пожаротушения, реагируя на дым и пламя. Дым мгновенно всасывается, но Хайд и Мередит не прекращают свою битву. Она бросает огненный шар, зажигающий один из проектов и рукав рубашки Хайда. С руганью, он отрывает рукав, чтобы затушить огонь.

Пытаясь не попасться им под руку, я бегу к Камилле и Дестину.

— Время убираться отсюда, золотой рейнджер, — говорю я ей.

Она смотрит на меня, и я впервые замечаю страх в ее глазах, который так несвойственен ей. Я колеблюсь.

Мое внимание привлекает крик с другой стороны комнаты. Обернувшись, я вижу

Хайда, растянувшегося на полу, и торжествующую Мередит, возвышающуюся над ним. Я должен бы почувствовать удовлетворение, от того, что его уделали, но, несмотря на его ослиную натуру — он не заслуживает такой смерти. Мередит хватает Хайда за шею. Пар начинает исходить из-под ее рук.

— Досадно, — усмехается она. — Даже немного жаль, что поймала тебя до того, как тебе исполнилось шестнадцать. Если бы ты вошел в полную силу, было бы намного веселее.

Хайд закашлялся. Я слышу запах жженой кожи.

— Мне семнадцать, — говорит он, с трудом двигая губами.

Она хмурится, останавливаясь.

— Нет, — говорит она с сомнением, — нет, это так не работает. Последний Волк умер шестнадцать лет назад, и новому не может быть больше пятнадцати, ты лжешь... — она смотрит на него так, будто может видеть его насквозь.

— Черт, — говорит она вполголоса и потом громко восклицает: — черт побери!

Она отбрасывает от себя Хайда. Он ударяется о стол с презентациями.

— Это не ты. Как так получилось? Ты же идеальная кандидатура. Сильный, быстрый, вспыльчивый. Кроме того, обладаешь регенерацией. От ран почти не осталось и следа. Ты хоть представляешь, насколько редко такое встречается? Как ты можешь иметь всё это и не быть Волком?

— Мой секрет заключается в сбалансированном завтраке, — хрипло отвечает

Хайд, держась рукой за горло. Отпечатки рук еще видны, но ожоги на руках почти исчезли. Сейчас я увидел его в новом свете. Святое дерьмо, да он практически Росомаха.

Мередит выходит из оцепенения и поворачивается ко мне.

— Ты знаешь, где он, — уверенно заявляет она. — Я видела его след на тебе возле библиотеки. Он где-то близко. Ты знаешь. Ты все это время защищал его.

Она хватается за рубашку. Начинает валить дым.

— Скажи мне, — шипит она сквозь зубы, — или я начну с не особо важных частей тела, и буду продолжать, пока ты не ответишь.

— Стоп, — кричит Камилла.

Я поворачиваюсь на голос. Дестин медленно пятится от Камиллы. Воздух вокруг нее, кажется, мерцает. Ее правая рука крепко сжата на браслете, словно она хватается за спасательный круг.

— Черт побери, — бормочет Мередит. — Всё это время, всё, что мне следовало...

Она хватается за меня за голову и ударяет об стену, в полубессознательном состоянии я сползаю на пол.

— Не трогай моих друзей! — кричит Камилла. И не знаю, как такое возможно, возможно у меня галлюцинации, но, клянусь, браслет каплями железа стекает с ее руки на пол, образуя настоящий железный меч.

Глаза Мередит расширяются и она пятится.

— Это не...

Камилла дрожащими руками поднимает меч. Ее левая рука там, где находился браслет, несколько бледнее остальной кожи и покрыта мелкими шрамами. Не думаю, что она даже заметила их. Мечом она указывает на Мередит.

— Предназначен для убийства бессмертных, — рычит она. — Проверим?

На ладони Мередит формируется огненный шар, она ухмыляется:

— Почему бы и нет?

Она бросает огненный шар, Камилла ловит его на меч, разрубивая. Дестин и я пригибаемся, уклоняясь от искр, но их не следует. Огонь исчезает, будто поглощенный мечем.

— Довольно удобно, — усмехается Мередит.

Камилла с криком делает выпад в ее сторону, от которого Мередит уклоняется. Меч задевает ее предплечье и падает несколько ядовитых капель крови, прожигаящие пол.

Мерedit произносит проклятия, и вновь бросает огненные шары.

— Кто в здравом уме будет учить Волка драться на мечах?

Мерedit целится Камилле в ногу, но она ловит огонь на меч. Молниеносное движение, и Мерedit делает шаг, хватая Камиллу за руку с мечом.

Камилла кричит и роняет меч. Он скользит по лакированному полу тренажерного зала. Я инстинктивно тянусь к нему, в надежде поймать, но меч останавливает тот, кто подозрительно долго отсутствовал сегодня весь день.

Кей наклоняется и поднимает меч.

— Давай посмотрим, насколько ты будешь крута без него, — говорит Кей, ухмыляясь Камилле.

Я не могу поверить своим глазам, когда он вместе с мечом исчезает в густом почти дыме.

Даже Мерedit выглядит сбитой с толку. Но быстро приходит в себя, и хватает Камиллу за кофту.

— Я всегда говорю, даренному коню в зубы не смотрят.

Пламя охватывает ее руки, с криком Камилла отталкивает ее, пламя опалило ее одежду и плечи. Она запаниковала и с невероятной скоростью выбежала из зала, сверкая своими золотистыми волосами. Мерedit с проклятьем бросается вдогонку, с куда еще меньшей скоростью.

Тейлор спотыкается, входя в зал, он, побледнев, сжал в руке пергамент. Он идет по обугленным руинам, в центре которых стоим мы с Дестином. Интересно, мы действительно выглядим настолько ошеломляющими?

— Мерedit, — произносит он.

Хайд поднимается на ноги, стряхивая с себя пепел.

— Жаль Тиг, — говорит он. — Теперь мы так и не проведем матч-реванш.

— Она не мертва! — кричу я на него.

Тейлор вздрагивает.

— Камилла? Где она?

— Они просто убежали, — отвечаю я. — И она потеряла меч, или браслет, чем бы оно не было...

— И Мередит знает, что она Волк, — мрачно произносит он, ругаясь.

— Вы можете что-нибудь сделать? — прошу я. — Разве вы не Поглотитель магии или что-то в этом роде. Закуйте ее в лед.

— Это не работает так, — протестует он, затем смотрит на бумагу, которую сжимает в руке. — Есть еще кое-что. Идемте, думаю, я знаю, куда она пошла.

Мы с Дестином спешим за ним.

— И что мне сказать Унимо? — кричит нам вслед Хайд, находясь посреди обугленной мебели и следами огненных ударов на стенах.

Джул, где бы ты ни находилась, пожалуйста, пусть с тобой будет всё в порядке.

Джул

Мы с Габриэлем стояли в саду перед зеркалом, сквозь ветви над нашими головами пробивался лунный свет.

— Я целую вечность не видел его, — сказал он, проводя пальцами по серебряному обрамлению зеркала. Его поверхность пошла рябью, становясь прозрачной и показывая каменные ступени. — Оно помнит меня, как мило, — он слегка улыбнулся, шагая сквозь зеркало в Башню.

Он оглянулся, когда я догнала его, оставляя сад позади каменной прохлады Башни.

Я начала подниматься, но Габриэль так и остался неподвижным.

— Вы идете? — спросила я.

— Нет, то, что нам нужно находится здесь, — сказал он, проводя рукой по железной стене у основания лестницы. От его прикосновения по всему металлу пошла легкая изморозь, и он отдернул руку, будто бы обжегшись.

— Я так и думал, — пробормотал он себе под нос. — Вот где твой выход, дорогая Джульетта. Открой дверь в подвал.

Я посмотрела на железный лист в двадцать футов по ширине и десять по высоте.

— Я... я не вижу никакой двери, — ответила я.

— Она здесь, милая. Закрой глаза и сосредоточься. Я знаю, ты можешь это сделать.

Ты единственная, кто может.

Я закрыла глаза, пытаюсь сконцентрироваться.

— Подумай про соединения и петли, — шептал Габриэль. — Представь их в воображении. Подумай о дверной ручке, открой дверь, перейди из этого места в другое.

— Как она выглядит? — спросила я.

— Это ты скажи мне.

Я сосредотачиваюсь, придумывая дверь. Ее план появился у меня в голове.

Высокая, с нешироким проемом. Вместо ручки отвратительное скульптурное лицо из железа, хмурое, похожее на тролля, с большими угловатыми зубами и широкими немигающими глазами.

— Это не совсем обычная дверь, — пробормотала я. — Где ручка?

— Где же она? — спросил Габриэль.

Что-то в эго голосе заставило меня открыть глаза — передо мной появилась высокая дверь со статуей, смотрящей на меня.

Рефлекторно я сделала шаг назад.

— Здесь есть оружие?

— Железо — единственная вещь, которую я не могу разрушить, даже на пике своей силы. Они думали, я никогда не вернусь сюда. Теперь скажи мне, дорогая, как нам открыть ее?

Внезапно раздался металлический скрежет.

Я отскочила, когда чудовищное металлическое лицо пришло в движение, скрипящим голосом погромев на весь коридор:

— Я не открываюсь для людей, только для Гохей Кацуро.

— Удобно, — произнес Габриэль. — Это я. Так что открывайся.

— Ты говоришь правду, но в тоже время лжешь, — сказала скульптура металлическим голосом. — Ты Гохей Кацуро, но ты и не Гохей Кацуро.

— Разве кто-то из нас действительно знает, кем он является? — предположил Габриэль.

— тайна личности и ее существования, и всё такое. Давай уже, не стоит терять времени.

— Я не могу открыть тому, кто лишь наполовину Гохей Кацуро.

— Не смешно, конечно же он... — начала объяснять я, но Габриэль закрыл мне рот рукой.

— Есть ли у тебя загадка, которую нам следует разгадать? — спросил он скульптуру.

— Это более традиционный метод, ведь так? — он взглянул на меня. — Зачем ты придумала дверь со ртом? Это утомительно.

— Я не... Это не я... — пробормотала я.

Если бы только Рис был здесь. Он бы смог всё исправить.

Нет, Рис не собирается мне больше помогать. Моя напускная смелость испарилась.

Эта чокнутая леди может найти Камиллу в любой момент. Мой отец может появиться здесь с секунды на секунду. У меня нет времени еще и на это.

— Просто откройся уже! — отрезала я, мой голос раздался эхом среди металлических стен.

— Я... открываюсь... лишь для... — скульптура попыталась повторить свои слова, но громкость металлического голоса уменьшалась, пока он вовсе не затих. Скульптура начала таять, что выглядело еще более абсурдно. Она издала несколько стонов, прежде чем окончательно исчезнуть в двери.

Железная дверь приоткрылась, и я увидела лестницу ведущую вниз. Стены, лестница, потолок — всё сделано из железа.

— Прекрасно, — воскликнул Габриэль, поглаживая меня по голове. — Молодец!

Он ступил на верхнюю ступеньку, вглядываясь вниз.

— Молодец, — приглушенно повторил он. Покачав головой, он начал спускаться.

Мы спускались вниз, шаги звоном отдавались от металлических ступеней.

Масляные лампы мерцали у нас над головами.

— Ты должна знать, — резко начал он. — Сейчас, сломав печать, мы ищем мое тело.

Я споткнулась на ступенях позади него.

— Что?

— Это тело... взято взаймы, — сказал он, глядя на меня. — Лучший выход из плохой ситуации.

В конце лестницы он остановился возле двери с зарешеченным окном.

— Я прожил столетье с лицом, которое ненавижу, в ожидании тебя, — он улыбнулся мне, но в его улыбке не было и капли тепла. — После того, как я получу мое тело назад, начнется самое веселье для тебя и меня. Единственная вещь, весьма важная, которую тебе следует запомнить — это то, это наилучший шанс, который у нее есть, — сказал он. — Я хотел сделать это по другому, но не хватает времени. Это вечная проблема смертных, — его губы изогнулись в усмешке. — Время. Оно не идеально, но это

единственный выход.

Габриэль поднял щеколду и толкнул дверь, со скрипом она распахнулась.

Послышались чьи-то мягкие шаги.

— Кто там? — позвал слабый голос.

У меня округлились глаза.

— Там кто-то есть? — прошептала я Габриэлю.

— Дверь? Это я, и в то же время не я, — сказал он, подталкивая меня в сторону проема.

Подвал был размером со школьную научную лабораторию, и каждый ее дюйм обделан железом. В центре комнаты стояла клетка около двадцати квадратных футов.

Внутри нее находился бледный, изможденный человек с изумрудными глазами и длинными зеленоватыми волосами. Я видела его раньше. Где-то видела...

На лице мужчины отразился чистый ужас, когда он посмотрел на Габриэля.

— Что, черт побери, это такое? — спросил Габриэль, осматривая металлическую комнату. — Ни солнца, ни земли. Ничего зеленого или растущего. Я бы медленно сошел здесь с ума. Может, даже и умер. Это и был ваш план? — спросил он у мужчины.

Изумрудные глаза человека за решеткой вспыхнули.

— Вижу, ты такого же мнения, что и я, — прокомментировал Габриэль. — Нашел себе маленького прислужника, не так ли? Неужели он даже приносил тебе небольшие подарки? — он смотрел на книги, журналы и комиксы, лежащие возле клетки.

Человек продолжал молчать.

Габриэль пожал плечами.

— Подробности. Знаешь, что действительно разочаровывает во всем этом? То, что невозможно использовать свою силу. Я надеялся разобраться во всем этом, но, похоже, это

часть заклинания. В смысле у меня не было времени, чтобы изучить все нюансы. Я только нашел заклинание, когда попал в твою глупую ловушку. Это действительно был план Б. Но ты должен быть благодарным, за то что твои силы подавляются. Если бы я мог использовать тебя, то не стоял бы сейчас здесь. И ты бы, наверное, сошел с ума за сто лет, если бы был заточен в этой дыре со мной. В некотором смысле, я сделал тебе одолжение.

Мужчина поджал губы.

— Ты прав, возможно, это и не так, — сказал Габриэль с тяжелым вдохом. — Мир изменился, охотник. Если ты еще не понял этого, из книжного клуба, который тебе натаскал бес, — сказал он, скользя взглядом по разнообразным журналам.

— Люди полностью забыли о нас. Они ни во что ни верят, и ничего не изобретают.

За исключением нескольких. Ваших студентов, если быть точным. Унимо вышли далеко за ваши первоначальные цели в твое отсутствие. — Габриэль пожал плечами. — Хотя... в Зазеркалье Райан в Ангваре готовится к финальной битве. Он практически получил полную власть над другими государствами. На его пути к полному доминированию стоят только фэйри Фарпик. Ты же знаешь, каковы эти Райаны — никогда не могут довольствоваться тем, что у них есть. Но без зеркал-переходов мы будем в безопасности, до тех пор, пока следующий Создатель зеркал не объединит всех.

Мое сердце учащенно забилося. Сила Риса проблематична, но мой отец играючи превратил стекло в лезвия. И я даже понятия не имела, на что он способен.

— Зачем же я говорю это всё тебе? — ледяным тоном спросил Габриэль. — Зачем давать своему врагу какую-либо информацию, — он ухмыльнулся. — Потому что ты умираешь от любопытства. Подожди, пока не увидишь, что мы с Мередит сделаем. Тебе понравится.

Губы зеленоволосого человека изогнулись в оскале.

Меридит и Габриэль? Работают вместе? Что он такое говорит? Его голос стал таким жестоким, лишенным всякого сочувствия. У меня закружилась голова от новой информации. Я совершила ужасную ошибку?

— Она всё еще в своем репертуаре, конечно. Убивает людей направо и налево, когда у нее плохое настроение. В конце концов, никто не знает, как ее остановить, —

Габриэль притворно задумался. — Ой, погодите-ка, ты знаешь. Так что мне следует выпустить тебя, чтобы ты остановил ее. Как в старые добрые времена.

Он потянул за цепочку на его шее, доставая ключ. Человек медленно отступил, пошатываясь. С глубоким недоверием, смотря на то, как Габриэль вставляет ключ в замочную скважину.

— Я позволю тебе выйти, охотник, разве ты не счастлив? — насмехался над ним Габриэль.

— В чем твоя выгода? — скрипучим голосом отозвался человек, когда щелкнул замок.

— Говоришь так. Будто я думаю лишь о себе, — сказал Габриэль, открывая дверцу клетки. — Разве я не могу просто предложить тебе руку помощи?

Он протянул руку и крепко схватил мужчину за ладонь, отчего руны, на его руках ярко запылали.

Потоки энергии заструились между двумя мужчинами, жгуче-яркие, зеленые, исходящие от Габриэля и стремящиеся к зеленоволосому мужчине, а холодно-голубые вихри двигались в обратном направлении, потоки сталкивались между собой в молчаливой борьбе.

Как только потоки энергии сбалансировались, мужчин отбросило друг от друга.

Габриэль сориентировался первым, потянувшись за ключом в двери. Собирался он

закрыть мужчину в клетке? Потом же я вспомнила, что он не Габриэль. Уже нет.

Габриэль в его бледном, заморенном голоде, зеленоволосом теле, прыгнул на мужчину, заваливая того на пол. Он схватил мужчину за горло.

— Кого я обманываю? — спросил он, нечестиво улыбаясь. — Ты слишком хорошо меня знаешь.

Болезненный зеленый свет пульсировал под его пальцами.

— Нет! — закричал человек, задыхаясь, даже когда Габриэль убрал руки.

Кислотные зеленые пятна покрывали шею мужчины, словно татуировки.

Габриэль откинулся назад, тяжело дыша, зеленоватые волосы торчали вокруг незнакомого лица с резкими, высокими скулами и широкой, жестокой линией рта. Он поднял руку, в которой держал шар, сотканный из сгустившегося мороза, который, казалось, борется с зелеными волнами, вьющимися вокруг его пальцев. Другой рукой он потянулся к истлевшему карману, достав из него колокольчик, размером не больше желудя.

Сгусток мороза просочился в небольшой предмет, исчезнув с яркой зеленой вспышкой.

Колокольчик выглядел обычным, ничем не отличающимся от тысячи таких же.

— Какое счастье, что он всё еще здесь, — засмеялся Габриэль, его смех звучал странно, незнакомо. — Спасибо, что сохранил его для меня. Но вот оценить то, что ты сделал с моими волосами, я не могу, — он дернул за находящиеся в беспорядке и свисающие до плеч волосы.

На горле мужчины появился отпечаток руки. Ненависть пылала в темных, сузившихся глазах, которые, как я думала, были у Габриэля.

— Всё, чего ты желаешь всего лишь пыль, — усмехнулся Габриэль, убирая с лица непослушные волосы. — Мы оба знаем, что ты практически бесполезен, когда не можешь говорить. Так что добро пожаловать обратно в мир, Кацуру. Ты до сих пор не можешь

понять меня.

Та же полуулыбка, те же сверкающие зеленые глаза, то же лицо и выражение, которое я видела на рисунке в лаборатории.

Вор. Хемлок. Тот, о ком ничего не было слышно на протяжении столетия.

Бессмертный, считающийся одним из ужасных злодеев истории. Габриэль — Хемлок. Что же я наделала?

Он положил колокольчик во внутренний карман.

— Уверен, твой голос как-нибудь пригодится. Он может быть весьма убедительным в некоторых ситуациях.

С выражением ярости на лице, мужчина бросился на него.

Хемлок поймал его запястья, и резко произнес:

— Haurio.

Мужчина на глазах начал ослабевать, в то время как впадины на щеках Хемлока начали пропадать, а его поза становилась устойчивее. Наконец, Хемлок отпустил мужчину, и тот упал на пол с металлическим звуком. Выглядело весьма больно, но он не мог даже стонать из-за отсутствия голоса.

— Это должно быть знакомо тебе, — непринужденно сказал Хемлок, подталкивая его ногой. Мужчина дышал, но казалось, слишком устал, чтобы двигаться. Хемлок опустил на колени и достал карманное зеркальце с внутренней стороны куртки мужчины, куда он положил его, взяв у папы.

— Я волновался, что будет трудно войти в курс дела, прошло столько времени, — он засунул зеркальце в карман, и с хрустом согнул пальцы. — Я бы предпочел, чтобы ты не следовал за нами. Давай Джульетта, милая, мы и так потратили много времени.

Он потянулся ко мне, я отпрянула.

— Я не кусаюсь, дорогая, — сказал он. — Я здесь, чтобы помочь тебе, помнишь?

— Ты Вор, — закричала я, пятась к двери. — Ты всё это время был Вором!

Он тяжело вздохнул.

— Не сейчас, милая. Я не мог быть хорошим вором без своих сил, ведь так? Мне нужно было заполучить назад свое тело, — он ухмыльнулся. — И я не мог сделать это без тебя.

Мое сердце громко забилося в груди. Это моя вина. Я это сделала. Я открыла дверь, дала ему всё, что требовалось. Если бы только сделала так, как просила Беа.

— У нас мало времени. Но, полагаю, я задолжал тебе объяснения. Меня зовут

Хемлок, но ты можешь продолжать называть меня Габриэлем, если тебе так нравится.

Этот парень здесь — Гохей Кацуро. У нас с Гохейем было небольшое недопонимание в прошлом... как давно, приятель? — спросил он немого человека, который всё еще боролся с собой, чтобы удержаться в сидящем положении. — Давай, просто скажем, целую вечность назад. Это всё так утомительно и сложно.

— Ты соврал! — воскликнула я.

— Может, я и врал о своей личности, — сказал он. — Но я не лгал о том, что помогу тебе. Для нас с тобой не существует никаких ограничений. Саймон уже у цели, девочка, и хотя я не особо достойный гражданин по обе стороны зеркала, но тебе будет гораздо лучше со мной, чем с ним. Он использует твою силу, чтобы захватить мир.

— А для чего ты ее используешь? — требовательно спросила я.

Его улыбка была тревожной.

— Чтобы освободить его, конечно же.

— Не знала, что кого-то нужно освобождать.

— Ты удручающе дезинформирована, — он поднял голову и крикнул: — Бес, ко

мне.

Маленький монстр материализовался на вершине клетки. Он моргнул своими большими желтыми глазами, цепляясь лапами за прутья клетки.

— Ты сделал всю тяжелую работу, укротил его, но сейчас он мой. — Хемлок усмехнулся Гохею. — Иди сюда, — он поманил существо.

Бес поднял голову, из его горла вырвался звук, похожий на щебет птиц.

— Ты знаешь меня, — спокойно сказал Хемлок. — Ты знаешь этот голос. Иди сюда.

Бес поерзал, шире открывая глаза.

Гохей на полу издал звук похожий на фырк, и существо обратило на него внимание.

Он взлетел, приземлившись на его плечо, и в защитном жесте свернув хвост на его шее.

— Ты, должно быть, шутишь, — недоверчиво произнес Хемлок. — Невероятно, чтобы он заметил разницу...

Он сделал шаг в сторону Гохея, и маленький монстр зашипел на него, демонстрируя полный рот острых как ножи зубов.

Хемлок отпрянул с кислым выражением лица.

— Даже проживая века, всё еще познаешь что-то новое, — пробормотал он себе под нос.

Он внезапно поднял голову, будто услышав что-то, что не слышно мне.

— Это уже не хорошо.

Он схватил меня за руку, и потянул к выходу.

— Нам нужно в святилище, сейчас же.

— Я никуда не пойду! — закричала я. — Хочу домой.

— Будь осторожна со своими желаниями, — сказал Хемлок, не отрывая взгляда от

потолка.

Бес, все еще цепляясь за Гохея, закричал на нас, Хемлок же потащил меня до лестницы. Я вырывалась, пыталась дотянуться до открытого зеркала и лес за его пределами. Хемлок же потянул меня вверх по лестнице.

— Я сказал святилище. Контролируй себя, девочка, потому как я не смогу так же легко вытащить тебя, если ты будешь без сознания, — отрезал он.

Я замерла с бешено стучащим сердцем. Что случилось с человеком, который любезно делал шоколад и смотрел на Камиллу так, будто она самый важный человек в мире.

Мы в молчании пошли дальше, пройдя Портера с опустошенным лицом в фойе.

Бросив тревожный взгляд за занавес в библиотеке, Хемлок пошел в противоположную сторону, к хранилищу.

— Единственное, что всегда остается — это Камень, — сказал он, в то время как его зеленые глаза начали блестеть.

Он встал на колени и потянул на себя одну из плит.

Он намного сильнее меня, я бы не смогла его одолеть. Но я могла свести на нет любую магическую силу, а по эту сторону зеркала практически всё соткано из магии. Я осмотрелась. Ряд стеклянных фонарей Риса висел над головой. Я сфокусировала свои мысли на них, желая, чтобы магия, удерживая их, иссякла. В конце концов, они не настоящие, ведь так? Пальцами Хемлок ухватился за что-то маленькое, он рассмеялся, как лопнул первый фонарь над ним. Он облокотился об стену, струйка крови стекала с его лба.

— Джульетта! — взревел он.

Я побежала к завесе, и чуть не столкнулась с Рисом, выходящим из библиотеки.

— Джул, — воскликнул он. — Что...

У меня даже не было времени, чтобы почувствовать облегчение, от того, что я встретила его. Мое сердце ухнуло вниз, когда я увидела, как человек, которого я называла отцом, поднимается по лестнице, сжимая в руке в перчатке железный меч. Где он его раздобыл?

Инстинктивно, мы с Рисом побежали на террасу, так как знали, что другого выхода нет. Нет никакой возможности преодолеть эти высокие стены. Рис положил руки мне на плечи, когда Саймон подошел, указывая острием меча на нас.

— Ты слишком опасна, — сказал Саймон. — Ты всё ломаешь. И не стоишь риска.

Мне следовало догадаться, когда она ушла, — сказал он сердито, — что это было из-за тебя.

Со стен потянулись виноградные лозы, Сайман отскочил, направив на них меч. Там, где он их касался, лозы сохли. Хемлок вышел на террасу, на его пальце сверкало ярко-зеленое кольцо.

— Тут становится слишкомлюдно, — сказал он. — Боже мой, Саймон, у тебя бывали деньки и получше.

— Кто ты? — резко спросил Саймон.

— Хотя, эта ночка стала бурной для всех нас, — продолжил Хемлок, не обращая внимания на его слова. — Лично я чувствую себя прекрасно. Лучше, чем последние сто лет.

Со злой усмешкой он сжал кольцо, и вся стена, казалось, ожила, виноградные лозы набросились на него и меч. Он издал стон, когда ему на спину упал камень.

— Джул, ты нужна мне, чтобы прекратить это, — прошептал мне на ухо Рис. —

Чтобы ты не сделала из штучек Тейлора — мне нужно, чтобы ты прекратила это.

Но я не знала как. Я попыталась сконцентрироваться, но ничего не выходило. Наши

спины буквально прижаты к стене, и Рис на меня рассчитывает.

Хемлок сделал длинный вдох.

— И так, на чем я... — он нашел взглядом меня, и Рис толкнул меня за свою спину. — Ты вдохновляешь самых верных друзей, — прокомментировал Хемлок. —

Точнее сказать, бойфрендов. Ты же знаешь, что нравишься им только из-за милой мордашки? Если бы ты была интересной личностью, то, пожалуй, вокруг тебя было бы несколько подруг.

Как будто он забыл про Камиллу. Гнев начал бушевать во мне.

— Беа и Тейлор были правы насчет вас, — ответила я. — Всё, что вы делали — лгали и воровали.

Хемлок развел руками, в вопросительном жесте изогнув бровь.

— Вор? Это моя природа. Я не контролирую это, как и ты свои... аннулирующие штучки, — он поднял руку, указывая на кольцо. — Которым препятствует это кольцо. А сейчас или ты идешь со мной, или я причиню вред этому молоденькому личику князя.

— Джул, — тихо позвал Рис.

Я пыталась сконцентрироваться. За спиной Хемлока, виноградные лозы, удерживающие меч Тейлора и Саймона увядали.

— Здесь нет другого выхода, — сказала я. — Не существует другого пути из зеркала.

Я вышла из-за спины Риса, и Хемлок довольно улыбнулся. Я взяла Риса за руку, и его тепло словно поддерживало меня.

— Не существует, пока не сделаешь его самостоятельно, — произнесла я, глядя ему в глаза.

Его бледно-голубые глаза заметно расширились. Я представила себе ручку, как

делала это с дверью вниз. Я не почувствовала как исчез барьер, но его не стало.

Хемлок едва пришел в замешательство, когда мы поднялись в воздух посредством столба из стекла. Он закричал в ярости, виноградные лозы направились на нас. Когда я посмотрела на него, то не заметила ни следа от того человека, кем я думала он является, и я не могла не задаться вопросом: что же сейчас происходит с Камиллой.

Глава 20

Камилла

Он должен быть здесь. Обязан. Всё, о чем он предупреждал, становилось явью — Габриэль должен знать, что делать. Он всегда знает, даже когда ничего не объясняет и не делится своими мотивами, он всегда знает, как поступить, когда что-то неправильно.

А сейчас всё шло неправильно.

— Габриэль, — позвала я, толкая входную дверь кафе. — Габриэль, где ты? — в кафе никого не было, свет не горел.

Я побежала по лестнице, проскакивая по две ступени, жалея, что ноги у меня короткие, и я не могу проскакивать по три. Никогда в своей жизни я не была настолько быстрой.

— Габриэль, — закричала я, распахивая дверь его комнаты. Здесь царил обычный беспорядок: не застеленная кровать, гора одежды на полу, стопки недочитанных книг. Ноутбук с заставкой леса освещал комнату болезненным зеленым светом. И никаких признаков присутствия Габриэля.

Я громко выругалась и открыла дверцы его шкафа. Здесь должно быть что-то, что я могу использовать, что-то, что он спрятал для чрезвычайной ситуации. Я отбрасывала коробки с обувью, фотографии, журналы. Мне нужно оружие. Он не мог оставить меня ни с чем. Только не сейчас. Я подумала о браслете — мече — так небрежно упущенном.

Мне следовало слушать внимательнее, ругала я себя. Я думала, что все его истории — выдумка, обижалась за браслет. А потом потеряла. Мои пальцы сжались на страницах журнала. Мне следовало больше ему доверять. Как бы мне хотелось вернуть время вспять, я бы не обращала внимания на слова Беа и Тейлора, отдала бы все на свете, чтобы Габриэль находился сейчас здесь. Я ударила по дверце шкафа, расколов ее.

Я услышала, как открылась дверь внизу так четко, будто я находилась рядом с ней.

Мой слух никогда не был настолько острым. Я вскочила на ноги, сердце гулко билось в груди.

— Габриэль, ты мне нужен! — закричала я, мчась по лестнице, перепрыгивая ступени. И резко остановилась.

Мерedit стояла в дверном проеме.

— В твоём голосе чувствуется такое отчаяние, — прокомментировала она, закрывая за собой дверь. — Не очень привлекательно, детка.

Я сжалась, услышав ласкательное имя, придуманное для меня Габриэлем.

— Ты быстрая, — продолжала говорить она. — Но были и быстрее. Все Волки отличаются друг от друга. Но всё же, каждый Волк — разрушительная сила. Тебе еще нет шестнадцати, — она улыбнулась мне. — Так что я могу остановить это, пока это не вышло из-под контроля. Превентивный удар.

— Я не врежу людям, — сказала я в ответ.

— Ты будешь. Я делаю тебе одолжение, детка.

— Не называй меня так, — отрезала я, ударив рукой по прилавку. Осколки стекла осыпались на пол.

Мерedit изогнула бровь.

— Вот и знаменитый нрав. Ответь на загадку, прежде чем я убью тебя. Что

заставило человека охотиться на шестерых волков, а после прятать седьмого?

— Что? — резко выдохнула я.

— Я не знаю, чем занимался Габриэль до того, как начал помогать мне, — говорит

Мерedit, подходя ближе. — По правде говоря, я вовсе их не помню. Они меня не заботили. Прошлое есть прошлое. Но я не понимаю, почему он прячет тебя. Почему лжет сейчас? Ты не его ребенок — это ясно, — она наклонила голову, рассматривая меня. — Ты же не встречаешься с ним?

Я смотрела на нее в ужасе.

— Я никогда не могла сказать наверняка на этот счет, — Мерedit пожала плечами.

— Все эти кошмарные истории про вампиров в кино. Думаю, это жутко для подростка встречаться с кем-то, кто старше Лондонского моста. А теперь, — она подняла руку, на которой уже тлел огненный шар, отбрасывая тень на стены и пол. — Прежде чем ты начнешь мне нравиться, давай избавим тебя от страданий.

Она бросил шар, я нырнула за разбившийся прилавок. Пламя доставало и через витрину, но я уклонилась от внезапной волны жара. Мои пальцы сжались на куске стекла, лежащем на полу. Мерedit начала подходить ко мне, и я бросила осколок, рассекая ей щеку. Брызги раскаленной крови прожгли дыру в стене. Я начала отходить в сторону столовой. Огненный шар Мерedit, едва не задев мое плечо, попал в дверь, превращая ее в стену пламени. Я резко остановилась и обернулась, чтобы увидеть наступающую Мерedit. Кровь гулко застучала по венам. Я подняла стол, едва заметив его вес, и, рыча, бросила в нее. Она упала, а я бросилась вверх по лестнице. Искры засверкали вокруг нее, словно огненная буря. Пламя потянулось через витрину на кухню, и это лишь вопрос времени, когда оно достигнет газовой трубы.

Я замерла на верху лестницы, лишенная путей отступления.

Мерedit медленно поднималась по ступеням, от нее распространялся огонь, охватывающий лестницу и стены. Она блокировала меня.

— Хороший Волк, — промурлыкала она, в ее темных глазах отражался огонь. — Стой на месте.

Она потянулась ко мне дымящей рукой.

Моя жизнь сгорала вокруг меня, но я не сдамся этому психу. Я вскочила на перила, схватилась за одну из свисающих ламп и разбила витражное стекло.

Я услышала крик Эндер, падая на гравий стоянки, прокатившись несколько футов по камням и осколкам стекла.

Я застонала, это еще хуже, чем быть избитой Хайдом. Я попыталась опереться на дрожащие руки, чтобы встать. Мне нужно убежать прежде, чем она выйдет из здания.

Всё, что спасало меня до этого, так это то, что эта огненная женщина не особо сильна и быстра.

Я начала ползти, адреналин заглушал боль. Я должна найти Габриэля. Не знаю как, но он всё исправит. В кафе позади меня ревело пламя, освещая автостоянку. Тепло волнами исходило от здания.

Всё, что у нас есть, сгорело. Но, думаю, мы сможем начать всё сначала. Он всегда говорил, что мы всё переживем... что я переживу.

Я услышала, как гравий шуршал под сапогами Мерedit позади меня. Я вздрогнула, отчаяние холодной рукой сжало сердце.

Я заставила себя подняться, и стала к ней лицом на дрожащих ногах. Она смахнула пепел с плеча, не отрывая от меня безжалостного взгляда.

— Ты смелая, — сказала она. — Плохо, что Волк возродился в тебе. Думаю, ты бы мне понравилась.

Она потянулась ко мне, но остановилась, широко раскрыв глаза в удивлении.

Габриэль?

Тейлор задвинул меня себе за спину. Мак и Дестин стали по обе стороны от меня.

Мередит простонала.

— Это всё продолжается и продолжается! И как много у тебя телохранителей?

— Я не телохранитель, я учитель английского, — сказал Тейлор, разворачивая бумажный свиток.

Его поверхность украшали странные черные символы. Они напомнили мне святые письмена, которые я видела в Буддийских храмах.

— Какая страшная бумага, — невозмутимо сказала Мередит. — Ты же знаешь, что она недолговечна.

Она вскинула руку, и в меня полетел огненный шар.

Мак

Мы отпрыгнули подальше от огненного шара, но целью Мередит было отвлечь нас, чтобы она могла подобраться к Камилле. Тейлор бросил кусок прямоугольной бумаги в Эндер. Мередит же шла к Камилле, и только я находился достаточно близко, чтобы добраться до нее.

— Камилла, беги! — кричу я, хватая Мередит за руку, в то время как свиток

Тейлора ударяется о ее плечо.

— Черт, Мак! — ругается Тейлор.

Бумага приклеивается к татуированной коже Мередит, словно мокрая ткань. В мгновение ока она начинает полыхать. Дым с шипением спускается по ее руке к моей. Я кричу от резкой боли, с проклятьями она отпускает меня. Ее же рука плетью повисла на плече. Бумага сгорела, но символы, которые были на ней, уже впитались в ее кожу

красным узором пламени, обернувшись троекратно вокруг ее руки.

Я упал на землю в нескольких дюймах, моя рука дымилась.

— Ну, вот опять! — взвыла Мередит, поворачиваясь к Тейлору. — Снова это!

— Ради Бога, Дюпре, проснись, — говорит Тейлор, пятась.

— Что? — взволнованно отозвался я, боль в руке постепенно уменьшалась.

— Я передумала, — разгневалась Мередит. — Думаю, я убью и тебя, — она указала пальцем на меня. — Сначала Волк, а потом его спасательная команда.

Ее губы изогнулись в злобной усмешке, когда в ее руке материализовался огненный шар.

— Хочу, чтобы ты никого не убивала, — пробормотал я, прижимая невредимую руку к голове.

Мередит замерла с широко открытыми глазами. Огненный шар исчез так же быстро, как и появился. Она с недоумением посмотрела на свою пустую руку. Одно из трех колец пламени на ее руке поблекло.

— Ха! — воскликнул Тейлор. — Ха-ха-ха! — кажется, в его смехе слышались истерические нотки. — Мак, идиот эдакий, это было идеально!

— Правда? — переспросил я. У меня перехватило дыхание от взгляда на свою дымящую руку. — Что за черт? — я указываю на отпечаток трех красных линий огня на своем запястье. — Ох, — я подскочил от резкой боли, когда одна линия исчезла.

— Небольшая промашка, — говорит Мередит. — Давай попробуем еще раз! — она взмахивает руками в сторону Тейлора, но ничего не происходит.

Тейлор широко улыбается:

— Проблемы?

— Раньше такого никогда не случалось, — недоуменно восклицает Мередит.

— Мак, слушай внимательно, — быстро говорит Тейлор. — Не говори слова «я хочу» снова. Понял? Если ты не истратишь свои желания, она застрянет так навечно.

— Погодите, желания? — в унисон восклицаем мы с Мередит.

— Ты пожелал, чтобы она никого не убила, — самодовольно отвечает Тейлор. —

Так что она и не сможет, пока не выполнит контракт.

— Так мы... победили? — неуверенно спрашиваю я.

— Контракт? — восклицает Мередит.

— Стандартный контракт между смертным и бессмертным, — объясняет Тейлор.

— Весьма сложное заклинание, которое я обнаружил сегодня. Я собирался применить его на кое-ком другом. Но трудные времена требуют отчаянных мер.

— Эм, ребята, — обеспокоено произносит Дестин.

— Погодите минуту, — медленно говори Мередит. — Ты говоришь... говоришь, что я...

Внезапная догадка, и я восклицаю:

— Джин! Ты мой личный джин!

— Я НЕ ДЖИН! — кричит Мередит.

— Где лампа? — интересно мне знать. — Или бутылка?

— Это словесный контракт, — поправляет Тейлор. — Бутылка — это уже излишне.

— Ты, — резко выдыхает Мередит, — ты один из тех... этих самых!

— Прости, что?

— Один из тех человеческих... как же они называются? Те, кто делают всё ужасно... эх! — в разочаровании она пнула стену. — Это всё действительно так?

— В самом деле, — отвечает Тейлор. — Ты больше не убиваешь, Камилла в безопасности.

— Эм, ребята, — на этот раз громче говорит Дестин, в его голосе слышится страх.

— Я не уверен на этот счет, — он переводит взгляд на Камиллу.

Она стоит, нагнувшись и пошатываясь, обхватывает себя руками, словно пытаюсь не распасться на части. Взгляд расфокусирован, лоб покрылся испариной.

Тейлор подошел к ней, попытался поддержать.

— Не трогай меня! — тяжело дыша, прошипела она.

Мерedit грубо рассмеялась.

— Вот и всё.

Тейлор бросил на нее свирепый взгляд, советуя заткнуться. Она выдержала его взгляд с улыбкой.

— Я могу чувствовать, как горит твоя кровь, маленький фрик, — издевается она над Камиллой. — Без меча ты развалишься на части. Думаешь это ужасно? Это только начало. Если тебя вообще это волнует, — она развела руками, разом обхватывая меня, Тейлора, Дестина. — Вы будете умолять меня прикончить вас. Если я, конечно, смогу, — она резко подалась ко мне.

— Ты не права на счет нее, — говорит Тейлор, в то время как Камилла опускается на колени, сворачиваясь калачиком.

— Твой Габриэль бросил тебя, ты ведь знаешь об этом? — злобно шипит Мерedit.

— Он предал тебя. Это он сказал мне, что Волк в школе. Он отправил меня к тебе.

Спина, сгорбившейся на земле Камиллы, вздрогнула, она запустила руки в волосы, сжав кулаки.

— Камилла, — говорю я, медленно приближаясь к ней. — Камилла, не слушай ее.

— Она знает, что я права, — гогочет Мерedit. — Знаешь, почему он находился рядом с тобой? Он думал, что сможет изменить тебя, старая тряпка, он ошибся. Волк

всегда враг, и это никогда не изменится. Он бросил тебя. И ждет, чтобы я завершила свою работу. Даже, если это буду не я, то кто-то обязательно... ты монстр, кровавый монстр, и чтобы он не говорил и не делал, ничего из этого не сможет обуздать твою сущность!

— Uruse, — пробормотала Камилла сквозь завесу своих волос.

— Он бросил тебя, — повторила Мередит.

— Камилла, — я дотрагиваюсь до ее плеча.

— YAMEROU! — кричит она, толкая меня. И в следующее мгновение я лежу на земле, а Камилла нависает надо мной с нездоровым желтым блеском в глазах.

Ее губы слегка выпучены из-за зубов. И на короткий ужасный момент я подумал, что, возможно, Мередит права.

А потом лишь луна сверкнула серебром в волосах Камиллы, как она исчезла среди деревьев.

Глава 21

Джул

Колона из стекла подняла нас на головокружительную высоту. Я вцепилась в Рису, как только мы начали подниматься. Башня, казалась бесконечной, ее вершина исчезала в туманной дымке где-то далеко вверху. Я не могла заставить себя посмотреть вниз, боясь того, что могу увидеть. Наконец-таки мы остановились.

— Нужно прыгать, — сказал Рис.

Я ошеломленно посмотрела на него, еще крепче вцепившись в его куртку.

— Ты сошел с ума?

— Он догоняет, — просто ответил Рис.

Его лицо побелело, стоило ему взглянуть вниз.

— И я не смогу так долго удерживать колону. Я ведь не несостоящий Создатель

Зеркал, Джул. Я всего лишь гибрид.

— Ты должен вытащить нас отсюда, — умоляла я его. — Ты единственный, кто может...

Где-то внизу, под нами раздался звон бьющегося стекла. У меня перехватило дыхание. Я заметила одно открытое окно в Башне совсем рядом от нас. Однако пропасть между нами и им хоть и невелика, но весьма страшна. Уняв свой страх, я прыгнула, приземлившись на пол. Рис посмотрел вниз, колонна под его ногами начинала крошиться. Он прыгнул. Небольшой острый край разрушающегося стекла попал ему в щиколотку, из-за чего Рис потерял равновесие. Ударившись об стену, он все же ухватился за оконную раму, вскрикнув от внезапной боли. Я поднялась на ноги и схватила его за свободную руку.

— Иди, — произнес он. — Иди, я попробую сделать лестницу или что-то, на что смогу приземлиться.

— А если не получится, разобьешься, да? — рявкнула я. — Я тебя не брошу.

Давай, отрежь ту штуку и забирайся внутрь.

В его глазах засветилось понимание, свободной рукой он схватился за выступ на стене. И вот в его руке уже зубчатое стеклянное лезвие, он дотянулся им до колонны, разрезая ее, осколки посыпались на террасу этажами ниже. Я с его помощью втащила Риса в окно, запыхавшийся, он стал на ноги.

— Хорошая идея, — похвалил он. — И что сейчас происходит внизу?

— Не имею ни малейшего понятия! — воскликнула я, панически осматривая комнату. Где же мы оказались? — Сначала Габриэль говорил, что мы будем спасать Камиллу от Мередит, а потом он поменялся телами или что-то вроде этого, и начал говорить об использовании моих сил и как я могу помочь ему изменить мир или...

Понимание того, что я натворила, резко обрушилась на меня, я схватилась за голову, делая глубокий прерывистый вдох.

— Я не должна была приводить его сюда, ты был прав. Всё это время ты был прав. Боже, Рис, мне так жаль...

Он обнял меня, прижимая к себе. Я не была в безопасности, но, по крайней мере, Рис не злился на меня.

— Я не должен был отталкивать тебя, — произнес он мне в волосы. — Если бы я не... если бы ты знала, что я могу помочь, этого бы никогда не случилось.

Неохотно я отстранилась от него, осматривая комнату, пытаюсь найти выход из нашей ситуации. В комнате, в которой мы оказались, отсутствовали двери, и при этом было лишь одно окно. Посередине комнаты находилась огромная кровать с балдахином, а возле стен и на них располагались зеркала. Большинство из них имело одинаковую серебряную огранку в виде лоз роз, как и то, что в саду, но некоторые были более простыми. Всевозможных размеров. Некоторые больше меня, стояли на ножках другие — висели на стенах в овальном, прямоугольном или квадратном обрамлении. Одно имело форму звезды, с четырьмя длинными и четырьмя короткими лучами. Одна тонкая обсидиановая рамка висела на стене без зеркала. Одно лежало на столе, разбитое на осколки, ожидая восстановления.

Я дотронулась до одного из зеркал, думая, что его поверхность изменится, как и в том, что в саду. Но оно продолжало отражать комнату.

Внезапно Рис закричал. Лоза обвилось его тело, удерживая у стены. Она даже легла ему на рот, не давая говорить. Хемлок забрался в окно, грациозно ступая по полу, осмотрел комнату.

— Мастерская, — сказал он, оценивающе. — Фиона приводила меня сюда

однажды. Она была настоящим талантом. Если бы ты была ею, всё сложилось бы по-другому, — он улыбнулся Рису, который бросал свирепые взгляды, пытаясь разогнуть свои оковы. — Или даже Сорен. Все говорят о Сорене, но всё, что он сделал — это предоставил ей место для работы. Райаны и их патриархат.

Хемлок взял меня за руку и подвел к ряду зеркал.

— Одно из них должно работать, — сказал Хемлок, дотрагиваясь до поверхности зеркала. — Он вернет всех обратно. Он всё продумал, не так ли? — он встряхнул меня. — Отмени это!

— Я не Создатель зеркал, я не могу...

— Нет, ты Предвестник, — сказал Хемлок, его изумрудные глаза вспыхнули зеленым пламенем. — И к тому же Нуль. Ты можешь...

Он закричал, падая. Пол под ним начал проваливаться, и Хемлок застрял в образовавшейся дыре. Я попятилась, но кто-то крепко схватил меня за плечо.

Обернувшись, я увидела мужчину, которого называла отцом. В руке он держал простой железный меч, на лице не было место ни одной эмоции.

— Папа, — произнесла я. — Что ты...

Я почувствовала жгучую боль в ребрах. Меня охватил чужеродный холод, тяжесть.

Раздался треск стекла позади меня, как я отступила назад к зеркалам. Я посмотрела вниз.

Эфес меча торчал из моей груди. Я подняла руку, дотрагиваясь до него, не веря. Кровь свободно текла из раны.

Ох.

Камилла

Вперед через газон между кафе и школой. Слыша все звуки, ощущая все запахи. Я свободна, избавилась от кандалов. Так и должно быть. Я ныряю в живую изгородь и

побежала среди деревьев, быстрее, чем ветер. Ловлю ветвь надо мной, и подпрыгиваю, ликуя. Отпускаю ветку и падаю, кувыркаюсь в воздухе, чтобы ловко приземлиться. Я улыбнулась, но улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Деревья — это хорошо, но нет никакого удовлетворения. Нет справедливости.

Я хочу навредить кому-то, кто этого заслуживает. Я сдерживалась так долго, будучи спокойной и умиротворенной. И наиболее ограничивающий фактор — сочувствие. Я никогда не хочу больше чувствовать к кому-либо симпатию. Я буду такой, как когда-то, когда бродила по улицам Токио. До Габриэля, который отравил мою кровь. Почему я бегу от кафе? Я могу дать Эндер то, зачем она пришла.

Я чувствую огонь, текущий по венам, единственное железо при мне теперь — это мои кулаки. Я улыбаюсь, сжимая пальцы. Маленькие ручки. Но так даже лучше. Никто не будет ожидать от меня вреда. Они никогда не ждали.

Я ловлю запах по ветру, резко поворачиваю голову. Моя кровь кипит, а голова заполняется образами. Постоянно самоуверенная и надменная, с ее нелепыми волосами и в дорогой одежде, с нескончаемыми ехидными замечаниями в сторону Джул. Ее издевательства над Маком. Ускоряющееся сердцебиение Дестина, когда она подходит к нему и игнорирует. Если бы давали приз за эксплуатацию любви, он бы его получил.

Справедливость. Я еще крепче сжимаю пальцы, улыбаясь шире и увереннее.

Я собираюсь убить Хейли.

Не замеченная, я пробираюсь на школьный двор. Меня не волнует, если она меня услышит. Это не имеет значения. Она человек, человек, человек. Я отчетливо слышу это сейчас. С таким нюхом, я знаю наверняка. Просто человек, обычный человек. Это будет легко. Слишком легко. Какая чудесная ирония: девушка, мнящая себя всемогущей в стенах школы, на самом деле абсолютно беспомощна. Я поделюсь с ней этим

умозаключением. Хочется увидеть ее выражение лица.

Внезапно я улавливаю ее тень в сумерках, моя кровь бурлит, в ушах появляется звон. Все мысли занимает ее убийство. Плоть. Конечности. Когти. Справедливость. Они благодарят меня. Бесплезная девушка.

Она сидит на скамейке в саду между зданием школы и лесом. Ее медово-золотистые волосы сверкают в лунном свете. Она положила голову на руки, я чувствую запах ее туши и соленого раствора.

Она плачет. Смеюсь. Озираясь, она быстро вытирает глаза, окликаая:

— Кто здесь?

— Одна в лесу, — говорю я, выходя из-за деревьев.

— Камилла?

Ее дерзкий взгляд становится обеспокоенным, когда она видит меня в свете луны.

— Что происходит?

Улыбка расплзается по моему лицу. Она хватает сумочку, инстинктивно отклоняясь назад.

— Ты настоящая сука. Ты ведь знаешь это? — говорю я.

— Я... я не понимаю, — заикается она. Хейли заикается. И дрожит, как кролик.

Королева во всей своей красе. Боже, этот вечер хорош.

— Думаешь, можешь смешивать нас с дерьмом безнаказанно? — зарычала я ей в лицо. — Больше нет. Я покончу с этим прямо сейчас.

— О чем ты говоришь? — восклицает она, поднимаясь со скамейки.

Пусть попробует убежать. Она не сделает и двух шагов, как я разорву ей горло.

— Ты говоришь с ней на японском, идиотка. Она не понимает тебя.

Я не почувствовала его запах. Я развернулась, за моей спиной, засунув руки в

карманы, стоял Кей Сакамото. Где он взялся? И почему я не чувствую его запах? Словно он не существует.

Он лениво подтягивается, проводит пальцами по волосам.

— Ты смылась с презентации, Лесси. Миллер собирается занизить оценку.

Мои губы кривятся. Я тут не для того, чтобы болтать. Я занята. Я поворачиваюсь к Хейли, но Сакамото уже стоит между мною и ею.

Он не может передвигаться настолько быстро. Взглядом я измеряю расстояние, где он был и где находится сейчас.

— С Хейли не забавно, — говорит он. — Не тебе. Хочешь поиграть со мной взамен?

— Убирайся с дороги! — отвечаю я. Где-то глубоко в горле зарождается рык.

— Джул Грэм мертва, — произносит Кей.

У меня кружится голова. Красная пелена гнева в моей голове меняется на белую.

Он должно быть лжет. Он не прав. Мой друг.

— Что? — вскрикивает Хейли. — Как?

— Честно говоря, я и понятия не имел, чего хочет Саймон, когда он поручил мне найти меч Тейлоров. Но сейчас всё предельно ясно, — бесцеремонно говорит он.

Глазами нахожу свою ничем не обремененную левую руку. Мой друг. Красный импульс возвращается, возрастая.

— Каждый день ты входила в эти двери, нося на руке единственную вещь, способную ее убить, — говорит Кей. — Ее смерть — довольно неприятное происшествие.

С рыком я бросаюсь на него. Хейли с криком срывается с места, растворяясь в ночи. Я с силой ударяю его, он ныряет под мою руку. Как можно быть таким черствым?

Он считает, что это забавно? Неважно. Я занята. Глаза застилает красное полотно. Когда

я распотрошу по земле его внутренности, ему уже не будет так смешно.

Прыгаю, и он падает на спину, ударяет меня ногами и отталкивает. Я приземляюсь на ноги, готовая к следующему удару.

Но он уже в другом месте.

— Давай поиграем, — слышу его голос. Не могу точно определить, откуда он исходит. Кажется, со стороны леса. — Как насчет прятков?

Я кружу вокруг себя. На этот раз его голос звучит с другой стороны, ближе.

— Или еще лучше...

Я снова поворачиваюсь, обо что-то ударяюсь.

— Салочки, — говорит он мне прямо в ухо.

Я с силой ударяю его, он быстро скрывается в лесу.

С разочарованным ревом я пускаюсь вдогонку.

Хемлок

— Нет, — кричу я, с трудом подтягиваясь. Я не видел его. Должно быть, он проскользнул в комнату, когда я сосредоточился на ней. Прошел через дверь, может быть.

Или через окно. Создатель Зеркал может изменить что угодно в этой Башне. Маленькая трусливая мерзость. Нужно было убить его, пока был такой шанс.

— Интересно, он когда-нибудь использовался против Тейлоров? — усмехается

Саймон, прокручивая меч с ужасным хлюпающим звуком в сочетании с хрустом битого стекла.

Глаза Джульетты становятся стеклянными, она оседает. Он вытащил меч, и она,

истекая кровью, рухнула на пол. Она смотрит на него с широко открытым ртом. Без каких-либо эмоций он наблюдает, как из нее уходит жизнь. Она хотела что-то сказать, но не смогла произнести и звука, ее легкие наполнились кровью.

— Ты идиот, — прошипел я, направляясь к Джульетте.

Саймон наставил меч Тейлора на меня, и я замер.

— Еще одно оружие в твою коллекцию.

Я отступил, поднимая руки вверх. Мой последний шанс на месть умирает на полу, но я не собираюсь жертвовать собой ради нее.

— Ты не знаешь, что совершил, — говорю я Саймону.

Ее кровь заполняет щели на каменном полу, окрашивая в красный битое стекло.

Он не видит, что Башня поглощает ее жизнь? Неужели он настолько ослеплен ненавистью к ней?

— Рис, — вырывается крик Джульетты. Ударная волна силы, исходящая от нее, разбрасывает нас. Темная энергия фиолетово-черного цвета клубится вокруг ее тела, прозрачные щупальца силы окутали ее и растворились в ней. Из ее рта хлынула кровь.

Джульетта Грэм умерла. Алчность, которая всегда была характерна для этого тела, охватила меня.

— Она была моей, — взревел я.

Башня начала трястись под нами. На лице Саймона отразилось замешательство.

— Тебе нужна земля, чтобы вызвать землетрясение.

И снова ударная волна покачнула Башню, несколько зеркал пошли трещинами. Я медленно повернулся. Молния искрились в воздухе вокруг связанного мальчишки Райана.

Мои лозы, сковывающие его, осыпались песком на глазах. Он не шевелился, с широко раскрытыми глазами, смотря на безжизненную Джульетту.

Потолок начал осыпаться. Осколки стекла скользили по полу, превращаясь в песок. Разряды электричества достигли кровати и штор, полыхнувших огнем.

— Убирайтесь, — пробормотал он.

На мгновение мною овладел страх, я попятился. Я не ожидал такого. Он

неуправляем, у него не должно быть так много силы.

— Кто ты, черт возьми? — потребовал ответ Саймон, удобнее перехватывая меч.

Но он отреагировал, только когда мужчина вступил в поле его зрения.

— Пошел вон! — взревел Рис.

Через открытые окна ворвался ветер. Он оттолкнул меня и Саймона к стене, обогнув Джульетту и Риса. Осколки стекла кружились по комнате; я поднял руки, чтобы оградить лицо от острых, как бритва, осколков.

— Вот и выход, новичок, — сказал я, склонив голову к одному из оставшихся целым зеркалу. Саймон может активировать его, и мы избежим подавленного горем мальчика. Последний раз, когда я видел кого-то настолько неистовым, был уничтожен весь Сан-Франциско. Тогда это было дело рук Волка. Создатель Зеркал — это совершенно другое.

Саймон медлил, в то время как Рис обратил внимание на его руку, сжимающую меч, с которого всё еще капала кровь его девушки.

— ВЫ, — закричал он. Сверкающие молнии вместе с осколками кружили вокруг него.

Больше не колеблясь, Саймон прижал руку к зеркалу. Поверхность замерцала и он прыгнул. Я нырнул за ним, не обращая внимания на место назначения.

В лунном свете, освещающем комнату через небольшое отверстие, я прокатился по пыльному деревянному полу. Вокруг разбросаны старые коробки и бутылки. Лесопилка?

Напоминает кладовку старой лесопилки. Я посмотрел на зеркало, из которого вышел.

Статистический разряд всё еще скользил по его поверхности. С безумными глазами

Саймон взял первый попавшийся под руку предмет и запустил им в зеркало. В

оглушающей тишине леса треск стекла прозвучал оглушительно. Опадая, битое стекло дернулось, словно живое, но все же замерло, упав на пол. И снова тишина. Успокаиваясь, Саймон глубоко вздохнул, убирая волосы с лица. Что ж, по крайней мере, он достаточно умен, раз боится необузданной силы мальчишки. Кто же из них окажется сильнее? Думаю, со временем станет ясно.

Саймон потянулся к мечу, но он, казалось, бесследно исчез. Он повернулся ко мне, я же невинно опустил руки.

— Однажды ты уже украл его, — заявил он.

Я колебался. Я помнил, что выкрал его из дома Тейлоров. Но не помнил зачем. Я потряхнул головой, избавляясь от замешательства.

— И я бы сделал это снова, — ответил я. — Но ведь не обязательно быть вором, чтобы украсть.

— Кто сказал, что я краду? — раздался голос сверху со стропил. — Это более похоже на заимствование. Но на постоянной основе.

Мы оба посмотрели вверх, мальчик азиатской наружности сидел на краю дырки в крыше, в руках он крутил меч. Он учится в школе — один из любимчиков Унимо, если я не ошибаюсь. Все мысли и воспоминания о школе, словно в тумане, большую их часть я не помнил отчетливо.

— Мы заключили сделку! — прокричал Саймон.

— Вы уже сделали то, что хотели, — ответил мальчик, осматривая лезвие меча, покрытое кровью. — В любом случае, он не принадлежит вам.

— И что же ты хочешь сделать с ним? — потребовал ответа Саймон.

— А что нужно чучелу с мозгом или железному человеку с сердцем? Чао.

Он исчез в небольшом сиянии, прижимая к себе меч.

Саймон посмотрел на меня. Выражение его лица изменилось, когда он понял, что находится со мной наедине без единственного в мире оружия, способного причинить мне значимый вред. Осколки разбитого стекла завертелись в воздухе, образуя вокруг него защитный барьер.

— Так что ты хочешь делать сейчас? — спросил он.

Я улыбнулся.

— Ты хотя бы знаешь, кто я?

— Хемлок, — заявил Саймон. — Я исследовал зеркала и Зазеркалье в течение пятнадцати лет. Прояви хотя бы немного уважения.

— Значит, ты знаешь, что потеряешь.

Осколки начали кружиться быстрее, в такт с учатившимся дыханием Саймона.

Смешайте кровь Райанов с Грэм — и в результате получится нечто невразумительное. Он имеет силу от Райанов и целеустремленность от Грэм. И категоричность от обеих.

Слишком сложно держать его в игре.

Я ухмыльнулся и попятился. Никто не будет его оплакивать. Что может быть проще? Задушить его? Яд?

— Она сказала, что ты сделаешь это, — сказал он. — Она сказала, что ты убьешь меня лишь для того, чтобы избавиться от осложнений.

Страх сочился из него.

Конечно, именно для этого Саймон взял мое зеркало. Чтобы найти ее. Оно обнаружит любого, позволит поговорить с каждым, и существует лишь один человек, знающий о его свойствах.

Я нахмурился. Как она смеет предугадывать мои действия! Она думает, что может забраться мне в голову? Этот ребенок?

— И как же поживает Кира? Погоди-ка, я спрошу у нее сам, — говорю я, доставая из кармана зеркало. — Покажи мне Киру Харман, — произношу я.

Поверхность заколебалась, но почти сразу же вернулась в нормальное состояние.

— Что ты с ним сделал?

— Перестраховка, — ответил он, нервно облизывая губы. — Оно работает только для меня. Если ты убьешь меня, то зеркало станет бесполезным.

— Ты действительно думаешь, — я начал медленно наступать на него, — что это зеркало я ценю настолько высоко, чтобы сохранить твою жалкую шкуру?

Он нервно сглотнул.

Улыбнувшись, я положил зеркало обратно в карман.

— Беспокойся о том, чтобы оно все еще представляло хоть какую-то ценность, — схватив запястья Саймона, говорю: — Proxima.

Осколки оставляют порезы на моем лице и плечах, но они — ничего большего, чем неприятность. Моя кожа успевает восстановиться прежде, чем начинает сочиться кровь.

Саймон дернулся, но тернистый зеленый цвет уже покрывал его кожу.

— Ты приковал меня? — восклицает он.

— К себе, — подтверждаю. — Я доверяю тебе следовать за мной. У тебя есть расстояние в милю. Не заставляй меня сокращать его. А теперь, давай, мы уезжаем из города, прежде чем прибудет кавалерия.

Странное чувство неправильности охватило меня на мгновение, отодвигая рваные края дыры в моей памяти. Я вспомнил основной побочный эффект при перемещении в тело. Чего-то не хватает в моей голове, что-то я оставил позади, когда покинул тело Гохея.

Я знал, что так случится, что я потеряю часть себя, но я не знаю, что это за часть.

Камилла

Лес полностью меня поглощал, и мне это нравилось. Считала ли я это место чужим? Нет, это дом. Мое зрение приспособилось к темноте, слух обострился. Все стало бы прекрасно, если бы я смогла почувствовать запах. Разочарованно я остановилась на небольшой поляне.

— Трус! — кричала я в деревья. — Покажись!

Но я слышала только ветер, колышущий деревья, и биение крови в ушах. Слишком много тишины. Я оторвала толстую ветвь дерева и отшвырнула ее подальше. Все еще недовольная, я обхватила ствол дерева руками. С громким треском оно развалилось на части. Некая часть меня отметила, что подобное далеко выходит за пределы моих способностей. Но я настолько зла, что это не его шея — что мне все равно.

— Так сильно скучаешь по мне? — Он появился среди упавших веток, улыбаясь, словно чеширский кот. — У меня есть небольшое поручение. — Сакамото сжимает в одной руке меч, в другой подбрасывает какой-то предмет.

И хоть я знаю, что на моем запястье уже нет браслета, мои ногти инстинктивно впиваются в кожу.

Кровь, которую Габриэль откачивал с его помощью, сейчас течет по моим венам.

— Я передумал, — отвечает он на вопрос, который я так и не задала. — Такая ты не забавная. Твой мозг полностью испарился. Это будет даже не трудно.

Я не позволю ему отвлечь меня.

— Кто? — закричала я. — Кто ее убил?

Я наскакиваю на него, но в этот раз он даже не сдвигается с места. Воздух выходит из легких, как я резко падаю на землю. Он склоняется надо мной и с громким металлическим щелчком застегивает что-то на моей руке.

Руку начинает покалывать, и я чувствую, как из меня уходит сила. Разъяренная, я с

такой силой бросаю Сакамото, что он отлетает. Но прежде, чем удариться об дерево, он группируется и оказывается на ногах.

Браслет голоден и начинает есть меня живьем. Становится тяжело дышать, пот ручьем течет по лицу. Ярко-красная пелена сходит на нет, оставляя пустоту. Закружилась голова, я оседаю на землю. Бормочу проклятия на японском в сторону Сакамото, пока глаза не застилает темнота.

— Мак, Дестин, я нашел ее! — слышится голос Тейлора так близко и одновременно далеко.

Камилла открывает глаза. Руки и ноги плохо ощущаются, а горло пересохло. Все вокруг достаточно светло, но это из-за пожара, бушевавшего в кафе. Каким-то образом она оказалась лежащей на траве возле парковки кафе.

Тейлор стоял перед ней на коленях, осматривая на наличие травм.

— Ты вернула браслет? — заметил он. — Как ты его заполучила обратно?

Камилла застонала, не способная что-либо сказать в ответ.

Мак и Дестин вышли из тени леса. Что ж, они искали ее. Идиоты. Она же могла их убить. Она почти напала на Хейли. А Джул...

На глаза навернулись слезы. Сакамото лжет. Это не может быть правдой. Он просто пытался спровоцировать ее.

— Что случилось? — воскликнул Мак.

— Я только что обнаружил ее, — ответил Тейлор. — Думаю, она в порядке.

— Тогда почему она плачет? — не унимался Мак, опускаясь на колени. — Эй, ты как? Давай, золотой рейнджер, скажи, ты же в порядке?

— Да, — тихо ответила Камилла.

Мак вздохнул с облегчением.

— Я знал, что ты нас не тронешь.

Она бы тронула. Если бы Сакамото не вернул браслет...

— Это плохо, — произнес незнакомый голос. — Мне придется начинать с нуля.

Собрав всю оставшуюся силу, Камилла с трудом повернула голову, чтобы увидеть человека, стоящего на границе леса, смотрящего на горящее кафе. Он оказался высоким, с зелеными запутанными волосами, одетый в устаревшую истертую одежду.

Выражение его лица стало раздражительным, как он посмотрел на них.

— Итак, Джон, так ты говоришь, что Мередит сожгла мое кафе?

Его кафе?

Тейлор озвучил ее вопрос, повернувшись лицом к мужчине:

— Кто ты, черт возьми?

— Я тот, кем вы и думали, я являюсь, — усмехнулся он.

Камилла узнала его улыбку, ее она видела на тех картинах, которые они обнаружили с Джул. Третий бессмертный.

— Я привык, когда меня называют Габриэлем. Так что вы можете продолжать, — сказал он. — Но сейчас, когда я вернул свое тело, я также откликаюсь и на Хемлока. Или Вора. Хммм, — он задумался, прижав палец к подбородку. — Габриэль Хемлок — мне нравится, как звучит.

Камилла не верила. Нет. Этого не могло быть. Но это его выражение лица, поза, поворот головы, вот только тело не то. Узкое лицо, широкая линия губ, сверкающие зеленые глаза. Он обладал суровой красотой.

Он — не Габриэль.

Тейлор в удивлении широко открыл глаза.

— Другое тело? Ты имеешь в виду, что скрывался в другом...

— С 1906 года, — сказал этот мужчина, волосы которого имели зеленоватый оттенок. — Самим собой я был почти столетие назад. Должен признаться, это был тяжелый век, — он потянулся. — Нужно поблагодарить вашу Джульетту, что исправила это. Да, должен вам сказать, что Саймон проткнул ее своим адским мечом.

Каждый дернулся.

— Лишние расходы, согласен, — сказал мужчина, называющий себя Габриэлем. — Но что сделано, то сделано. Я думаю, я оставил что-то здесь... — на его лице отразилось смутение. — Но что бы это ни было, оно уже сгорело в пламени. Ладно. У меня есть хорошая новость для тебя, Джон. Ты не увидишь меня в течение некоторого времени. Так много дел. Позволю тебе вернуться к, — он с любопытством посмотрел на Камиллу, — блондинке, — на его лице не отразилось даже намека на узнавание.

Вот и доказательства. Это не Габриэль.

— Передавай привет Шарлотте, — сказал напоследок он, не оглядываясь, исчезая среди деревьев.

Она хотела встать и отправиться за ним. Накричать на него, потребовать ответов, но тело отказывалось подчиняться.

Это не Габриэль.

Тейлор набрал номер и поднес телефон к уху.

— Беа? — сказал он в трубку. — Беа, ты уже дома? Скажи, — он замолчал на несколько долгих минут, становясь все более угрюмым по мере услышанного. — Скоро будем, — сказал он и повесил трубку. Повернулся к нам: — она нашла ее.

Глава 22

Мак

Мы ворвались в дверь миссис Грэм в тот момент, когда она выходила с гостиней.

— Я нашла ее в саду, — говорит он. — Она лежала возле дерева. Зеркала больше не существует.

Я не уверен, насчет чего она расстроена больше. Например, я не мог думать о каком-то чертовом зеркале. Джул мертвая лежала на диване.

Камилла отмерла, направившись к ней, я же не мог сдвинуться с места. Платье Джул всё в крови, ткань на груди оборвана.

Камилла резко выдохнула.

— Там нет... — она положила руку на сердце, пытаясь показать слово, которое забыла.

— Нет сердца? — воскликнул я. Боже, меня стошнит.

— Нет раны? — коротко спрашивает Беа. — Да, я знаю. У нее есть пульс к тому же. Невероятно слабый, но есть. Но она не проснется. Здесь ее тело, но не она сама.

Она не мертва. Меня переполняет облегчение.

— Что это значит? — спрашивает Тейлор. — Габриэль сказал, что Саймон ее убил.

— Габриэль? — переспрашивает Беа. — Габриэль не может даже говорить. Я тоже нашла его в саду. Он помог мне принести ее сюда. На нем своего рода заклятие, но я не могу его осмотреть, потому как чертов бес не подпускает меня к нему.

— Подождите, что? — требую я объяснений, и тут он выходит из кухни.

Опекун Камиллы. Хорошо, парень, который выглядит как он. Он идет медленно, вглядываясь в наши лица, будто видит незнакомцев. Он слегка наклонил голову. На его горле новая зеленая остроконечная татуировка. На его плече сидит бес, его длинный хвост подрагивает, а глаза одновременно косятся на нас всех.

Тейлор внимательно его осматривает.

— Беа, мы видели настоящего Габриэля возле кафе, как раз перед тем, как я тебе

позвонил. Кем бы он ни был, но они поменялись телами.

Он взглянул на мужчину.

— Animus mutatus? Зачем кому-то делать такое? Это заклинание имеет ужасные побочные эффекты.

Мужчина смотрит на Камиллу, хмуря в замешательстве лоб.

— Гохей, — глухо произносит он. — Ты Гохей. Он Хемлок.

Гохей медленно кивает. Камилла тяжело опускается в кресло.

Беа и Тейлор переглядываются. Видимо, происходит что-то важное, но, честно говоря, меня это не волнует. Я прохожу и сажусь в кресло возле дивана, беру руку Джул в свои. Эта мысль меня не пугает. У нее холодная кожа, но Беа права, удары ее пульса слышны где-то каждые 5 секунд.

— Я нашла, где ты прячешь вииниски, — раздается певучий голос из кухни.

— Забыла упомянуть, — вздыхает Беа.

Прекрасно. Снова она.

— Почему все с такими мрачными лицами? — говорит Мередит, проскальзывая в свободное кресло. — Будто кто-то умер.

— Я думаю, тебе не следует пить, учитывая события сегодняшнего дня, — говорит Беа, смотря на нее с укором.

Бес на плече Гохея сердито шипит, дергая хвостом. Мужчина поднимает руку, чтобы удержать его.

— Милая, после сегодняшнего дня, мне нужно всё спиртное, что есть, — вздыхает она. Отпивая прямо из бутылки.

— Ты сожгла здание, — холодно говорит Тейлор. — Ты почти убила Камиллу.

— А сейчас я абсолютно безвредна, — отвечает она, показывая на символы

заклинания на ее плече.

— Ты все еще хочешь убить Камиллу, — не сдается Тейлор.

— Она все еще бомба замедленного действия, я была бы психом, если бы не хотела этого, — пожимает она плечами, делая еще один глоток из бутылки. — Уверена, вы слышали о том, что друзей нужно держать близко, а врагов — ее ближе? Вот ваш шанс. Я могу остаться с вами. Или пойти в команду к вашему любимому мальчику Габриэлю. Он человек с целью.

— Почему бы тебе не пойти к нему тогда? — спрашивает Тейлор. — Почему остаешься с нами?

— Потому что, несмотря на мое сегодняшнее поведение, я хочу, чтобы мир оставался обычным. Я люблю обычность, — нежно отвечает она. — В ней много счастливых мгновений, горячие хот-доги, мускулистые мужчины, играющие в американский регби, в маленьких спандексных штанах. Я вела себя таким образом, чтобы сохранить этот мир. Волк уничтожит всё это, — она обводит взглядом всех нас. — И я надеюсь, вы увидите это в том свете, в каком вижу я. Так-то, — она улыбается, наблюдая за нашими лицами. — Можно выбирать любую свободную комнату?

— Будто нам нужны лишние осложнения, — ворчит Тейлор.

— Эй, это ты связал меня, — заявляет она, указывая на кольца на ее руке. — Если хочешь освободиться от меня, только скажи волшебное слово, — улыбается она мне.

— Ты можешь вернуть Джул? — хватаюсь я за этот шанс.

Она делает вид, что обдумывает мой вопрос. Из заднего кармана брюк она достает небольшую записную книжку, начиная быстро листать страницы.

— Не похоже, — говорит она, убирая блокнот. — Такого нет в моем списке способностей.

— Ты хотя бы знаешь, что с ней? — спрашиваю я.

Она отставляет бутылку и подходит ближе, внимательно осматривая Джул.

— Это... — она хмурит брови. — Возможно... Ой, — восклицает она, ударяя себя по лбу. — Нет! — вдруг яростно кричит она. — Не имею ни малейшего представления.

Хватит задавать мне вопросы. Мне всё равно, что произойдет с твоей подружкой, — она проносится к входной двери.

Гохей смотрит ей вслед с пустым выражением лица. Бес успокаивается.

— Габриэль говорил, что Саймон проткнул ее с помощью меча Тейлоров, — говорит, стоящий за моей спиной Тейлор. — Он изготовлен для убийства бессмертных. Но я никогда не думал о том, как он работает. Мой отец говорил что-то про разрыв связи с их душами, что они переносятся...

— Ниже, — впервые подал голос Дестин.

Я оборачиваюсь, он неотрывно смотрит на Гохея, потупившего взгляд. Тейлор делает шаг в его сторону, но бес шипит на него, и он останавливается.

— Ты знаешь, что делает меч? — спрашивает он.

Гохей легко пожимает плечами, словно говоря, конечно, знаю.

— Тогда скажи нам, — говорю я, а он указывает на символы, начерченные на его шее и вопросительно поднимает бровь.

— Ради всего святого... — говорит Беа, доставая из ящика листок бумаги и карандаш.

Он с любопытством начинает строчить ответ. Закончив, протягивает листок Беа, и она читает вслух:

— Тела бессмертных не поддаются разрушению. С целью борьбы с нами Тейлоры выковали меч, способный разрушать связь с душами, отправляя их ниже.

— Ниже? — переспрашиваю я.

Он, опять же, указывает вниз.

— Что-то вроде ада? — восклицаю я, вглядываясь в бесстрастное лицо Джул. Она ведь не может быть в аду?

— Это место называется по-разному, — говорит Беа, также смотря на нее. — Но твое определение может быть наиболее точным.

— Хорошо. И как мы вернем ее? — с каменным выражением на лице произносит Камилла.

Эпилог

Рис

Что толку?

Я сидел в своей комнате, уставившись в зеркало. Когда я очнулся в саду, рядом с собой обнаружил тело Джул и зеркало из Башни, покрытое сетью трещин. Никогда раньше я не мог его переместить, но сейчас оно было сломано. Я принес его домой. Никто больше не использует мое зеркало. Я провел пальцем по серебряной розе.

Но что толку?

Я собирался вернуть ей дневник. Я думал, что возврат этой глупой вещицы позволит нам наладить отношения. За ним я и вернулся в Башню. Я вытащил его из кармана пиджака, смотря на оттиск. Кира. Дневник ее матери, сказала она. Он привел ее ко мне, и я...

Ладно.

Нужно сконцентрироваться — я представил бесконечные просторы спокойного океана. Я, один, вокруг ничего, способного поколебать мое спокойствие.

Но океан темный, а небо грозное.

Это казалось смешным, что я оказался в таком смятении. Она всего лишь девушка.

Я едва знал ее. Я ни с кем достаточно близко не знаком, и это никогда меня не волновало.

А сейчас я не могу избавиться от огромного чувства потери. И вины. Мне кажется, океан начало штормить. Если бы я только.... Если бы я не запер ее...

Я ходил кругами по своей комнате. Моя кровать выглядела похожей на ту, что сгорела в Башне. Книжные полки вокруг меня, роза от пола до потолка действовали гнетуще. Полно исследований, которые мне предстоит провести. Это было то, что я хотел.

Ясный путь к трону, только он имел значение. И ничего не отвлекает.

Я толкнул стопку книг, и они попадали на пол. Боже, помоги мне, я хотел бы, чтобы

Джул отвлекала меня. Я был один, не имея никаких перспектив. Но что толку?

Повернувшись к зеркалу за моей спиной, провел пальцами по трещинам. Я потерял Джул. Потерял Башню. Из-за того человека... Молнии засверкали над океаном.

Мои зубы крепко сомкнулись, когда я думал о Саймоне Грэм. Может быть, я и не могу вернуть Джул, но я могу отомстить за нее. Если бы я только нашел способ, чтобы моя сила действовала по эту сторону зеркала, я мог бы уничтожить его.

Я потерял целую библиотеку Башни, но, возможно, в этом дневнике... я услышал мягкое шипение, похожее на шелест бумаги. Я осмотрелся, в комнате не могло быть ветра.

— Сссс....

Я оглянулся, ища источник шума.

— Кто здесь? — спросил я.

— Сссс....

Я неподвижно застыл, пытаюсь уловить звуки.

— Рис? — произнес тихий голос. — Рис, это ты?

С широко раскрытыми глазами я смотрел на разбитое зеркало. Трещины не дают

полной картины, но это несомненно лицо. Ее идеальное, красивое лицо — ее пышные губы, ее большие темные глаза, глаза, в которых я мог потерять себя навеки.

— Рис, помоги мне, — умоляла Джул, ее голос звучал приглушенно и далеко. —

Ты должен вытащить меня отсюда!

Это стало маяком, далеким маяком. Я мог бы доплыть до него.

— Вытащу, — сказал я ей. — Клянусь.